

В. Петров-Одинец

Право на звітуючу

Annotation

Двадцать второй век. Земляне смогли удержаться от самоубийственной ядерной схватки, мирно разделить планету на зоны интересов, объединившись в крупные, многонациональные конгломераты-державы. Земляне выбрались в ближний космос, но столкнулись с невозможностью существовать вне родной планеты. Надеясь вырваться из заколдованного круга, учёные-космогонисты решаются на хорошо рассчитанную авантюру. Смерть знаменитого адвоката, которой занимается равнодушный следователь, вскрывает цепочку случайностей, что привели к трагедии. Суд, шумный процесс - пока это происходит на Земле, реинкарнированные по задумке космогонистов земляне осваивают иную галактику и даже передают весть об удаче авантюры на родную планету. Из Дальнего космоса, что резко меняет вектор общественного мнения...

-
- [часть первая](#)
 - [часть вторая](#)
-

часть первая

Ближний космос

Искусственный интеллект завис. Как это случилось пару веков назад с его далёкими предшественниками - компьютерами, работавшими ещё на двоичном коде. Те сбоили, когда натыкались на непредусмотренную программами ситуацию. Этот ИИ остановился в долгой задумчивости после того как обработал очередной пакет полученных от киберов сведений.

Случилось это на сороковой лунной площадке, в ангаре которой проходил предстартовый контроль очередной исследовательский корабль Новосибирского отделения Русско-Туранской Академии Наук. Собственно, не очень-то и корабль, скорее, простенький и относительно дешёвый беспилотник, отправляемый для обследования очередной перспективной на разумную жизнь звёздной системы.

По сути – зонд, по записи в регистре – грузовой каботажник. Каюты экипажа удалены, чтобы расширить трюм, коридоры и даже рубка заполнена приборами, атмосферными зондами и прочими научными прибабасами. Подобных судёнышек в Дальний Космос улетело уже десятка полтора, но ни один пока не вернулся.

Для Луны отправка беспилотных зондов – дело обыденное, рутинное. Поэтому площадку ему выделили самую маленькую, древнюю, которую обслуживал такой же древний, отживающий свой век искин. Откуда ему, неживому, было знать, что у Татьяны Осиповой, так звалась оператор стартовой площадки, сегодня было минорное настроение из-за ссоры с сердечным другом. Завтра заканчивалась её смена и впереди светил длинный, полуторамесячный отпуск, который она намеревалась провести на Филиппинах, и не одна.

А Дима, видите ли, вынужденно опаздывал почти на неделю – ему поручили прием разведывательного зонда с Юпитера и расшифровку данных, привезённых тем. Срочная работа, понимаешь! Да такие зонды чуть не каждые полгода прибывали! И что, ради этой рутины надо отказаться от любимой девушки?

- Свинтус! – вырвалось у Татьяны.

Мудрено ли, что все мысли расстроенной девушки крутились вокруг самой важной в жизни темы? Естественно, она глянула на монитор, ибо переживания – дело личное, а тут работа, потому что Космос ошибок не прощает. Но на стартовой площадке людей не было, опасность никому не грозила, да и проблема выглядела пустяковой. Разве оператор должен беспокоиться, если до старта этого большого зонда ещё пара дней? Тем более проблема не в двигателе, не в системах обеспечения старта. Внутренняя, трюмная, никаким боком не стартовая:

«В тридцатом боксе вышел из строя термостат 172 ячейки, вследствие чего два образца ткани утратили годность», - прочла она доклад искина, и недоумённо спросила. - И это всё?

- Ремонтный модуль заменил термостат. Что делать с испорченными образцами и соответствующими твердотельными носителями инфы?

- Все искины дураки, и ты тоже, - вполголоса возмутилась Осипова, а потом официальным тоном приказала. – Испорченные образцы и носитель удалить, заполнить ячейку резервными.

Искин площадки пояснил:

- Тридцатый бокс комплектовался в Академии, доставлен и установлен курьером, резервных образцов на складе стартовой площадки нет.

Оператор Татьяна Осипова за комплектацию груза не отвечала, в рутинных делах «академиков» ничего не понимала, лезть в их епархию и вовсе не собиралась, поэтому отмахнулась:

- Посылай рапорт в Академию, лучше прямо тому долбаку, который сопровождал и распределял ту научную дребедень. Пусть сами свои огрехи исправляют. Не успеют – их проблемы. Исполняй!

Через несколько секунд рапорт с Луны пришёл к искину Сибирского отделения Русско-Туранской Академии Наук. Этот искусственный интеллект (хм, «интеллект»! Да всего лишь большой аналоговый компьютер по мнению местных скептиков) мигом переслал уведомление адресату, аспиранту Василию Михееву. Тому самому курьеру, чей робот сопровождал на Луну не только тридцатый, но и ещё десять боксов упомянутого исследовательского корабля.

И который лично – аспирант, не его кибер! - отвечал за качество содержимого каждой ячейки.

**

Москва. Кафетерий в здании Верховного суда.

Шариф Русланович Зулькарнаев подстерёг Вольфа на выходе из зала заседаний. После тяжелейшей дискуссии, когда с Андрея, фигурально выражаясь, пар валил от перегрева. Ему, видите ли, нужно срочно посоветоваться! А разве почти другу, однокурснику ещё по медицинскому факультету, откажешь? Пришлось согласиться. Но не сразу, полчаса досталось представителям СМИ.

Уставший по самое не могу, Вольф вошёл в кафетерий, заказал двойной капучино – взбодриться. Тут уж о давлении думать поздно, не пасть бы, как загнанная лошадь! Адвокат скрёб ложечкой по чашке, собирая пенку, слушал академика и мысленно стонал: «Ну, на хрена это мне? Боже, дай сил не послать Шарика на...»

Добро бы смысл в разговоре был, так ведь нет! Зулькарнаев вещал, словно читая лекцию, о том, что было прекрасно известно им обоим, приводил давно отвергнутые аргументы, а закончил ожидаемой просьбой:

- Андрей, помоги отменить закон о клонировании людей.

Вольф ответил коротко, как и в прошлые разы:

- Ты же знаешь, Зуль, это невозможно.

Академик Зулькарнаев умоляюще сложил руки на груди. Конечно, он знал, ведь запрет наложили из-за его неудач. Одобренное на высочайшем государственном уровне выращивание молодых тел для двух слишком рано умерших гениев прошло успешно. Эмбрионы развивались до девяти месяцев в инкубаторе, затем переселились в репликаторы, где рост всех тканей разогнали до максимума. Достигнув соответствия примерно двадцати лет или чуть больше, ткани тел перестали реагировать на гормоны роста. И настал момент истины! Ментограммы гениев вписывались в мозг соответствующего тела начиная с третьего месяца развития и списались прочно. Клоны прошли интеллектуальные тесты на высочайшем уровне.

Но радость команды Зулькарнаева оказалась преждевременной. Воссозданные гении показали коллегам и подчинённым слишком вспыльчивыми. Психологи и психиатры проверили жалобы и предложили академику срочно лечить клонов, и лучше – в отдельных палатах. Тот возмутился: «Гениев в дурдом? Нет! Амбулаторно, под

ваш ежедневный контроль! Нейролептики и ноотропные – давать помалу!»

Увы, это оказалось ошибкой. Через неделю клоны обуяла такая агрессивность, что один из них убил психолога во время беседы, а второй – искалечил медсестру. Помещённые в психиатрическую лечебницу клоны быстро растеряли интеллект, превратившись в «овощ». Сегодня, спустя десяток лет после эксперимента, их безумные тела ветшали, повторяя судьбу самого первого клона на земле – злобной овечки Долли. Но академик не унимался:

- Мы нашли причину агрессивности, Андрей. Надо было лишь воссоздать условия, приближённые к вынашиванию в утробе матери. А мы держали их в сурдокамере, в одиночной тюрьме, вот они и одичали! Клон овечки, которой давали слушать меканье отары, лай овчарок, голоса чабанов, пенье птиц, питание которой мы чуть-чуть меняли, как если бы мать ела разнообразные травы, которой добавлял эндорфинов - вырос ласковым и послушным. Андрей, ты же сам начинал генетиком, помоги снять запрет!

Вольф укоризненно посмотрел на однокурсника. Да, будучи студентом-медиком, он разделял взгляды Шарифа, принимал участие в его экспериментах. Но тогда он ничего не соображал. Сейчас, прожив жизнь юристом, постиг и осознал многое. Наверное, поэтому – в который уже раз! - попытался втолковать, донести понятое им самим до старого приятеля:

- Так, повторяю, ещё раз, с самого начала. Зуль, человека не напрасно считают высшим животным! Человек, как нам с тобой ещё в меде доказали, он думает обо всём, что его касается, не просто так, чтобы раз, и навсегда закрыл для себя тему. Нет, я не издеваюсь, я просто напоминаю, что человеку свойственно рефлексировать. И если тема болезненная, то он возвращается к ней раз от разу. Накручивает себя. Овцу, говоришь, ласковой сумел вырастить? Молодец. Но она овца, ей не о чем рефлексировать. А ты - человек. Вот тебя, допустим, клонировали. С памятью о тебе старом, заслуженном. Классно, да? Ты внутри академик, а снаружи весь из себя молодой, безусый, пацан-пацаном. И выступаешь перед своими учениками, каждый из которых старше тебя вдвое, а то и втрое.

Шариф Русланович дернулся было возразить:

- Да я с радостью! И они тоже...

Но Вольф повысил голос и заставил слушать себя:

- Нет уж, помолчи, здесь тебе не аудитория! Так вот. С одной стороны, ты пацан, с другой – академик. Возникнет у них диссонанс. Хоть спорь, хоть не спорь, но он будет, будет, непременно будет! И начнёт их корёжить. Глазами они видят мальчишку, и ушами слышат не тебя нынешнего, матёрого профессора, академика... А студенты твои, которые опять же старше тебя окажутся, им какво выслушивать наставления от пацана, а? Ты, клон, не дурак, и видишь это, чувствуешь... Раз улыбнулся, простил. Второй раз – пошутил, понял. Третий – уже надоело...

Он глотнул остывший кофе, сморщился, отставил полупустую чашку, жестом останавливая приятеля:

- погоди, я закончу! Так вот... Диссонанс у коллег клона – это одно. А сам он ведь тоже человек. С молодой, подпитанной гормонами психикой. Он помнит, как работал, как любил, как спорил. Но это ТЕ воспоминания. А он уже – НЕ ТОТ, а совсем другой человек... И вот ты, клон, понимаешь, что тебя, фактически, изнасиловали. Без спроса, без согласия зарядили чужую память, заставили занять чужое место, обязали читать чужие лекции, жить чужой жизнью. А тебе, молодому, хочется гулять, трахать сверстниц, пить пиво, водку, коньяк, делать собственные глупости, набирать собственный жизненный опыт...

Да, уйму лет назад студенту Вольфу виделась непаханая целина генетического конструирования, в светлой дали которой мерещилось исцеление безнадежно больных, абсолютное лекарство от рака, могучие и красивые тела потомков... А сейчас Вольф - умудрённый опытом пожилой человек - точно знал, что не след человеку вмешиваться в божественный промысел и дублировать уже рождённых.

И не в том дело, что бородатый дяденька, сидящий в окружении херувимов на облаке, идеально сотворил человека, отнюдь. На взгляд Вольфа, кошачьи сконструированы намного лучше. Беда в том, что выход в космос показал человечеству - оно обречено жить на планете. Удаляясь от Земли, космонавты начинали хиреть, слабеть, терять интеллект, а за пределами Солнечной системы погибали от угасания жизненных функций. Никакая гeибepнaция не помогала.

Фантастические романы и повести об освоении космоса оказались банальной утопией. Древняя пословица: «Где родился, там и

пригодился» зазвучала приговором человечеству. А раз так, то какой смысл в генетике, в клонировании, в переносе ментограмм оригинала – дубликату? Гораздо разумнее сделать следующий шаг, вписывать ментограммы в искусственные интеллекты, чтобы мыслящие роботы осваивали Ближний и Дальний Космос. Всё это Вольф высказал Шарифу. А потом добавил:

- Я бы, очнувшись клоном, взбесился. Наломал дров, как те, первые. Посему – нет. Извини, дружище Зуль, но клонов на Земле я не допущу. Жаль, что огорчил тебя. Ещё раз извини, и - мне пора.

Прощальное рукопожатие бывших однокурсников выглядело формальным, как у политиков враждующих стран.

**

Новосибирск. Академгородок.

В воскресный день даже представители учёного сословия, особенно, молодые, предпочитают отдыхать от трудов праведных. Рифеев с друзьями и подругами оттягивался на танцполе в одном из клубов Академгородка. И вдруг в разгар веселья ему в ухо влетело служебное уведомление. Кому такой облом понравится? Вот именно что никому! Тут и последний ботаник поневоле взбеленится.

Васька сдержал в себе недобрые слова в адрес подчинённого, вполне естественные из-за очень несвоевременных проблем. Не выругался. Он ведь учёный, человек априори культурный. Максимально вежливо извинился перед девушкой, на вечер с которой имел небезосновательные виды, и чуть не бегом выбрался в чилаут, где было пусто. Самое место поорать на нерадивого подчинённого в полный голос.

- Седьмой на связи, - ответил ему синтетический голос.

Василий Рифеев набрал в грудь воздух и принялся «спускать пар». Пусть в служебном подчинении аспиранта числился отнюдь не живой человек. О, человек, если и виноват в дурном поведении, то прекословить не преминет, ни в коем разе! Ваську же слушал тупой кибер, стандартный модуль-доставщик, в который кем-то из соратников по проекту «Сдвиг матрицы» наскоро установлены несколько необременительных для работа программ. Михеева это не остановило, он кричал в полный голос.

- Ты, придурок! Ткани в сто семьдесят второй ячейке сгнили нафиг!

Васька орал, зная достоверно, что делает это впустую, но человек ведь существо иррациональное, ему пофиг, что «железо» не воспринимает эмоции. Поэтому, на, робот, получи:

- Почему не проверил термостат? Или ячейку не дезинфицировал, как полагается? Кретин!

- Рифей, ты кого там костеришь? - раздался в комнате человеческий голос.

- Арька, не лезь под руку! – отмахнулся от приятеля аспирант Рифеев.

Аристарх Иванов, который, оказывается, сидел в уголке, потягивая пиво, усмехнулся и замолчал. Он не знал, кто так рассердил приятеля, но по контексту ора догадался – ругань адресована не живому существу. Кошка или собака не ответили бы, они отвечать пока не умеют, хотя умом прекрасно понимают как интонации, так и отдельные слова. И не столбу или стене кричал Васька – у тех мозгов вовсе нет. Значит, кибер на том конце.

- Сам, небось, напортачил... - негромко буркнул Иванов.

Для себя сказал, чтобы не мешать приятелю. Каждый, если не врать себе, ругался ведь то на телевизор, то на телефон, то на автоматический кофейник, да на любой кибер-модуль, у которого «крыша съехала». Дело житейское, ведь программы записывались в твердотельные, настолько простенькие «мозги», что те запросто глючили от перегрева, от удара, от падения напряжения в бортовой сети. Да от чего только они не сбоили!

Приходилось кибера менять или ремонтировать, то есть перепрошивать или перезагружать исходную программу. А если на работе, то потом получать взбучку от диспетчера, что задание выполнено не в срок, а позднее. Так важно ли, на кого в сердцах орёт Васька? Тем более, что потом ему с гарантией не придётся извиняться за горячность.

И верно, излив гнев, Рифеев успокоился. Он, вообще-то дураком не был, просто досада взяла. Кому поручено контролировать загрузку на этом участке? Ему. Значит, он и виноват. Но на себя сердиться как-то стрёмно. Не будешь же ругаться, глядя в зеркало? Вот и орёшь, кто подвернулся. Понятно, что на работа – глупо, так ведь больше не на кого.

Васька застеснялся было, очень уж неловко получилось, что в присутствии Арьки истерил. Хотя, тот свой парень, не станет потом прикалываться. И вообще, робот на связи, ждёт. Пора дать ему задание по устранению проблемы, конкретно приказать:

- Ты понял, что испортил две ячейки? Теперь их менять надо!

Модуль паузу в крике аспиранта воспринял как сигнал к диалогу и ответил казённо:

- Протокол дезинфекции и заморозки выполнен полностью.

- Толку-то, - опять разозлился Рифеев и сформулировал приказ: - Немедленно найти пригодные объекты для взятия ткани и ментографирования, чтобы срочнейшим образом доставить на Луну и заполнить ячейку!

- Какие объекты? – тупо уточнил кибер-модуль.

- Вот баран! – огорчился аспирант его безмозглости. – Такие!

Его прервал Аристарх. Видимо, поняв по контексту, что произошло, приятель решил вмешаться:

- Вась, ты хорошо работа строишь, – подколот он аспиранта, - но завязывай уже, пора на танцпол, девчонки скучают...

- Не мешай!

- Я помочь хочу. Ты ему узкую задачу сформулируй, а то он сейчас начнёт запросы рассылать, ответы ждать, так и за неделю не найдет что надо. Будь проще, и киберы к тебе потянутся, - опять съязвил Иванов. – Короче, ткни его в инет. Без подсказки робот в сеть не полезет, а ментограммы там скачать можно влёгкую. Хоть заархивированные, хоть в натуральном виде. Объём, конечно, чудовищный, но на твоём модуле памяти море, должно хватить... В ячейке кто был, не слон?

Михеев поскрёб затылок. Приятель был прав – кибер в принципе инициативой не наделён, и без приказа в интернет вряд ли сунется. Вот только ментограммы и клетки каких животных лежали в испорченной ячейке, Васька никогда не интересовался. Поэтому пожал плечами:

- Я помню? Коза, корова, да оно важно? – И обратился к роботу. – Эй, ты! Зайди в сеть, поищи в лечебницах, в НИИ, у частных. Прежде чем качать ментограмму, найди в стаде оригинал по номеру. В общем, чтобы до утра взял аналогичные испорченным.

- Понял. Запрос на скачивание посылать от Академии или от вас лично?

Рифеев возвёл глаза к потолку, потом глянул на Иванова, призывая того в свидетели киберской дури, и завопил:

- Кретин, какой запрос? Нет на это времени, понял? Поэтому в темпе всё делай, в темпе! Тырь, ночью этого никто не заметит! В общем, где хочешь, там и бери, но утром пробы должны лететь на Луну! Уяснил, тупая железяка? Тогда кинулся исполнять, мухой!

- Уяснил. Исполняю, - ответил механический голос.

- Ну, ты озверел, Васька, - покачал головой Иванов, делая очередной глоток пива из банки, - так на кибера наезжать. Проколешься. Он тебе белую мышь вместо козочек в ячейку загрузит, потом не оправдаешься! Плюнь. Дешевле обойдётся.

- Нельзя, ты же знаешь, Искин настучит, если что не так. Главное, до старта успеть, а там... Сколько уже зондов отправили? Если этот вернётся, то про ячейку никто и не вспомнит на радостях...

- Слушай, Михей, а как это у тебя модуль человеческий язык понимает? Баран, железяка, тырь... Что, вбил ему программку «Жаргон»? Вот на фига? Шеф узнает – мало тебе не покажется!

- Арька, сам не лучше, - парировал Василий Рифеев, - кто кибера в собаку превратил?

И он был прав. На входе в контору транспортного блока, который по привычке называли гаражом, действительно, всех встречал робот-уборщик, который очень натурально подражал злобной овчарке – гавкал, рычал, рвался с цепи. И ведь нешуточно пугал в первые мгновения, пока посетитель не опознавал в небольшом серебристом тороиде с шестью лапками механическую игрушку.

- Это я для веселья, - отмахнулся Аристарх. - Работе же не мешает?

Приятели посмеялись, бросили пустые пивные банки в угол, поближе к такому же уборщику, и направились в танцзал. Интересы двух молодых и неженатых парней находились там, а разговор с невиновным в порче ячеек модуль-доставщиком постепенно вытеснялся из их оперативной памяти.

Робот, получивший от Рифеева однозначный приказ, забывать не умел. Громадный объём памяти никак не сказывался на интеллекте, которого, увы, хватало лишь на безукоризненное исполнение.

Уточнять нюансы, злиться и ругаться, тем более матом, как сделал бы живой подчиненный, робот не стал.

проявил доступную ему инициативу: сопоставил срок старта зонда с лунной площадки, и потребное для исполнения приказа время. По закрытой сети узнал, что пригодных – в смысле, для замены испорченных - записей ментограмм в пределах досягаемости нет. Следовательно, всё придется делать придется самому. И кибер широкой гребенкой двинулся по направлению к Байконуру. Он спешил отыскать подходящую ему особь, желательно, поблизости от второй.

И, не причинив им вреда, исполнить задание.

**

Парк сибирского города Осинники

Сто лет - не так и много для человека, который вел активный образ жизни, не злоупотреблял спиртными напитками, табаком и, начиная с молодости, поддерживал хорошую физическую форму. Так Андрей Григорьевич Вольф считал до момента, когда у него потемнело в глазах. Видимо, сказалась перегрузка. И то, после апелляции, после пресс-конференции и трудного разговора с Зулькарнаевым ещё и двухчасовой перелет из столицы в Сибирь!

Случилось это на традиционной прогулке - после судебных прений Вольф всегда отшагивал три километра по парковой дорожке. Летом, разумеется. А зимой он делал ту же трёшку на лыжах.

Почему всегда? В первую очередь, конечно, виновато врачебное прошлое - ведь медиков так усердно муштруют во время учёбы, что они сами начинают верить в то, что предписано пропагандировать. То есть в здоровый образ жизни. А во-вторых, житейский опыт. Видимо, парковый воздух и тишина как-то растворяли, размывали и удаляли отрицательные эмоции из головы. Намного лучше, чем бокал вина или стопка водки. Во всяком случае, засыпал Андрей Григорьевич после прогулок прекрасно. И сегодня он надеялся на такой же эффект, почему и заставил себя выйти в парк. Через не могу!

Последняя апелляция игроков рассматривалась Верховным Судом очень пристально, чуть ли не пристрастно. Ещё бы, те наняли свору самых именитых адвокатов! Конечно, когда на кону миллиарды, станут они экономить миллион-другой на гонорарах? Никогда. Особенно, надеясь на Щукина, председателя судейской коллегии, который, судя по поведению, переживал за жену старшего внука, главу

директората! Ассоциация игровых компаний схватилась за последнюю соломинку. А та подломилась!

Андрей Григорьевич победил и в этот раз, потому что министерство здравоохранения и министерство труда были на его стороне. Полугодовая обкатка закона об ограничении длительности игровых сеансов, проведенная именно в Сибирском регионе, показала его эффективность. Число прогулов и опозданий на работу сократилось в три раза, а расходы на лечение «запойных игроманов», вообще, свелись к нулю.

Вольф и козырнул такими данными в своей финальной речи. Ох, как это не понравилось Щукину! Ничего, проглотил за милую душу! Андрей Григорьевич ему бы ещё и средний палец показал, как в молодости было принято подъелдыкивать проигравшего оппонента. Сдержался, естественно, храм юстиции не место для обценной лексики и непристойных жестов. Но темперамент - такая штука, что если сразу "пар не выпустишь" в драке, в ругани ли, то остывать приходится долго. Порой не один день.

Да ещё Шариф Зулькарнаев!

Расстались они сухо, как враги. И это огорчило. Вместо сна всё полетное время Андрей Григорьевич потратил на переживания, коря себя, что обидел старого друга. Нервы, они, проклятые! Не судебное бы заседание, Вольф нашел бы более мягкие, более убедительные слова для Шарика. Но сделанное уже не поправишь. Вот и шагал старый адвокат очень энергично, мышечной работой дожигая последствия волнений.

Одного круга не хватило, чтобы полностью успокоиться, и он почти закончил второй, когда глаза словно выключились. Наступила полная темнота. Без мельтешения, "снежка", который бывает на мониторе или телевизоре, когда сигнал пропадает, нет, тьма получилась настоящая, полноценная. Такая знакома шахтёрам, спелеологам и другим профессионалам, которые спускаются глубоко под землю - при выключении фонаря.

- Ни хрена себе! Это что со мной?

Андрей Григорьевич испугался. Но не запаниковал. Был у него подобный случай, на первом курсе, медицинского ещё. Схватив на сложном билете "неуд", он истово зубрил, чтобы пересдать анатомию на "хорошо". Иначе лишался стипендии. До пересдачи было два дня и

две ночи. Чтобы не уснуть над конспектом и учебником, пришлось злоупотребить классическим тонизирующим напитком. Когда тащил билет, кофе только что из ушей не лился, глаза слезились от недосыпа, но дело того стоило!

Пересдал-таки! На четвёрку! Выше неё получить было невозможно в принципе. Победительно ухмыляясь, Вольф вышел из аудитории, торжествующе вскинул вверх кулак, дескать, «но пасаран!», сунул зачётку в карман и вдруг застыл столбом посреди коридора.

Свет в глазах померк, в ушах возник звон. Словно тонкая гитарная струна ноту "ми" выдала. И понял студент, что сейчас рухнет в обморок. Как тургеневская барышня. Такое тогда зло его взяло, что каким-то чудом он устоял, на подгибающихся ногах сделал пару шагов, врезался в стену, отыскал оконный проём, заякорился за подоконник и держался, пока темнота не отступила.

Опыт - великое дело! И сейчас, в парке, Андрей Григорьевич мигом вспомнил ту темноту, тот звон и свои действия. Воли, слава богу, хватило и в этот раз. Он не упал, словно подрубленная сосна, и не осел, как неудачно поставленный мешок с картошкой, а шагнул к парковой скамье - вслепую, по памяти "последнего кадра". И удачно плюхнулся на сиденье, почти точно. Поёрзал, сползая назад, до спинки. А потом сложился вдвое, в позу кучера, оперевшись локтями на колени:

- Теперь не упаду!

Сделав глубокий выдох, он задержался, надеясь, что вот сейчас, через десяток секунд, поднакопится в крови углекислота, заставит дёргаться грудную клетку в попытках сделать вдох и встрепет мозг, вернёт его в нормальный режим работы. Такой приём всегда помогал взбодриться, когда нападала сонливость. Поможет и сейчас!

Увы, темнота не отступала. Вдох прорвался. Андрей Григорьевич испугался сильнее, до панических мыслей о тромбозе сосудов мозга. Жить хотелось так, что давно, казалось бы, забытые знания об инсультах, инфарктах и прочих сокрушительных немочах, полученные в медицинском институте - разом вспомнились.

- Да что со мной?

Вольф точно знал, что ещё жив, ведь сердце билось ровно, боли за грудиной или в другом месте, в голове там или в животе -

отсутствовали.

Но как спасать себя? Кричать в пространство: "Помогите! Скорую вызовите!" - бесполезно. Рядом ни единой души, судя по "последнему кадру", который ещё держался в памяти. Да и был бы кто - взывать о помощи надо умеючи, чтобы не напугать прохожего. Когда тот не подумает, что тут валяется раненый, и не кинется прочь, гонимый страхом стать свидетелем хулиганской разборки.

А слабость затапливала тело, страх смерти подтачивал силы. Вольф всё больше ощущал себя стариком, каким так не хотел быть - немощным, хилым, которому без инвалидной коляски и метра не одолеть. Его помалу скособочивало, клонило в сторону. Голова соображала всё хуже и хуже. Слух ещё ловил звуки, в основном, шумы вечернего города, но близких, ожидаемых голосов или шагов - среди них не обнаруживалось.

Однако жить хотелось так страстно, что, хотя кричать в безлюдьи смысла и не было, Андрей Григорьевич попытался:

- Эй, кто меня слышит, помогите!

Призыв получился негромким и хриплым. Откашляться не удалось, потому что слабость победила. Сознание погасло.

**

Борт самолёта Манила - Новосибирск

У мужчины, как правило, есть одно или несколько увлечений. Иван Кичигин своё пристрастие к рыбалке и охоте не скрывал никогда. Только страсть к тайге постепенно изросла и превратилась в желание близко пообщаться со всеми крупными животными земли на предмет возможности их когда-нибудь схарчить. Такую версию высказал некогда штатный психолог, когда Иван прошёл контрольную дистанция в сто километров не похудевшим, а даже поправившимся.

- Дикарь, - похвалил сержанта Кичигина командир батальона. — Это надо же, кабаргу завалил голыми руками. Неужели так сырую и жрал?

- Зачем? На полоски распустил, у костра сколько смог, запёк. На камнях. Сибиряк я, товарищ майор, - возразил Иван. — Потомственный.

В его длинной, на шесть альбомных страниц, родословной, числились казаки с Чала и с Дона, которых направила в Сибирь какая-то императрица. По ходу роста генеалогического дерева к русскому роду приплелись шорцы и буряты, а в раннесоветские времена даже

несколько сосланных иностранцев. Возможно, поэтому все мужчины Кичигины вырастали здоровыми, широкоплечими, с хорошими физиономиями. И женщины получались им подстать – фигуристые, статные, с роскошными гривами волос. Красивыми.

Дед Ивана, Павел Семёнович, так и прожил все девяносто лет в верховьях Чулыма, в доме предков, куда его дети и внуки нечасто, однако приезжали навестить упрямого патриарха. Он, широкоплечий старикан, и научил Ваньку понимать тайгу. Старый и малый надолго уходили в неё, захватив сухари, соль да спички. Что уж они там делали, как ловили рыбу без сетей, лесок и крючков, как добывали дичь без ружья, вооруженные топором и ножами – Иван никогда не рассказывал. Да никто, собственно, и не интересовался. Отец, Семён Кичигин, и старшие братья Ивана знали тайгу не хуже, а чужие разве про такое догадаются спросить?

Инструктор по выживанию, тот, да, уважительно выслушал и потом некоторые приёмы дописал в программу подготовки разведчиков и диверсантов. Только ведь кому сейчас нужны такие рода войск, если мирное сосуществование земных государств из теории превратилось в прочную практику? Политики, как им положено, скандалили, но генералы предпочитали проводить совместные маневры против вероятного противника из Космоса.

Иван Семёнович, а после тридцати Кичигина именовали только с отчеством, такую политику одобрял. Ещё бы, с открытием границ ему столько новых мест оказалось доступно! Ух, как он круто оттягивался во время отпусков! Побывал и в Африке, и в Южной Америке, и по Индостану походил всласть. Только Северной Америкой пренебрёг. Что там делать? Природа, как в Сибири, погода - тоже.

Вот и сегодня Иван Кичигин возвращался с Филиппин, где вплотную пообщался с местными акулами. Китовые, громадные, они оказались настолько ленивыми, что совершенно не обращали внимания на человека. Впечатление от забрасывания креветок в широченную пасть тигровой акулы оказалось скудным. Иван надел маску, прыгнул за борт, а там и трогал, и толкал громадных пёстрых рыбин, и за плавники хватал, что ему пытались запретить, но так и не дождался никакой реакции от гигантов. Обидно, словно ты подводную лодку перед собой видишь, которой нет до тебя дела.

Отведав напоследок суп из акульих плавников, добытых не им, Кичигин огорчился. И домой он летел разочарованным донельзя. Самолёт тащился над укрытой облаками землёй, смотреть сквозь которые вниз давно наскучило. А голубую пустоту сверху, маскирующую космос, Иван тем более не желал видеть. Набор фильмов на борту новизной не отличался, игровые капсулы были заняты шустрой молодёжью. Мысли Кичигина постепенно наполнялись скепсисом, сам он хмурился, отпугивая выражением лица миловидную соседку, которая была бы рада поболтать с «неокольцованным» мужчиной, но повода не находила.

Иван сидел с закрытыми глазами и злился на весь белый свет. И на себя, который пятнадцать лет назад выбрал бесперспективную профессию. И то, кому в благополучном мире нужен следователь?

Где они, занимательные преступления, красочно описанные в книгах Агаты Кристи, которая в учебниках литературоведов величалась классиком детективной литературы? Где хитроумные злодеи, которых «передумывал» пастор Браун, описанный Честертоном? И почему глупое поведение героини Хмелевской считается ироническим детективом? Не говоря уж про сыщика-наркомана и его недалёкого компаньона, описанных Дойлом.

Увы, закончив юридический факультет и приступив к практической работе, следователь Кичигин напрочь утратил способность читать детективные произведения. Оказывается, став профессионалом, видишь в художественных произведениях столько ляпов, что хочется обругать автора или режиссёра. Как минимум. А то и в глаз дать. Или кастрировать, чтобы не размножались бездари.

Положа руку на сердце, Иван Семёнович понимал, что дело не в невежестве авторов, а в нём самом. Обычный человек с удовольствием прочтёт «Десять негритят» и не усомнится, что фигурка медведя, брошенная сверху, точно попадёт на голову жертвы. И поверит, что имитация самоубийства не будет разоблачена по дыхательным движениям мнимого трупа. Но следователь, оперативный уполномоченный, сыщик - нет. Их на мякине не проведёшь.

Да ладно бы лишь потеря удовольствия огорчала Ивана. Отнюдь. Развитие технологий, который некогда создали персональные компьютеры и сотовые телефоны – резко изменило мир. Уличная преступность почти исчезла. Обилие видеокамер, ненавязчивое

патрулирование населённых мест бесшумными и незаметными дронами, а также фактическая чипизация цивилизованного человечества – вот факторы, которые победили её.

Попробуй кто сегодня ограбить обывателя – через несколько минут над грабителем возникнет полицейский дрон, громко предложит сдаться, а при попытке причинить технике вред – обездвижит злодея пулькой со снотворным. И ограбленному даже не надо звонить. Вживлённый или наклеенный на кожу датчик мобильного телефона сам подаст в скорую и в полицию сигнал тревоги, едва «коктейль страха» в крови владельца гаджета достигнет предельной величины.

Осталась преступность специфическая, вроде мошенничества, крупных хищений и афёр, но возносить за это хвалу господину Кичигин, конечно, не стал бы никогда. Экономические преступления, как и брачные аферы, для Ивана Семёновича пахли дурно, невкусно. Единственной отдушиной являлись убийства. Не бытовые, когда маргиналы или вполне благополучные супруги или сожители расправлялись с близкими, нет.

Заказные, замаскированные под несчастные случаи, под естественные кончины – вот что обожал «важняк» Кичигин. Только где их наберёшь, таких вкусняшек, если на всю Сибирь за прошлый год их, сложных убийств, состоялось всего три. Три! А разбираться пришлось с полусотней подозрительных смертей. Такое соотношение – когда роешь, роешь, а по итогу имеешь пустышку – Ивана Семёновича удручало.

Эх, как сладко мечталось ему в самом начале карьеры о раскручивании сложного дела, о борьбе с организованной преступностью, типа сицилийской мафии. На худой конец, цыганский табор вывести на чистую воду с аферами, воровством, контрабандой. Но последние «ромалы», лишь бы не подвергаться чипизации, сбежали в Африку как раз в год окончания им юрфака.

- Коза Ностра... Или Триада, китайская. На Дальний Восток перевестись, что ли? Вдруг там какая-нибудь группировка сохранилась... - прошептал отпускник Кичигин себе под нос.

И заснул под монотонное гудение двигателей.

**

Город Осинники, дом Вольфа

Тополя тихонько шелестели листвой, ночные пичуги попискивали, слабый ветерок гулял по тропинкам парка, когда Вольф очнулся. Он так и не понял, что с ним произошло.

- Обморок, что ли?

Поза кучера помогла, Андрей Григорьевич не упал со скамьи. Голова, что странно, тоже не болела. Медицинский датчик, лет пять как поселившийся на запястье, никаких угроз для здоровья не обнаружил и, опять же, неотложку для оживления не вызвал. Значит, причина потери сознания крылась в ином. В чем, вот вопрос?

- Наверное, я переутомился, - подумал старый адвокат, - надо бы отвлечься, активно отдохнуть. Окунусь-ка я в «имперские войны»!

Его любимой и основной формой отдыха уже пару лет являлась эта сетевая игра. Да-да! Несмотря на выдвинутый и отстаиваемый им законопроект об ограничении игрового времени, Вольф обожал сетевые игры. Ещё с тех незапамятных времён, когда вместо погружения ты пялился на монитор, а руководить примитивным персонажем приходилось с помощью клавиатуры и мышки, в лучшем случае – активно шевелить джойстиком.

Тайная страсть адвоката Вольфа существенно мешала работе. Заранее настроенные таймеры себя не оправдывали, ведь если ты увлечён игрой, то фиг с два её оставишь по сигналу. Это как с будильником – услышать ты его услышишь, даже полупроснёшься, но лишь ради того, чтобы отключить и продолжить спать.

Так что, положив руку на сердце, ограничением игрового времени Вольф помогал не только игроманам, но и себе. Точнее – себе и прочим игроманам. Для чего настоял делать обкатку Закона об ограничении игрового времени здесь, в Сибири. И на радостях купил для себя самую навороченную капсулу с обратной связью, ту, что через контактный шлем обеспечивала эффект полного присутствия. Благо, абсолютно безволосые плешь и лысина позволяли уже не брить голову.

Капсула оказалась штукой крутой донельзя, как модно было выражаться в его молодости. Она давала полный эффект присутствия, но главное – что важно, именно во время виртуальных групповых боёв и единоборских схваток! - машинерия капсулы знатно разминала мышцы и разогревала тело. Куда там рукам массажистов! Так произошло и в этот раз.

Скверно лишь, что нападение вервольфов Андрей Григорьевич отбил не без потерь. Помахаться пришлось изрядно, и всё равно семь здоровенных зверей в клочья разодрали кольчугу, в щепки разнесли щит, прокусили левое плечо, сорвали сумку с пояса и сбили шлем с головы.

Добро что верный ятаган не подвёл. Вот только порадоваться победе и забрать лут с побитых врагов Вольф не успел. Едва он сунул руку в сумку за свитком исцеления, как тупая боль пронзила всю левую сторону. Видимо, ядовитая слюна рейд-босса вервольфов оказалась слишком сильна, раз сделала своё чёрное дело в считанные секунды.

- Ну вот, опять на перерождение, - успел подумать Вольф, — жалко, уровень потеряю...

**

Следственный комитет города Новосибирска

Есть в серых бумажных папках, обычных для канцелярий девятнадцатого и двадцатого столетий, некое скрытое очарование. Эдакий образчик бюрократического консерватизма, на обложке которого гусиным, ну ладно, стальным пером размашисто выписаны номер и фамилия фигуранта, как бы говорит нам о серьёзности дела. Иначе зачем его хранить в архиве, да ещё в бумажном виде?

Примерно так подумал Иван Сидорович Кичигин, «важняк» Сибирского Следственного Комитета, уходя от начальника. В его руке находилась именно такая, серо-картонная, раритетная папка для бумаг с двумя белыми плоскими шнурочками-завязками. И на её лицевой стороне значилось: «Дело № 10-08-2123 о скоропостижной смерти г-на Вольфа Андрея Григорьевича».

Пару минут назад шеф - а им значился старший советник юстиции Марин Владимирович Таянов, личность легендарная для российского следствия - вынул этот картонный раритет из сейфа и вручил Ивану со словами:

- Надеюсь, ты догадаешься самые важные сведения распечатывать на бумаге и подшивать сюда. Не все надо доверять компу, тем более, флешкам и прочим носителям. Дело особо важное, на контроле у министра. Знаешь, кто покойник?

Кичигин знал. Имя адвоката Вольфа муссировалось всеми средствами массовой информации уже более полутора лет, когда тот

внёс на рассмотрение Дивано-Думы очередной скандальный законопроект. И название какое заковыристое придумал: «Ограничение длительности непрерывных игровых сессий», а?

Сам Иван сетевыми играми особенно не увлекался, у него был более практический ум. Попробовал. Кайфа от бессмысленных войнушек не словил. Спарринги в спортзале и пользы больше приносили. Когда опер, что на голову ниже, блок пробьёт до синяка – адреналин, точно, зашкалит, а уж эмоций! Но масса знакомых, действительно, надолго застревала в сети, погружаясь в виртуальные миры слишком глубоко. Особенно, мужчины. Несколько семей разрушилось на глазах Ивана только потому, что мужья теряли чувство реальности и становились ненужными для жён и детей.

Поэтому Кичигин одобрил законопроект на референдуме. И всегда решительно высказывался в его поддержку. А экстремистов, шумящих на митингах и угрожавших Вольфу расправой, считал людьми больными и подлежащими принудительной лекарственной терапии. Поэтому задание шефа он воспринял с полной серьёзностью, даже уточнил:

- Есть подозрение?

Начальник помялся, потом нехотя молвил:

- Не то чтобы подозрение... Но надо бы исключить насильственную смерть. Понимаешь, есть нюансы... Короче, он отдал концы, находясь в игре... Вечером того дня, когда Верховный Суд отклонил апелляцию игроков. Вольф там разгромно выступил, а сам, видишь, как... В общем, ты повнимательней там... И это, прокуратура к тебе туранского наблюдателя прислала. По требованию Международного Суда. Вольф ведь его консультант. В общем, ждем наблюдательницу. Тангюль, как там её... а, Демир.

Вот уж чего Иван терпеть не мог, так это надзирателей из прокуратуры. Люди, которые сами ничего толком не умели, о следствии имели поверхностное представление, зато придирались к процессуальным мелочам и чинить помехи – тут им равных не было! Да ещё турчанка, которая русским владеет через пень-колоду, ментальность нашу сроду не воспринимает как правильную! К бабке не ходи, станет требовать, чтобы он объяснял ей, как требования Уголовно-Процессуального Кодекса сочетаются со следственными действиями!

Иван аж застонал, представив контролирующую его стервозную девицу. Ну, был у него в жизни печальный опыт. Арзу, кареглазая и шустрая, встретила студенту юридического факультета на берегу Мраморного моря во время ежегодного фестиваля русско-туранской молодёжи.

Приуроченный к тридцатилетию единого административного центра Союза, неофициально именуемого Царьград, он стал подлинным праздником для юной пары. Любовь целых две недели кружила их в вихре вальса, из которого оба вынырнули готовыми к законному браку. Которым сочетались спустя месяц.

Перевод Арзу на медицинский факультет из Стамбула в Новосибирск – занял всего пару часов. Университет выделил супругам малосемейную квартиру сразу. А потом начались будни. И очаровательная турчанка раскрылась с иной стороны. Оказывается, в Туране женщина, получив высшее образование, совсем не стремилась работать. Отнюдь! Высшим шиком считалось, родив одного ребенка, уютно устроиться на шее мужа. И жить в своё удовольствие, пусть и скромно. В крайнем случае, при упрямстве мужа - за счёт пособия и алиментов - после развода, естественно.

Попытки Ивана объяснить, что русские женщины предпочитают работать и делать карьеру, лишь чуточку отставая от мужа – были встречены в штыки. Слезы с рефреном «Ты меня не любишь!» сменились скандалами, провокациями с целью поймать на измене, а потом Арзу просто собрала вещи и уехала. Развод они получили быстро, по обоюдному согласию. Электронные подписи, это всё, что нужно от бездетной пары.

Кичигин понимал, что нельзя судить по одной взбалмошной женщине о всех туранках, но заочная неприязнь к старшему советнику юстиции госпоже Тангюль Дамир сразу пустила корни.

Так, рисуя надзирательницу чёрными красками, Иван вошёл в свой кабинет и плюхнул картонное убожище на стол. Раскрыл, вынул единственный лист формата А-4 и прочёл:

- Распечатка вызова, поступившего в 23 часа 49 минут в день 10.08. 2123 года от медицинского датчика, принадлежащего гражданину Вольфу Андрею Григорьевичу, 25.07. 2021 года рождения...

«Датчик: - синкопальное состояние, остановка сердца, падение кровяного давления в аорте до двадцати миллиметров. Пациент в

первой группе риска.

Диспетчер станции неотложной и скорой помощи: - Вторая бригада неотложки выслана, оповестите членов семьи, обеспечьте доступ к пациенту.

Датчик: - пациент в игровой капсуле, членов семьи нет, двери дома открыты.

Диспетчер (сам себе, вполголоса) – чёрт бы его побрал, этого Вольфа... Опять иск вчинит за вход без санкции полиции. (громко) Участковый Емельянов? Это дежурный скорой помощи, там у Вольфа какой-то приступ, я выслал бригаду, так вы их встретьте, обеспечьте проникновение в его жилище под протокол. И вам спокойнее и нас он таскать по судам не будет, как в тот раз...

Участковый: - Понял, буду черед пару минут.

Диспетчер: Спасибо! Вторая бригада! Вы там участкового дожидитесь, а то потом нам мало не покажется...»

- И что дальше? – спросил Иван.

Комп воспринял риторический вопрос как обращение к себе и отозвался хрипловатым голосом Волка из недавно восстановленного и переведённого в объём мультлика:

- Шо? Опять?!

- А то ты не знаешь, - укорил его Кичигин, на что получил ожидаемый ответ:

- Ну да, работа такая...

- Дай всю инфу по медицинской помощи, оказанной вчера и сегодня адвокату Вольфу. Дело открой в директории «Особо важные». Допуск пока стандартный, следовательский. Закрытую инфу обозначь красным.

- Ага, держи карман шире... - неподражаемым голосом актёра позапрошлого столетия, некоего Джигарханяна, ответил Волк, показывая набранные в открытой и закрытых сетях сведения об адвокате Вольфе.

Спустя час следователь Кичигин диктовал Волку план оперативно-следственных мероприятий, уже представляя кучу проблем, связанных с порученным делом. Адвокат Андрей Григорьевич Вольф скончался от остановки сердца в реанимобиле, до больницы.

Винить бригаду неотложки, которая почти пять минут ждала участкового, прежде чем вошла и вынула тело из игровой капсулы – Иван не собирался. Это дело родственников или отдела здравоохранения. А вот следы амфетаминов в тканях – его дело, как и след на плече от инъекции. По мнению судебно-медицинского эксперта - именно так кто-то грубо, через одежду вколол иглу для внутримышечного введения солидной порции наркоты.

- Кто, когда, где и зачем траванул старика? – надиктовал Иван памятку для себя, задавая шестичасовой повтор.

Он всегда делал так, чтобы не расслабляться и помнить о главном. Главным Кичигин считал построение правильной версии, потому что движение в верном направлении позволяет интерпретировать многие неявные факты как доказательства и улики.

Сейчас у него в голове роилось множество предположений, среди которых отметились и месть, и суета недостойных наследников – а наследственная масса впечатляла! – и случайность, и даже карьерные умыслы соратников знаменитого адвоката. Всё это разнообразие следовало проверить, отфильтровать ненужное, перебрать вероятное и найти в навозной куче то самое, единственное и неповторимое жемчужное зерно. Упомянутое в басне то ли Эзопа, то ли Крылова.

Компьютерный Волк устал ждать, стал бледнеть и сворачиваться. Кичигин остановил его:

- Куда? Нам еще работать и работать.

- Так ты молчишь, вот я и решил отдохнуть, - оправдался Волк.

- Отдыхать будешь в морге, - процитировал Иван часть любимой присказки судебно-медицинского эксперта, опустив первую, с призывом выпить.

Ему спиртное не нравилось, однако, от компании он не отбивался и в регулярных семейных и не очень междусобойчиках - участвовал. Там волей-неволей в него вливали граммов сто водки или коньяка, после чего оставляли в покое, навесив ярлык «ненастоящий мужик». Компьютер присказку знал, поэтому изобразил на морде Волка внимание и покорность.

- Проверить возможность ввести амфетамин во время нахождения покойного в игровой капсуле. Проверить подключения посторонних к игровой сети и трафик во время игры Вольфа, установить его маршрут во временной промежуток от прибытия из суда до

возвращения домой. Отследить, по возможности, приближение к Вольфу наземных и летательных аппаратов... Этого пока хватит. Передай поручения по подчинённости. Доложить о готовности завтра. Теперь – свободен!

Волк издевательски козырнул и прохрипел:

- Понял. Ты заходи, если что...

Но тотчас посерьёзnel:

- К тебе судебный медик стучится. Соединять?

Эксперт выглядел возбуждённым и забыл поздороваться:

- Иван, я изучил след, ну, тот прокол на плече Вольфа. Так вот, он не просто прокол, там взяли пробу ткани! Это пункция, то есть биопсия! Ты понял?

- Нет, не понял, - ответил Иван. – Ты не позвонил, а пришёл, почему? Что в биопсии особенного-то?

- Ну ты даёшь! У него взяли живые клетки. Незадолго до смерти. Грубо, из плеча, на глубину два сантиметра. Жировые и мышечные, где-то полграмма, не меньше. На моей памяти такое первый раз, чтобы биопсия и на улице! Попутно с амфетаминами! И чтобы мужик концы отдал потом!

- Теперь понял. А скажи мне, зачем и кому это нужно? Цель биопсии?

И возбуждение эксперта сменилось долгим раздумьем, итогом которого стало признание:

- Не знаю.

**

Борт рейса Истанбул - Новосибирск

Тангюль Демир, тридцатитрёхлетняя дама, обожала ходить в мундире. Ещё бы! Синий, приталенный, с миленькими погончиками, сделанными на заказ, он превосходно подчёркивал как фигуру, так и значимость старшего советника юстиции. На прежнем месте службы, в округе Мармара, она достигла максимально возможной высоты, став заместителем окружного прокурора. И вот, наконец, перед неё открылась возможность выйти на международный уровень.

Демир никогда и никому не призналась бы, что в мечтах видела себя увековеченной в бронзе, на площади родного Тикердага. С подробным перечислением всех её славных дел. С упоминанием клички, какими награждали недруги великих женщин прошлого, вроде

«Железная Леди» для Элизабет Тейлор, «Стальная Карлита» для Карлы Дель Понте. Например: «Титановая Тангюль».

Так что в холодный Новосибирск она ехала в боевом настрое. Местный следователь, некий Иван Кичигин, мысленно был уже отхлестан, построен в шеренгу по четыре и взнуздан. План оперативно-следственных мероприятий, который этот разгильдяй, конечно же, не удосужился составить за день, прошедший с момента кончины адвоката Вольфа, предстояло придумать ей самой. А дальше чётко исполнить каждое гениальное мероприятие, собрать доказательный материал и предоставить в Международный Суд с обширным, страниц на триста, обвинительным заключением. Чтобы весь мир понял, что ведущим партнёром в Русско-Туранском Союзе является Турция.

Положа руку на сердце, Тангюль не одобряла поведение ни Святого Ататюрка, который положил конец традиционной вражде с русскими, ни Джевдета Инёню, правнука Исмета, который Мустафа. Победоносно завершив объединение земель Великого Турана, президент Джевет предложил восстановленной Российской Империи полный Союз. Небывалое, практически невозможное объединение оказалось наилучшим выходом для двух держав. Более того, позже оно послужило примером для других, а в тот момент повергло мировое сообщество в столь глубокий шок, что осудить возникшего гиганта не рискнула даже послушная Северной Америке ООН.

Нет, разумом Тангюль понимала, насколько удачно идеи пантюркизма совпали с двухвековой выдумкой Исмаил-бека Гаспринского. Понимала и выгоду момента для создания Союза на основе столетнего взаимопроникновения, стихийно возникшего в Анатолии и Крыме. Но декларируемого равенства входящих в Союз народов – не воспринимала категорически.

Для рода Демиров, ведущих родословную от самого Османа Первого, Цезаря Цезарей, все эти тюркоманы, арабо-персы, кызылбаши, греки, южные славяне и прочие – всегда были и оставались тюрко-ослами, низшим сословным, плебейским слоем. Конечно, после унижительного поражения в первой мировой войне никто и никогда из Демиров вслух своего презрения не высказывал, но в душе хранил понимание своего врождённого превосходства.

Великий Туран должен был восстановить историческую справедливость и занять весь белый континент, взяв, по просьбе жёлтых и чёрных, их земли под протекторат. И государственным языком, естественно, должен был быть османский, восстановленный во всей красе и богатстве. Не как иврит, жалкий обмылок арамейского, густо замешанный на старонемецком, так называемом «идише». Ах, ей бы, настоящей Демир, родиться на полвека раньше! Она бы сумела подняться в президенты Турана, настояла бы на правильной версии объединения держав!

Мечты, мечты... Хорошо хоть столицу создали рядом с Истанбулом, а не Москвой. Эти русские! Тихой сапой продавили своё название, и даже в официальных бумагах помпезное Царьград помалу вытесняет официальное Туранполь. И хоть бы кто из туранцев возразил!

Тангюль вздохнула, поудобнее устраиваясь в кресле. Лететь предстояло недолго, всего два часа, но посадка-высадка, получение багажа, даже при современных скоростях обслуживания, добавляли, как минимум, минут двадцать-тридцать. Неплохо бы вздремнуть, чтобы появиться в Новосибирске хорошо отдохнувшей, полностью готовой к работе.

**

Неизвестное место

Пробуждение началась со света, который пробился сквозь веки. "Удачно я возродился, - обрадовался Андрей Григорьевич, - не в городе и не в храме. Может, успею и лут там соберу..."

Он шевельнулся, проверяя тело. Это был его личный способ определять, в какой реальности он проснулся. Игровая, сиречь, виртуальная, настолько точно подражала реальной, что многие игроманы лишь по одежде и снаряжению догадывались, что возродились, а не проснулись. Вольфу же сигнал подавала боль. Привычная, в полном соответствии с печальной присказкой: «Если после сорока просыпаешься и не чувствуешь боли, значит, ты умер».

Сейчас она отсутствовала. Совсем. Как в давным-давно сломанных остистых отростках позвоночника, так и в варикозных узлах на многострадальной правой икре. Даже в желудке, последние годы часто напоминавшем о студенчестве, когда фастфуды или китайская лапша неделями служили единственной едой.

Такое обширное "безболье" порадовало Андрея Григорьевича. Зато лопатки и затылок ощутили неудобство жесткой подложки. Основа, на которой покоилось тело, принялась двигаться, помалу, но настойчиво стремясь поднять тело вертикально.

Сказать, что Андрей Григорьевич удивился, открыв глаза - ничего не сказать. Он изумился до потери речи - не присвистнул, не ойкнул, даже не выругался, как делал в молодости. Настолько поразила его необычность обстановки. Собственно, знатоком современных клинических покоев Вольф никогда не был. Хотя общее представление о медицинских учреждениях и помещениях имел.

Пусть врачевал больных он всего ничего, пять с небольшим лет, а потом, как юрист, больницы не жаловал - но разве их забудешь? Только увиденное здесь совершенно не походило на интерьеры, в каких обычно размещались различные установки магнитно-ядерного резонанса, томографы, диализные и дыхательные аппараты.

- Ничего себе местечко для возрождения! Оригинально!

И это было чистой правдой. Раньше перезагрузка персонажа происходила иначе. Рядом находился какой-то характерный знак — менгир, каменный столб, алтарь, который окружала зона безопасности, чтобы беспомощного игрока не ограбили и не отправили на новое возрождение. И главное, персонаж никогда не оказывался нагим, без снаряги и одежды.

Сейчас же Вольф полулежал в купели, пустой, но ещё влажной изнутри. Даже скользкой. Она немного походила на детскую, для купания младенцев. Поверх ослепительно белого корыта и внутреннего поддона, который наподобие шезлонга сейчас поднимал Вольфа, не менее ослепительно и хрустально сияла крышка.

Конструкция целиком, наверное, напоминала изделие семи богатырей, только находилась не в пещере, а в серой, стального оттенка, квадратной комнате. Яркий свет шёл от неширокой полосы, опоясывающей комнату под потолком. И всё. Кроме такой же капсулы с купелью, как та, из которой он очнулся, нескольких закрытых шкафов и таких же ящиков - в комнате не было ничего.

И никого.

Настойчивый поддон уже полностью распрямил Андрея Григорьевича и теперь вытеснял из ванны. Пришлось перешагнуть полуметровый борт. Пол, тоже серо-стальной, приятно охладил

подошвы. С лёгким шорохом одна из стен разошлась, открывая выход в серый коридор. Вольф пошёл было, но спохватился:

- Я же нагой!

Пришлось остановиться, обернуться, окинуть взглядом стены комнаты. На всякий случай он заглянул в соседнюю капсулу. Сквозь непрозрачное стекло просматривалась только заполненная жидкостью купель. Непрозрачное? Вольф повернулся к своей - та тоже из хрустально-прозрачной стала почти чёрной.

- Фигассе! – вырвалось слово из лексикона внуков.

Но удивление быстро сменилось на злость, как только он продолжил поиск ручек или кнопок открывания шкафов. Те не поддались, как и ящики. Даже щелей в них, очевидно, не планировалось. Облом! Вероятно, разжиться одеждой предстояло в конце коридора.

- Ну-ну. Дебилы, - откомментировал Вольф задумку программистов, создавших такую версию игры.

Ладно, обнажёнки Андрей Григорьевич давно уже не стеснялся, потому что если человеки созданы двух полов, то извольте равно любоваться нагими мужиками и нагими женщинами, а не кривить рожи, де, срамно, что у самцов причиндалы висят снаружи.

- Тем более в игре!

И Вольф двинулся по коридору. Прямо, потому что коротенькие аппендиксы справа и слева внимания не заслуживали вследствие пустоты. Но после пары шагов Андрей Григорьевич остановился и недоумённо оглядел себя. Затем ощупал. Снова глянул на грудь, живот, пенис и мошонку, бедра, икры, голени. Удивился до полного изумления, настолько, что челюсть отвисла. Хорошо, на пол не выпала, как у мультяшных героев.

Тело! Оно принадлежало не ему! Раньше игровой персонаж Вольфа был орком. Двухметровым, мускулистым и зеленокожим. А это, человеческое существо, оно даже на реальное тело Андрея Григорьевича не походило. Вернее, походило, но выглядело моложе оригинала на век, как минимум!

Исчез небольшой, совершенно необременительный животик, который в сто с лишним Вольфовых лет достиг стадии "не видно, как висит". (Мужчинам понятно, да?) И стопа правой ноги, изувеченная в давней аварии, выглядела нормально. Варикозные узлы - пропали.

Андрей Григорьевич потрогал плечи нового тела, оценил тонковатое предплечье, завёл руку назад и потрогал длинные мышцы спины. Хило. Нет, это тело явно не мучило себя на спортивных снарядах и не изводило долгими пробежками. Чужое оно. Но смутно знакомое.

Он растопырил пальцы перед собой. Руки принадлежали ему, совершенно точно. Форма кисти, длина фаланг и ногтевого ложа - его, несомненно, его! Кисти, да, выглядели изящнее, чем прежде, не разбитыми тяжёлой работой. И странно, что папиллярный рисунок на подушечках выглядел целым, без шрамов. Прежние пальцы, большие и указательные, имели обширные рубцы от электрических ожогов, полученные в молодости. Как-то влюблённая в Андрея девица опрометчиво воткнула вилку в розетку, когда тот зачищал концы проводов - сварившиеся ткани заживали долго.

- Меня что, без меня перерегили? Из орка в человека? Ой, зря! Я вам такой иск выкачу! - возмутился Вольф.

Однако смутное сомнение прокралось в его адвокатский ум. Игровые корпорации не зря содержали юридические отделы. В договоре на покупку игровой программы и игровой капсулы, который Вольф прочёл очень внимательно, принудительная замена персонажа по инициативе администрации была невозможна.

- Но как можно сменить тело? Виртуально омолодить? Для этого надо знать физические параметры... - неуверенно озвучил он бредовую, жаль, единственную версию.

И разум согласился: "да, верно, омолодили!" Тотчас начала раскручиваться цепочка осознания, сопоставлений и выводов: «Ну да, конечно, это же очевидно, хотя и невероятно». Любой современник хоть краем уха, но слышал про последние достижения генетики, про возможности стволовых клеток, из которых учёные научились-таки выращивать отдельные органы и заготовки для новых зубов.

Так что виртуальная медицина вполне могла имитировать обновление человеческих организмов. Иначе как персонаж Вольфа получил новёхонькое тело, пусть и нулевого уровня?

- Как я сразу не допёр? Если прокачивать с зельями, тогда сила сама добавится!

Придя в буйный восторг от итога рассуждений, Андрей Григорьевич подпрыгнул, ощутив лёгкость в теле невероятную, и

припрыжку помчался по коридору, чтобы там, впереди, встретиться с кудесниками, с магами, которые, конечно же, объяснят суть подарка, сделанного администрацией игры. Но он, естественно, игровикам не простит, выжмет из них компенсацию.

- Адвокат я или нет?

Вольф не собирался платить игре за омоложение. Ха! Это они ему заплатят! Матёрый адвокат Вольф, сопредседатель Русско-Туранской ассоциации цивилистов, и почётный член Всемирной адвокатской Палаты умел отстаивать свои права не хуже прав клиентов. Раз такой фокус сотворили с ним без его ведома – будьте любезны заплатить штраф! А божественный подарок оставьте, разве вменяемый человек от халявы откажется? Ха!

Дверь в конце коридора опустилась, как пандус у "Антея" - летал Вольф и на древних самолётах- гигантах, потому и не удивился. Да и некогда было удивляться. В проём хлынул солнечный свет, запах травы и прянул ветерок. А когда глаза привыкли к освещённости - прорисовалось синее небо и белые облака. Андрей Григорьевич, не замедляя шага и дивясь изобретательности программистов, бегом спустился по пандусу, воздел руки к светилу, зажмурился, чтобы не ослепнуть, и закричал:

- Здравствуй, милый игровой мир! Спасибо за новые чувства!

**

Новосибирск, следственный комитет

Елак, официально именуемый «такси», почти бесшумно катил по шоссе. Затемнив стёкла салона, Иван Кичигин пялился на псевдообъёмный экран - более дорогие версии в такси не устанавливали. Собственно, для работы с документами и этого было достаточно.

Судя по отчёту Волка, оперативники расстарались. Проникновение в командное ядро игровой капсулы умершего адвоката им удалось установить просто, а вот идентифицировать взломщика пришлось долго. На удивление, таковым оказался не хакер, нанятый недругами Вольфа, и не частый, к сожалению, сетевой хулиган. Отнюдь. Проникновение осуществил рядовой кибер-модуль, самый обычный доставщик. Грубо, нагло, путём прямого подключения к сетевой коробке путём перерезания оптического кабеля и несанкционированного подключения к последнему.

Поэтому и следов взлома защиты извне капсула не зафиксировала. Техникам-криминалистам помогла случайность. Один из них полез в сетевую коробку, чтобы прочесть какой-то нужный номер то ли кабеля, то ли переходника. И с изумлением обнаружил там неупомянутый в спецификации коробки разветвитель. Так удивился, что позвал начальника группы, Абалмасова, который тоже впервые столкнулся с таким неординарным проникновением в защищённую сеть. Так разве что шпионы из допотопных фильмов поступали, вскрывая телефонные щиты и зажимами-крокодилами подключаясь к нужному номеру.

Этот идиотский робот, вообще, начудил по максимуму. Мало, что оставил тройник-разветвитель на месте преступления! Так он сначала ошибочно подключился к другой капсуле, которая принадлежала семье Нургалиевых. Пользовался ей, естественно, сын главы семьи, Ахат, пятнадцатилетний обалдуй, который ничего особенного во время сеанса не ощутил.

- Как такое возможно? Робот врезался в кабель, перехватил поток сигналов, а этот недоросль ничего не заметил. А оно, вообще, нужно, пацана допрашивать? Х отя... Вдруг да что толковое скажет? Поручу с ним потолковать, вот кому бы, вопрос... А, кто ближе! - решил Иван, внося в план поручение оперуполномоченному из самых смышлёных. – Лагутин, Мазепа, сами решат, кто пойдёт. А мне - к хозяину кибер!

Принадлежность кибер-модуля к Сибирскому отделению Академии Наук установить удалось по металлокоду, который изначально наносился на всю поверхность роботов, включая манипуляторы и сменные их насадки. Чётко дозированная смесь металлов, и обычных, и кое-каких редкоземельных и слаборадиоактивных – при любом касании оставалась в точке контакта. Спектральный анализ давал точный ответ о принадлежности, а обращение к записям автопилотов установленной по коду серии - выявляло номер робота.

Пока эксперты потрошили память модуля, Иван катил в Академгородок для личного общения с управленцем, за кем этот модуль числился. Некто Василий Рифеев ждал следователя в своём номере общежития.

- Так, аспирант... Космогонист. Школа академика Изяславина. Участник проекта по обмену масс смещением матрицы... Угу, я всё понял, - саркастически хмыкнул Иван.

Так уже было и не раз. Когда учёные случайно или по халатности, этаким извечной, чуть ли не врожденной яйцеголовости отчебучивали криминальное деяние - следователю Кичигину приходилось расширять свой кругозор. Понимая, какой объём научно-популярной литературы ему предстоит прочесть, прежде чем удастся понять, на кой хрен смещать матрицу – Иван тяжело вздохнул.

Он отдавал должное гениям. Те существенно улучшали жизнь своими изобретениями и открытиями. Только на его памяти электропривод вытеснил двигатель внутреннего сгорания. Почти полностью. С лица земли исчезли нефтяные и газовые заправки, лишь самолёты ещё использовали керосин – аккумуляторы тяжеловаты для дальних рейсов. Ненадолго, по мнению экономистов, пока атмосферный кислород считается даровым ресурсом. А вот личный автотранспорт, некогда создававший километровые пробки в часы пик, исчез.

Нет, отдельные снобы рассекали в раритетных электрокарах типа «Теслы» или заказывали себе иной эксклюзив. Понты, само собой, и не дешёвые, а очень даже дорогие. Но зачем нормальному горожанину собственный рыдван, когда достаточно рявкнуть мобиле: «Елак к подъезду!», как через пару минут свободный автомат скрипнет тормозами перед дверью.

Да, «елак». Правительство давно согласилось с мнением словесников и лингвистов, что устоявшиеся неологизмы и речевые обороты следует применять по мере их вхождения в обиходный язык. Так из давнего американизма «еллоукар» вырос синоним слова «такси», которое тоже не отмирало, вопреки опасениям старших поколений. А уж с мнением полумиллиарда, перекрестившего столицу Союза из убогого Туранполя в исторически памятный Царьград спорить и вовсе никто не рискнул.

Кичигин вдруг поймал себя на ненужном умствование. Оказывается, он уже несколько минут тупо смотрел на экран, не понимая смысла документа, читаемого им, якобы!

- Не выспался я, что ли? Иначе, с чего туплю?

Такси сбросило скорость с двухсот до пятидесяти, разрешенных в городской черте, и продолжило катить в автоматическом режиме. Как правило, переходить на голосовое или ручное управление приходилось в непосредственной близости от жилья. Всё-таки, автоматика пока не

достигла настоящих высот и находить подъезд самостоятельно елак не умел.

- Направо, дальше. Здесь стоп, - Иван подрулил к месту, пристально вглядываясь в Рифеева, который стоял на ступеньках крыльца, сутулясь и обхватывая себя руками.

«Неуверен в себя, чувствует вину», - уж что-что, а читать жесты и позы следователей учили качественно, так что Кичигин решил не миндальничать с аспирантом, а прессовать сходу, - «так он быстрее сломается!»

Расчет оказался верным. Василий не попытался протягивать хилую лапку для рукопожатия, лишь подобострастно кивнул раскрытому удостоверению и послушно повёл Ивана к себе. Где следователь по особо важным делам огорчился, разглядев апартаменты обычного аспиранта, не остепенённого. Вчерашнего студента, по сути.

«Вот это хоромы! Студия, квадратов семьдесят, не меньше. Я с женой на двадцати ютился...» - в самое сердце поразила Кичигина зависть. Обычная, чёрная, та самая, которая так испортила москвичей к последнему визиту дьявола, если верить Булгакову.

Возможно, поэтому беседа быстро переросла в допрос. Аспирант Рифеев окончательно превратился в Ваську, среднестатистического оболтуса, который допустил халатность при комплектовании разведывательно-исследовательского корабля, день назад ушедшего в безвозвратный полёт.

- И что за образцы вы приказали ему добыть, этому модулю?

И тут Василий Рифеев выдал такое, что следователь по особо важным делам мгновенно сделал стойку, как сеттер, зачуявший перед собой шикарного тетерева.

- Биологическую ткань. Клетки, живые клетки.

- Так, отсюда поподробнее! Чьи клетки?

Голос Кичигина обрёл металлические обертона, потому что в сознании тревожной ракетой полыхнул, корабельным ревуном взвыл недавно услышанный от судебного медика термин «биопсия»!

**

Полуденная степь в неизвестной местности

- Здравствуй, новый мир!

Мир не ответил Вольфу. Он был занят собой. Где-то далеко в степи, а ничем другим травянистая равнина быть не могла, бродили

стада животных. В небе темнели крупные птицы, оглушительно стрекотали и жужжали насекомые, перелетая с цветка на цветок или внезапно взмывая и снова падая в траву.

Андрей Григорьевич огляделся. За спиной громоздкой плоской тушей - таким тысячетонным китом, обсохшим на берегу - серело здание, откуда он только что вышел. Окрест простиралось чистое поле. И никаких встречающих. Что выглядело, по меньшей мере, странно.

Положа руку на сердце, Вольф ожидал иного. Пусть не очаровательная девушка в коротеньком белом халатике, но главный маг, да хоть ординарный магёныш, хоть оркский шаман, хоть деревенский колдунишка любого вида - тощий, грузный или толстопузый - должен же присутствовать здесь? Чтобы объяснить чудо обновления. Чтобы одежду дать, минимальную, трусы семейные для начала, чёрт побери!

Ан, никого рядом не было. Всё так же округло стоял серый... серая... серое нечто, разинув отверстие коридора и вывалив язык двери-пандуса. По габаритам эта серость смахивала на крупный склад, ну, хозяйственный сарай, чуть превосходя размером ангар под тот древний самолёт, «Антей». Ненатуральное по цвету, форме и назначению сооружение несколько озадачило и удивило старого адвоката.

- Что за ... хрень? Явно не храм... Вот засада, и спросить не у кого!

Вольф снова и снова оглядывался по сторонам, надеясь, что шутка сейчас закончится, что выйдет, наконец, притаившийся в коридоре персонаж. Как их, неожиданных, обзывают внуки - перец, крендель, хрен с горы? - да кто угодно! Пусть даже выдумщик крикнет дебильный американизм: "Сюрприз!" Только побыстрее бы!

Но ничего не происходило. Андрей Григорьевич напрягся, вызывая привычный интерфейс. Обычно тот появлялся по желанию, словно полупрозрачный текст с диаграммами здоровья, опыта и символами снаряжения. Однако сейчас его ждал, как говорят внуки, «полный облом».

Картинка дальнего плана понемногу менялась, никаких надписей и символов на ней не проступало. Стадные животные бродили по степи, парящие птицы приближались и удалялись, плюс, действовал дебафф - очень натуральное полуденное солнце.

- Так, дорогие, я вам иск вчиню за всё-всё-всё! И за перегрев, - мстительно прошипел Андрей Григорьевич, и вдруг ойкнул от боли, возникшей на правом боку. - Уй, зараза!

Он ладонью пришиб кусачую муху, похожую на овода, и возмутился, растирая маленький пока круглый отёк с капелькой крови, выступившей после укуса.

- Охренеть! Он жиганул меня!

Боль и отёк? Но так может реагировать только настоящее, биологическое тело, потому что ни один программист не в состоянии прописать реакции живых тканей на таком уровне. Даже имея он представление о нормальной и патологической физиологии.

Бредовое предположение зародилось в голове Вольфа. Совершенно невозможное, но хоть как-то объясняющее этот укус:

"Я что, не в игре? Я в реале? Да нет, не может быть... Тогда бы тело было старое... Ах, ты, тварь! - отмахнулся он от очередного овода, направляясь в коридор, из которого недавно вышел, и выдавливая нелепое предположение насущными проблемами. - Хреново голышом. Надо искать одежду! И вообще, если ..."

Что «вообще», Андрей Григорьевич и сам не понял. Какое-то подозрение мелькнуло о психоделиках, те и не такие глюки обеспечат; было, пробовал их Вольф. В студенчестве, когда же ещё давать себе волю? Травка, омнопон и паркопан с водкой – показались ерундой перед ЛСД. Там улёт был тот ещё! Плохо, что способность критически осмыслять происходящее потом возвращалась медленно. Реал как бы разваливался на нестыкуемые части.

Тогда похожесть на сумасшествие испугала Андрея всерьёз. Он зарёкся как обдалбливаться, так и вусмерть напиваться. Нет, абстинентом себя не объявил, но во хмелю всегда держал себя на привязи у эдакого гвоздя в центре сознания. Как привязь натягивалась – прекращал вливать в себя спиртное.

Сейчас, да, мир воспринимался ярче, громче. Залитая ослепительным, горячим солнцем степь ошеломяла Вольфа оттенками и запахами. На глюки это походило, наверное, потому что чувств оказалось слишком много для сознания, привыкшего к очень немолодому телу.

Такое, пусть косвенное, но беспардонное напоминание о старости больно задело Андрея Григорьевича. Захотелось немедленно выйти из

игры. Он мысленно скомандовал: «Срочный выход!», на что капсула должна была среагировать немедленно. Но ничего не произошло. Степь и палящее солнце продолжали существовать.

- Та-а-ак, похоже, игра загнула... Как же выйти?

Ему вдруг стало страшно, как в детстве, когда пьяные соседи дрались и матерно ругались. Но детство, оно хорошо тем, что можно накрыться с головой одеялом. А тут, когда молодое тело бурлит коктейлем из адреналина и тестостерона, живёт собственной жизнью, основанной на безусловных рефлексх – разве возьмёшь такую паузу?

Фиг там, тем более очередной кровосос вознамерился воткнуть острый хоботок в кожу на плече. Рука взметнулась, поймала агрессора на взлёте и шваркнула об пол. Вольф удивился было себе, но сообразил, откуда такая ловкость:

- Ну да, тело молодое, шустрое, - однако тотчас опечалился. - Эх, жаль, сумка пропала и снаряга, я бы сейчас ятаганом помахал. Ничего, скоро меня из игры выкинет, а вернусь - сразу прокачкой тела займусь!

Чувство времени постоянно жило в Андрее Григорьевиче - как встроенные часы, как будильник. И позволяло довольно точно ориентироваться. До схватки с вервольфами он потратил часа три, минут десять ушло на возрождение. Освоение омоложенного тела и попытки выйти из игры заняли минут сорок, не меньше. Значит, дозволенное время вот-вот истечёт.

- Да уж, дозволенное... Кто бы его ограничил, если не я?

По справедливости, Вольф мог гордиться своей скандальной известностью. И гордился. Именно игровое время сделало его знаменитым. Сколько митингов и шествий устроили недовольные игроманы, сколько протестов инспирировали игровые корпорации! Но забота о здоровье нации имела для Вольфа высший приоритет. И закон неумолимо гласил - четыре часа в сутки. Не больше.

Сообразив, что суетиться незачем, ведь капсула скоро отключится сама, пусть игра и не отпускает, Андрей Григорьевич успокоился. Чтобы не жариться на солнцепёке, он ещё глубже отступил в прохладный коридор и сел на шероховатый упругий пол. Тишина, приятный полусвет. Отчего бы не подумать об исковом заявлении, не прикинуть размер компенсации? Привычное и приятное занятие настолько увлекло Вольфа, что опомнился он лишь когда солнечные лучи снова добрались до его ног.

- Ни хрена себе! Уже вечер? А как же таймер на четыре часа?

И тут до Андрея Григорьевича Вольфа, не просто адвоката, а хорошо и разнообразно пожившего и разумного человека, дошло, что сегодняшние несуразности перешли некую границу, за которой монолитом высился один-единственный вывод:

- Я не в игре... Это реал!

**

Небольшое, но обязательное отступление

Почему автор делает отступление, чтобы напомнить о разных сигнальных системах? Так он и сам как-то забыл в обыденности жизни, что — наравне с читателями - одарён специальным типом нервной деятельности. О, эта, присущая только людям особенность! О ней мало говорят, но именно с её помощью пишутся и читаются книги, снимаются и смотрятся фильмы.

Да, это так. В школе нам об этом сказали пару раз, мы благополучно ответили на вопросы о ней, получили удовлетворительную оценку, и та же благополучно забыли о теме, как и о многом другом, несущественном для повседневного существования.

И ведь не просто так, а в силу привычки. Наши домашние животные, кошки, собаки, хорьки, свинки, крыски, мышки настолько тесно сживаются с нами, что начинают откликаться на обращение к ним — кто мяуканьем, кто гавканьем, кто писком. Чудится, что вот-вот скажут членораздельно и внятно: «Хозяин, я тебя не просто люблю, я тебя обожаю, обожествляю!»

Увы, нет. Не скажут. Речь недоступна им. И вот почему:

С нами их роднит система сигналов, идущих от первой сигнальной системы. Сигналы? Это те самые ощущения, представления, которые мы получаем от окружающего мира. Всякого вида, будь то звуки - природные или из репродуктора, зрительные образы, пусть и с экрана телевизора, запахи. Конечно, и тактильные, то есть прикосновения, как и боль от ушиба, ожога, удара молнии, падения града с небес на голову... и так далее.

Люди одинаково с животными реагируют на опасные сигналы, на отвратительные сюрпризы, вроде змеи или оскаленной пасти хищника. В стае шимпанзе, например: тот обмочится, этот бросится наутёк, тот

упадёт в обморок, а этот ударит, укусит сам. Всё просто. Сигнал первого рода прошёл по органам чувств – тело ответило, как смогло.

Совсем не так с речью. Она, даже внутренняя, мысленная - это уже второго рода, идущие в кору головного мозга не напрямую от физических воздействий на тело, а сигналы сигналов. Это нечто особое, представляющее собой отвлечение от действительности, а потому они допускают обобщение. За счёт чего такие сигналы позволяют человеку лучше обычного животного ориентироваться в окружающем мире, да и в себе самом.

Собака живёт чувствами, и только. Она не поймет и не разделит ужас любимой хозяйки, когда та услышит в новостях: «Через три дня на Землю рухнет астероид! Всё человечество погибнет!» Конечно, крайнюю степень переживаний собака ощутит, взволнуется, будет готова защищать хозяйку ценой собственной жизни, но и только. А вот та мгновенно преобразит услышанное в картину «конца мира» и образно представит мучения себя и близких.

Так образно, что мозг, совершивший необъяснённое пока ещё наукой таинство перевода - этакое транспонирования – умеренных по силе звуковых сигналов в сильнейшие раздражители, может перейти в крайне возбуждённое состояние. В чём это выразится, предсказать трудно. Как минимум, в потере самообладания и резкой смене настроения, а то и в неразумных поступках.

А Вольф в молодости отличался бурным темпераментом, очень резкий был парень, как в поступках, так и в речах...

**

Аэропорт города Новосибирска

Тангюль Демир понялась с сиденья аэробуса последней. Не нравилось ей медленное шествие среди пассажиров, когда потная людская масса перед тобой и возле тебя, переваливаясь, словно утки, плелась в рабской покорности перед администрацией порта. Нет, человек может передвигаться быстро или медленно, но лишь сообразуясь с личным желанием, а не скученностью или стеснённой по воле скверно обученного инженера или ленивого персонала.

Вот она и сидела, пока стюардесса не сообщила ей доверительным шепотком:

- Мы прибыли. Можно идти на выход, - справедливо опасаясь получить отповедь за приказной тон, тем более за попытку выдворить намёками, мол, экипаж хочет поскорее сдать борт обслуживающей, потому что спешит домой.

Тангюль поднялась, оправила китель, огладила ладонями юбку, убедилась в целостности колготок и лишь тогда прошествовала к выходу. Дорожка быстро донесла её к стоянке такси, минуя зал прибытия. В гостинице «Новосибирск» - ох, эти русские! неужели сложно придумать иное название? - лифт вознёс госпожу Демир к апартаментам, где хозяйку ждали уже доставленные из аэропорта чемоданы.

Глянув на часы, Тангюль огорчилась. Звонить начальнику следственного комитета и назначать встречу на вечернее время - выглядело бы слишком большим неуважением. Можно нарваться на отповедь, хотя, по слухам, русские довольно терпеливы, по сравнению с туранцами.

- Ладно, обойдусь сообщением, попозже, - решила Демир. - Завтра уже впрягусь в работу.

Лёгкий ужин – рыба холодного копчения, ломтик белого хлеба, салат, стакан сока - поднял настроение. Рассмотрение официальной справки о следователе Кичигине - развеселило. Оказывается, этот Иван ненамного старше Тангюль. Его белобрысое лицо, толстые губы – как их сами русские называют? а, вареники! - с очевидностью свидетельствовали о недалёкости сибирского «важняка».

- Тем проще, - подумала она, решительно отстраняя от себя все мысли об интереснейшей работе. – Завтра, всё завтра, а сейчас надо отдохнуть, расслабиться.

Всё-таки, перелёт утомил Тангюль, а дремота, даже в люксовом лежащем кресле – плохая замена полноценному сну. Так что, раздеваясь и проходя в санитарный блок, она выполнила последнее на сегодня официальное действие - велела мобиле отправить в Комитет уведомление крайне нейтрального содержания: «Прибыла. Прошу принять меня завтра утром, не позднее десяти. О получении просьбы пришлите подтверждение. С уважением, Тангюль Демир, прокурор».

Ванная комната оказалась не просто большой, а громадной и прекрасно оборудованной. В джакузи лезть не захотелось, а вот многопозиционная душевая установка заинтересовала усталую

женщину. Млея под горячими струями, госпожа прокурор услышала короткий писк подтверждения. Для вящего удовольствия она велела машине озвучить текст. Приятно узнать, что тебя уважают, что встреча состоится, как запрошено, именно в десять.

- Меня ни для кого нет, - мурлыкнула она послушному гаджету, который сегодня имел вид рубиновых серёжек-гвоздиков. – И дай мне Верди! Набукко, хор невольников.

Шум тугих водных струй ничуть не мешал музыке. Задав душевой насадке пульсирующую подачу, госпожа Демир получала удовольствие от тепла, прекрасного симфонического звучания и нежного самомассажа. А кого любить, если не себя?

**

Неизвестная местность. Истерика и борьба за власть над телом
- Я не в игре... Это реал! – вырвался у Вольфа стон.

Он схватился за голову, словно та внезапно заболела, закрыл глаза. Его обуяла паника, обыкновенная паника, которой подвержены все люди, сколько бы они ни утверждали обратное.

Андрей Григорьевич за годы работы обеспечил себе определённую и размеренность окружавшего мира. Того мира. Смог создать идеальную среду, реализовал мечту любого нормального старика, который намерен как можно дольше прожить, не страдая при этом от заморочек и нервотрёпки. Для отдыха и развлечения создал себе дополнительный, игровой мир. И вдруг оба мира сменились серостью "сарая", в котором Вольф очнулся.

Пока это объяснялось сбоем в игре, который непременно бы закончился возвратом в реальный мир – ситуация казалась неприятной, однако решаемой стандартными способами. Например, выходом, пусть не по желанию, но хотя бы по таймеру.

И вдруг открылась страшная в своей простоте и неприглядности истина – это не игра. И не привычный реал. Хрен знает что и хрен знает где!

Едва Вольф осознал это, как ему, фигурально выражаясь, снесло крышу. Ну да, он, уважаемый и очень обеспеченный адвокат, удобно устроенный в обоих своих мирах, вдруг утратил всё, созданное с таким трудом и старанием. И даже тело, старое, изношенное, но родное, привычное, послушное, которое он любовно строил в «качалке», потом

холил, берёг, лечил –отняли, заменили на молодое, хилое и не очень-то послушное.

Тело как раз и запаниковало, сорвалось на площадную брань, потом на крик, рванулось бежать наружу, прочь из этого жуткого сооружения, где он проснулся голым, где всё так пусто! Где ни единой живой души! Прочь отсюда, куда угодно, но к живым людям, чтобы спросить, чтобы убедиться, что это неправда, что он всё тот же Вольф, уважаемый человек, что ...

Опыт, жизненный опыт, вот что позволило старому Вольфу чуточку совладать с телом, не впасть в продолжительную истерику. Адвокат заставил себя замолчать, хотя из горла против воли рвался тоскливый вой. Это шторм, который бушевал в голове, прорывался наружу. И то, разве крепкие слова в состоянии передать осознание потери? Внезапной. Безвозвратной утраты.

Утраты ВСЕГО.

Утраты РАЗОМ.

И, возможно, НАВСЕГДА.

Слёзы потекли из глаз, как у ребёнка перед опустошённом кем-то заветной коробкой конфет, а внезапное головокружение заставило сползти по стене на пол. Сидя, Андрей Григорьевич пытался унять молодое тело, заставить его не вопить в ужасе, не бежать куда глаза глядят, не царапать себе лицо и не драть волосы.

Он и не подозревал, что сказки «1001 ночи» и «мыльные сериалы», герои которых именно так должны выражать крайнюю степень возбуждения, оказались настолько верны. Руки Вольфа так и рвались к щекам – хлестать, хлестать, хлестать! - чтобы болью избыть ужас, обуревавший его.

Но он помнил, как учился унимать бешеный, по молодости, нрав. Долго, медленно вытравливая вспыльчивость и превращая себя в рассудительного адвоката. Дыхательная гимнастика, она ведь впрок не работает, а клиенты, бывало, до бешенства доводили тупостью или упрямством. Тогда выходил Вольф в уединённое место – на лоджию или в туалет, а что делать? не при свидетелях же? - и душил себя.

Как сейчас. Он задержал вдох. Грудная клетка расширилась – это дыхательный центр пытался пересилить волевой запрет. Вольф терпел. Грудь дёрнулась несколько раз, уже судорожно. Он держался, не позволял воздуху прорваться в лёгкие. Лицо окатило теплом. Андрей

Григорьевич руками зажимал ноздри и рот, не пуская воздух в судорожно бьющейся грудную клетку. В голове не осталось никаких мыслей, а воля упрямого адвоката боролась с безусловным рефлексом: «Дышать!»

Наконец, инстинкт победил, желанный кислород хлынул в лёгкие. Тело жадно и часто дышало, вентилируя легкие. Тренированный мозг адвоката воспользовался возникшим простором в голове, оценил ситуацию в первом приближении:

- А что я паникую? Не вопрос жизни и смерти ведь... недельную голодовку перенесу... вода, это да, важно... Но что я, день не потерплю?

И сразу стало легче. Появилась точка опоры для рассуждений. Ну, не в игре он. Ну, домой вернуться затруднительно. И что, это трагедия? Отнюдь. Возможно, даже и не драма, а водевиль. Главный плюс-то никуда не делся! Подарок – а молодое, полное гормонов и здоровья тело никак иначе классифицировать невозможно – уже никто не отнимет. И пусть тело оказалось капризным, отчего порой отказывалось идти на поводу у старческого рассудка. Неужто он, который в судах справлялся с грозными, упрямыми противниками не сможет «расшить» конфликт самого с собой? Ха!

Андрей Григорьевич с разгона перечислил и минусы: «Я гол, голоден и нахожусь хрен знает где... Новое тело, увы, хилое. Предстоит нарабатывать силу и гибкость. Память, вроде, при мне. Но с головой не всё в порядке. Меня то и дело заносит в молодую дурь... Значит, будем взрослеть!»

После этого Вольф, как нормальный человек, засомневался, а ну как бредит он? Или спит? Большинство людей в такой момент щиплет себя, кто в себе не слишком уверен, выпрашивает оплеуху от соседа. Ищут чувственное подтверждение извне: ты, мол, прав, окружающий мир не исчез, он существует.

Вольф поступил проще. Он потрогал место укуса злобной мухи, где посреди плотного плоского отёка краснела малюсенькая точка. Болезненная. Потом опустил руку и потрогал мужские причиндалы, которые оказались на месте. Этого хватило, чтобы поверить в реальность и хмыкнуть:

- Без портков... Тогда всё правильно. В игре бы меня давно экипировали...

И на миг растерялся, когда осознал себя голым. Целомудренно прикрывать причинное место не стал – чего стыдиться и перед кем? – но определённое неудобство ощутил. Человечество, сначала белое, а ныне, кроме десятка племён застрявших в дикости бушменов и амазонских индейцев, всё целиком, привыкло находиться в одежде. Даже на пляже или в солярии – хоть мизерные лоскутки, да прикрывают интимные места. Лишь психи и нудисты обнажаются полностью, хотя последние – опять же на пляжах.

Вольф и задумался было об одежде, прикидывая свои способности сплести накидку из травы, как вдруг мысли его скакнули, если фигурально выразиться – в перпендикулярном направлении. Совсем недавно – в угоду репутации, не по злобе: адвокат он или кто? – Вольф старательно вытравливал из себя благодарность к программистам, навязавшим ему очень приятный подарок, то есть новое тело. Сейчас, когда выяснилось, что он вовсе не в игре, его накрыла гораздо более сильная благодарность к врачам, тем эскулапам, галенам, авиценнам и парацельсам, которые так удачно омолодили его из почти полной развалины!

Сверкнула эта благодарность, молнией озарила, помогла понять величие, да что там – подлинную гениальность сделанного учёными медиками, и осела где-то в глубине сознания, затаилась до более благоприятного момента. Почему? А жажда виновата. Она вдруг разбудила страх, и он, негодник, пересилил всё, плотно загрузил сознание императивом:

«Выжить!»

Страх смерти заставляет любые и всяческие организмы отползать из некомфортной зоны, бежать, лететь, плыть прочь от смертельной опасности. В генетической памяти выживших такое поведение пишется на верхней строке, а "жрать и размножаться" – ниже. Степенный Андрей Григорьевич под давлением императива стушевался, отчего молодое тело опять едва не натворило глупостей. Оно подскочило, ринулось было наружу. Пришлось Вольфу вмешиваться, кричать на самого себя:

- Стоять! Куда?!

И справился, убедил себя, загнал страх внутрь, отсрочил, хоть и не успокоился. Повторную победу над второй... э-э-э... личностью, что ли? которую обновлённое тело подселило в голову в качестве

оппонента старому сознанию - Андрей Григорьевич отметил кривой усмешкой и цитатой из песни:

- Тихо сам с собою я веду беседу... Так шиза и приходит. Ну, что, Андрюша? Давай вместе думать, что ли? Ты же понимаешь, что мы хрен знает где? Не исключено, что в заднице. Да, надо искать выход. Но осторожно, никуда не спеша...

Молодое тело подчинилось, медленно зашагало по коридору. Теперь, понимая натуральность мира, Вольф полностью оценил комфорт покрытия – подошвы воспринимали его мелкопористым и шероховатым. Звук шагов отсутствовал. Касаясь правой рукой стены, он вернулся к медицинской комнате. Осторожно толкнул дверь, обрисованную тонкими щелями - закрыта. Никаких ручек на дверном полотне, кнопок, клавиш, подсвеченных сенсоров или пиктограмм.

- Ни-че-го, - хмыкнул Андрей Григорьевич. - И как ты, Симсим, открываешься? На вежливый стук?

Он постучался. Вежливо спросил разрешения войти. Снова побарабанил костяшками пальцев. Стук звучал глухо - пустоты внутри двери не было, точно. Вольф решил, что дополнительное усилие не повредит делу и повторил стандартное троестучие уже кулаком. Получилось громче, но с тем же, нулевым, результатом.

Тут на авансцену вырвался молодой Андрей: "Нет, это уже ни в какие ворота!" - и зашумел в стиле загулявшего мужа, которого не пускают в квартиру. Став спиной к двери, злой и готовый к скандалу - а если что, и к драке - «молодой» заколотил в неё пяткой. Со всей дури. Под истеричный вопль:

- Козлы, а ну, открывайте! Хватит прятаться!

Гнев бушевал, адреналин выплёскивался в кровь и гулял по телу, побуждая буйствовать. Всё-таки, половые гормоны – мощный стимулятор юношеской дури. Молодой Вольф орал, матерился и упорно лупил по равнодушному серому металлу. Когда пятка заболела, горло охрипло, а силы иссякли - старое сознание взяло верх над молодым: "Толку-то орать, как молодой шимпанзе? Надо проверять другие помещения".

Опять получив тело и дело в свои руки, умудрённый житейским опытом адвокат Вольф направился в более длинный тупичок, бурча немудрящую шутку:

- Мужчина имеет право налево!

Бородатая, и что? Расписывая пульку, мы же не стесняемся древних присказок, вроде: «скатерть, вино и женщины – враги преферанса», «хода нет – ходи с бубей» и так далее? Адвокат Вольф, вообще, часть применял русские присказки и поговорки, выступая в суде или перед журналистами. Народная мудрость никому не помешала выглядеть умнее или начитаннее.

Примерно такие мысли бродили в голове Андрея Григорьевича, когда он толкнул дверь, тонкими щелями обрисованную в торце левого крыла. Рукой толкнул. Слабо, для проверки. А та вдруг подалась, втянулась в стену. В глаза Вольфу полыхнул резкий свет, ах слёзы навернулись.

- Ни хрена себе!

**

Сибирь. Общежитие Академгородка

Василий Рифеев подоплёку вопроса не понял, ведь следователь не стал озвучивать термин «биопсия». Аспирант счёл Кичигина тупицей и постарался выразить это ехидным переспросом:

- Что значит, чьи клетки? Животного, чья ментограмма приложена. Барана там, коровы, свиньи, утки или курицы... Я что, помню те ячейки?

- А не человеческие?

- Да вы что? Тканей человека там быть не могло! Можно, конечно, посмотреть по спецификации, но это не здесь и не сейчас. В рабочем компе, на кафедре или, на крайняк, запросить академский искин. Но опять же, только с работы. А что?

- То есть, вы абсолютно уверены, что клетки не человека?

Иван Кичигин требовательно смотрел на аспиранта Рифеева и ждал ответа. Биопсия, о которой совсем недавно доложил судебный медик – она торчала в памяти следователя, как гвоздь. Кто-то же сделал Вольфу биопсию? Мог модуль Рифеева ошибиться, ведь человек – тоже животное? Мог.

«Ой, хреново, если мог...»

Сердце Ивана Семёновича дало перебой, настолько он взволновался. Ещё бы! Следствие подошло к точке бифуркации, откуда варианты расходились существенно, порождая очень разные версии. Лучше всего смотрелся бы самый простой ответ: «Случайно, это произошло случайно. Я не поручал модулю гоняться за человеком!»

Васька так и сказал. Сердце следователя забилося в нормальном ритме. Он принялся уточнять:

- А кибер-модуль способен, в принципе, взять биопсию у человека?

- Технически? Ну... Сама по себе процедура простая, но откуда у кибера медицинская программа возьмётся, чтобы человека обработать? Это же анестезия, да и кто из людей согласится, чтобы на улице? Бред! У человека, как минимум, в сестринской комнате, в поликлинике! Это у коровы уколом взять можно, а человек? Нет.

Иван Семёнович примерно так и полагал, но подтвердить слова Рифеева обязаны криминалисты. Так что вопрос и ответ пока пусть повисят в воздухе. Второй важный момент касался врезки в оптоволоконный кабель Вольфа. Достоверно известно, что её исполнил аспирантов кибер-модуль. Поэтому Кичигин кратко сообщил Рифееву о хулиганском поведении его робота в подъезде жилого дома и неконкретно, общо спросил:

- Что он там делал, ваш кибер? Зачем лез в игровую сеть?

- С чего вы взяли, что модуль лазил в коробку подключения интернета?

- Это я вас спрашиваю, Рифеев, - ледяным тоном вразумил аспиранта Иван Семёнович. - А вы должны мне отвечать, и как можно подробнее. Вспомните, что вы приказали своему киберу? Только не надо юлить, дескать, был пьян и мало что помню.

- Я кроме пива ничего не пью, - обиделся аспирант. - И ничего особенного не приказал. Взять образцы биологических тканей соответственных животных и их же ментограммы.

- Где он их должен был взять? Где раньше брал, там? Точное место назовите.

Аспирант заволновался:

- Ну, я точно не знаю. Кибер-модуль готовые ячейки получал на доставке и комплектовал в транспортные блоки.

- Что за доставка?

- У нас, в транспортном департаменте Академии, есть отдел доставки. Туда прибывает всё заказанное. А отправка идет там же, но в отделе отправки. Там автоматика, вводишь номер, и тебе выдают посылку или бандероль. Только никто не ходит, проще послать модуль-доставщик, - в голосе Рифеева опять прозвучало махонькое такое,

почти незаметное, но презрение к тупому следователю, которому общеизвестные истины пояснять надо, как первоклашке. - Я его и посылал...

Кичигин внутренне улыбнулся – он получше аспиранта знал устройство терминалов доставки-отправки, в которые превратились почтовые отделения прошлого века. Было у него одно дело, когда псевдоинтеллектуальный кибер – а такие машины полвека уже исполняли все монотонные и однотипные работы - смертельно травмировал человека. Увы, мечты Айзека Азимова о трёх законах пока не удавалось реализовать – глупые роботы их не понимали.

- И он, значит, получал, сортировал, комплектовал в блоки сами тканевые пробы, то есть биопсии, и флешки с ментограммами. А зачем они вам?

- На зонд загружали. Их предполагается после приземления на землеподобной планете реплицировать, вгрузить ментограмму и выпустить всякой твари по паре, - аспирант блеснул знанием библейских цитат, - под маячком, для проверки пригодности планеты.

- Клоны, значит...

- Ну да, клоны животных, - недоумённо подтвердил Рифеев. - У них ментограмма маленькая. Насколько я знаю, они в открытой сети есть. Даже у нас, на кафедре генетики. Но Изяславин хотел, чтобы со всего света животных брали. Помню, даже из Австралии ячейки приходили...

Допрос окончательно съехал в тематику, которая, на взгляд Кичигина, граничила с преступлением. Уж слишком болезненным оказался облом, когда клоны, несомненно гениальные, как их «исходняки», решением Международного Трибунала едва не были приговорены к развоплощению. Увы, они оказались агрессивными и беспринципными мизантропами. Как сама неудача генетиков, так и решение суда муссировались долго и шумно. Лишь всепланетный референдум о категорическом запрете клонирования людей позволил унять страсти. А клоны - отправились в психиатрическую лечебницу. Пожизненно.

Но идея-фикс о вечной жизни никуда не делась. Клонирование, как и евгеника, регулярно атаковалась богатеями. А власть предрежащие, всякие там президенты, премьеры, короли - кроме норвежского, бездетного, очень старого и потому настырного - делали

нейтральный вид. Но и их интерес явно виднелся за постоянными атаками свободной, якобы, прессы на пресловутый Закон о запрете клонирования людей.

Вето, наложенное Русско-Туранским Союзом, стояло последним барьером. В принципе, решение ООН обойти могла любая из мелких стран, только как ты скроешь клонирование от внимательных шпионских глаз? Миллионеры и миллиардеры мгновенно поднимут шум, если кто-то где-то добьётся успеха.

Иван Семёнович Кичигин и думать не думал, что ему придётся столкнуться с нарушением Закона. И напрасно не думал, не готовился. Ведь тут, в Сибири, произошла какая-то мутная история, в которой кибер напал на уважаемого человека всемирной известности! Уколот и взял ткань из плеча. Потом зачем-то врезался в оптоволоконный кабель и вошёл в сеть. Зачем? Кой хрен ему там был нужен? Пусть даже скачивал он по сети коровью ментограмму, но человек-то отдал концы! Скончался от сердечного приступа.

Ладно если сам помер. Если же это кибер повредил мозги Вольфу, то триндец. Полный. Прокуратура завопит: «Покушение на жизнь инициатора закона!» Будет создана специальная следственно-оперативная группа, в которую введут хренову тучу профильных специалистов международного уровня, один спесивее другого. И пойдёт мурыжево.... А расшивать неизбежные тёрки между научными ишаками – чёрт бы их всех побрал! – придётся ему!

- За что, господи? – неслышно для аспиранта воззвал к небу убеждённый атеист Иван Семёнович Кичигин.

- Васька, ты куда своего модуля заслал? Ему завтра на профилактику, - раздался рядом молодой голос.

Следователь вышел из печальных мыслей и обернулся к двери. Невесть как открыв её, без стука и малейшего шума, к аспиранту Рифееву обращался длинноволосый парень лет двадцати пяти – тридцати. Тощий, сутуловатый, одетый в самые невыразительные брюки и рубаху, он производил впечатление учёного среднего уровня. Если бы его блекло-голубые глаза были прикрыты круглыми очочками, а светлые волосы свисали чуть подлиннее и торчали порастрёпаннее, то портрет «яйцеголового» следовало бы писать с гостя.

- Вы кто? – рыкнул Кичигин, глядя на гостя максимально недружелюбно.

- Арик, я потом к тебе загляну, - отмахнулся от приятеля Рифеев, а Кичигину пояснил, - Иванов это, лаборант транспортного отдела. Ну, гаража, где роботы стоят.

- Лаборант? Задержитесь. Рифеев, ваш модуль оттуда? А что за профилактика, гражданин Иванов?

Иван Сергеевич наскоро опросил лохматого парня, удивился имени «Аристарх», убедился, что профилактикой называется полугодовая проверка исправности систем киберов, принадлежащих Академии. Ответы его удовлетворили, он внёс гостя в список не подозреваемых, а знакомых второго круга. И отпустил с миром.

Смысла подробнее опрашивать случайного Рифеевского приятеля - Кичигин не увидел. Вот «потрошение» самого Васьки надо было продолжать, пока тот не опомнился. Русско-Туранский Союз не только декларировал, но и соблюдал права человека, так что потребовать адвоката и молчать до его прибытия мог каждый гражданин.

Хорошо, Рифеев о своих правах либо не знал, либо забыл. Заниматься юридическим ликбезом следователю Кичигину было как-то не с руки, и он задал повторный вопрос, чтобы проверить память аспиранта:

- Значит, вы уверены, что кибер не способен взять биопсию у человека?

Тут ведь как? Если Рифеев про своего модуля-доставщика наврал – а что тот местами врал, местами привирал, следователь Кичигин видел по движениям глаз, по жестам – тогда ещё больше заврётся, отвечая повторно. Непременно запутается в собственной лжи, а где-то лишнее добавит. Как бы додумает свою версию, дополнит, доработает. Но у следователя Кичигина «все ходы записаны», он нестыковку сразу заметит и раскрутит!

Профессия такая, не верить людям на слово.

**

Степь. Попытки осознанных действий

Заслонив глаза рукой, Вольф дождался, когда глаза привыкнут. Пусто. Он вошёл, осмотрел тесноватое помещение по периметру. На полу слабо, но вполне заметно вырисовывались продолговатые следы, словно от тяжёлых ящиков. В стенах что-то скрывалось, потому что тонкие, волосяные щели, заметные вблизи, обозначали прямоугольники шкафов с узкими дверцами. В целом же эта комната

выглядела командирской рубкой, но никак не врачебным кабинетом или ординаторской. Три кресла анатомической формы располагались перед общим волнообразным пультом.

- Надо же, - удивился Вольф, - наклонный, как у диспетчера. Кнопок и лампочек добавить, будет один в один!

Пульт оказался эргономичного размера - под человеческую руку, но пустым. Без тумблеров, верньеров, индикаторов и россыпи прочих мелочей, обязательных для средств управления.

"Охренеть, как интересно!" - возмутился молодой Андрей, но кидаться на стены и пульт с кулаками не стал. Ушибленная пятка болела всё сильнее и сильнее. Прихрамывая, Вольф проверил правый коридор, где на стене и в торце обнаружились три двери. Плотны закрытых. И не открывшихся после вежливого стука в каждую.

Адвокатское сознание подсказало, что лучше всего вернуться в рубку и отдохнуть, сидя в кресле. Андрей Григорьевич согласился, что отдых нужен и пошёл назад. Там он ещё раз огляделся, рукой проверил сиденья. Потом устроился зад в каждое. Все три показались одинаково удобными, но устроился он в среднем. Расслабился, закрыл глаза.

- Кайф...

За полчаса дремоты спина и ноги отдохнули. Вольф открыл глаза, с непонятным для самого ожесточением осмотрел ровные стены. Ему вдруг захотелось поработать за столом, в привычной позе приседения. Увы, нет ни бумаги под рукой, ни "Паркера", ни ноутбука. Зато думать-то можно без подручных материалов. И он задумался. Тем более что темы для размышлений никуда не делись.

Первая, но не основная – где он?

Вторая, главная – как жить дальше, на ближайшую перспективу?

Вольф соскочил с кресла, вышел наружу. Вечер приятно удивил своей красотой. Лёгкий, неосязаемый ветерок шевелил траву, гонял по степи волны. Горизонт плавился и зыбко переливался. То ли деревья, то ли высокие кусты сплошной полосой извивались в отдалении. Над ними летали небольшие птицы, порой резко пикируя. В стороне, на границе ясной видимости - темнела полоса, похожая на лес. Жаль, нигде не сверкала водная гладь. Даже фата-моргана не радовала струистым мороком.

Вздохнув, Андрей Григорьевич, принялся обходить серую громадину, считая шаги и глядя вдаль. С тыльной стороны «сарая»

зелёная полоса подходила довольно близко, лишь потом изгибаясь, утончаясь, чтобы исчезнуть на горизонте. Вдали ещё что-то темнело, но тучи ли это, горы ли - рассмотреть не удалось. И никаких признаков цивилизации. Отдалённых светлячков-фонарей, строений, дымов и людей.

Серая громадина со всех сторон выглядела однообразно – каравай, глыба без окон и дверей. Судя по тому, как она подмяла стебли трав - фундаментом тут и не пахло. Вольф только сейчас обратил внимание, что раздавленные стебли ещё не утратили зелёный цвет.

- День, максимум два назад поставили. И что это значит? - задумался Андрей Григорьевич, давая волю профессиональной фантазии. - Да мало ли что! Его не строили здесь, а установили в готовом виде. Или модулями доставили, чтобы здесь собрать...

И тут же он мысленно одёрнул себя:

- Не о том думаешь, господин адвокат! Ты ищешь воду. Где она, в этой чёртовой степи?

Таёжный опыт, который, вроде бы не мог пригодиться сейчас, неожиданно сработал и выдал подсказку: «А полоса зелени? Даже если это не ручей, то вода в почве там есть. Значит, можно копнуть, поискать грунтовую воду».

Молодое тело рванулось было – «Уж очень пить хочется!», но опытная голова погасила порыв:

- Что ж я, как голый в баню... Сначала оружие, хоть какое... Не нравится мне вон та животина, очень не нравится...

Животина лежала или сидела в траве так низко, что Вольф заметил её случайно, обратив внимание на стайку мелких антилоп или газелей, которые бежали к зелёной полосе и вдруг резко свернули. А круглая голова «животины», вернее, хищного зверя, поднялась над травой и вновь исчезла.

- Опа... Хреновые дела, однако...

Андрей ускорил шаг. Суперменом уровня Геракла он себя никогда не воспринимал, чтобы влёгкую душить степных львов голыми руками. Свору бродячих псов в той жизни, да, разогнал единой удой, но и то с оружием в руках – хорошим таким колом из плетня, хватистым, как дубина. А вокруг «сарая» никаких плетней и даже рощиц с потенциальными дубинами, увы, не обнаружилось.

Серое сооружение оказалось скромнее, чем ожидалось - четыреста тридцать шагов по окружности. Закончив обход, Вольф нырнул внутрь. Пробежал по всем коридорам, опять попробовал вломиться в медицинскую комнату, ведь в других местах что-либо пригодное для драки с хищником отсутствовало. А слюна сгустилась во рту настолько, что губы пересохли и склеились.

- Может, ушел он? Задрал кого-нибудь и успокоился? - обнадежив себя мечтой, Вольф выглянул наружу.

Зверь, который так и лежал неподалёку, поднялся и басовито рыкнул. Стоя, то есть в холке, судя по высоте травы, которая достигала Вольфу до пояса, хищник был не меньше метра. Стройнее льва, длинноногий. Этакий гепард, но более рослый. От его рыка страшно стало так, что жажда забылась немедленно:

- Ой, нет. Да я ему на один укус...

Андрей Григорьевич сел на пол. Глядя в серый потолок, собрал мысли, что называется, "в кучку":

- Не может же он вечно сидеть здесь? Так что? Следить за ним отсюда, и как уйдёт, бежать к зелёной полосе. Метров сто. Туда и обратно – минута, максимум. И минуту, чтобы напиться. Ну один раз это мне с рук сойдёт, а потом как? Он же не дурак, ляже в засаду, и каюк мне...

На этом Вольф застрял. Единственное, что он понимал - выходить сейчас на поиски воды чревато смертью в зубах большой кошки.

Сидеть было жестковато. Андрей несколько раз сменил положение, а потом откинулся на спину и разбросал руки. Так оказалось намного приятнее. Прохладный полумрак коридора и жужжание чёрно-жёлтых оводов или мух-журчалок, схожих расцветками тел, которые не могли почему-то проникнуть внутрь и роились перед входом - опять навевали дремоту.

Наверное, мозг утомился от новизны ситуации, как это происходит с детьми, познающими мир, раз в полудрёме ему причудилась фантастическая картина. Громадный вертолёт МИ-126, летающий кран, притащил из-за горизонта на внешней подвеске серый каравай, в котором опознавался «сарай». Опустил его в зелёное разнотравье степи и удалился, влача под брюхом толстенные стропы.

Во сне Вольф почему-то задался совершенно пустяковым вопросом – где на «сараях» проушины для строп? Очнувшись от

полусна, Андрей Григорьевич пробурчал себе под нос версии "в порядке бреда". Начал с неприятной:

- Неужели Шариф мне подсуропил? Или тот наш разговор – простое совпадение?

Подозревать академика Зулькарнаева, старого приятеля, который всю жизнь посвятил генетике и проблемам клонирования Вольфу не хотелось, но пришлось. Начал строить версии, будь добр не отмечать неумолимые факты. Шариф Зулькарнаев утверждал, что нашел путь к решению проблемы агрессивности клонов. Вольф отказался ему помогать в атаке на закон о запрете клонирования людей. Прочел целую лекцию, как несмыслёнышу. Обидел. Андрей покрутил версию в голове и задал себе прямой вопрос:

- Мог Шариф оторваться, так своеобразно отомстить? Мог. А помощь ему оказало не правительство. Олигарх... Он же и секретность обеспечил... Хороший ход, господа! Клонирование запрещено, поэтому секретность нужна сто... нет, двестипроцентная! Я клонирован, чтобы защищаться... И защищать. Поневоле, как подельник! А кому как не игровикам такая интрига по средствам? И они решили меня из неприятелей перетащить в друзья... Таким вот хитрым способом!

Версия получилась воистину бредовая, как и все сегодняшние. На всякий случай Вольф довёл её до блеска:

- Предположим, Сиротин или Хорохордин, - имена самых богатых представителей игровых корпораций озвучились помимо воли Андрея Григорьевича. - Дали Шарифу у деньги. Они в моём возрасте. Им нужно омолодиться... Шариф сказал, что может клонировать без проблем... И они решили проверить методику репликации на мне... Ага! Вот зачем я в глуши. Дать мне помучиться, потом спасти, якобы. И я им благодарен. Дважды... За омоложение и за спасение... Лихо!

Логично выстроенная версия уже не выглядела бредовой. Андрей Григорьевич потрянул головой отменяя чувство гордости за собственный изощрённый ум. Даже если он прав, то сейчас следовало действовать, а не любоваться собой. И вообще, он слегка озяб, очень хочет есть и страдает от непереносимой жажды!

- Не завидую я вам, господа игровики... За молодость спасибо, но защиты вы от меня не дождётесь, я вас за незаконное клонирование выверну, высушу и вые... - Вольф едва сдержался, так хотелось ему вернуть в угрозу давнюю, юношескую присказку.

Злость взбодрила, добавила энергии. Желание немедленно деятельности заставило Андрея выглянуть наружу, в сумрак. Солнце ушло за горизонт, подсвечивая багровую зарю. На степь опускалась ночь, звездная, влажная. Отчего жажда усилилась - дальше некуда.

- Оружие, оружие! – понужнул себя Вольф, толкая дверь медицинского кабинета.

Та ожидаемо не поддавалась. Как и стены рубки. Андрей выругался:

- Чёрт бы вас подрал, конструкторы херовы!

Попытался шатнуть кресло, заглянул под него, разочарованно выругался ещё раз. Облизал сухие губы.

- Сдохнуть же можно! Чёрт, чёрт, чёрт, да что за непруха!

Вспомнилось вдруг, что роса осаждается на металле. Отчаявшись, Вольф вышел, попробовал слизать влагу с гладкой стены "сарая". Увы, этого хватило лишь смочить язык. Издалёка донёсся мощный рёв. Так в зоопарке голосил лев - двести килограммов которого выглядели очень убедительно даже через толстенное стекло вольеры.

А молодое тело мечтало о глотке минералки из холодильника, о запотевшей баночке пива, о роднике, о ручье, о луже, в конце концов! В памяти Вольфа прокручивались воспоминания о степных реках, которые всегда прятались в древесных зарослях, называемых «забокой».

- Верно, забока, - согласился с собой Андрей Григорьевич. – Дубину мне, дубину! Ну, хоть ножичек перочинный, скальпель, я бы её в забоке и вырезал! Чёрт, чёрт!

И уже не он, а темпераментный и очень молодой Андрей в сердцах саданул кулаком по пустому серому пульта. А тот пискнул, мигнул, и целиком залился приятным зеленоватым светом. На нём вдруг обнаружились какие-то зоны и секторы, подсвеченные иными цветами. Рубиновая точка размером с детский кулак и надпись под ней принялись медленно пульсировать.

- Что за хрень?

"Хрень" не отвечала, пульсировала, помалу теряя яркость, пока не погасла окончательно. Видимо, не дождалась действий и перешла в спящий режим, как обычный компьютер. Андрей Григорьевич осторожно повторил удар. Панель послушалась, активировалась. Рубиновая точка принялась пульсировать, просто-таки настаивая: "Коснись меня!"

- Да без проблем, - бормотнул Вольф, прикладывая палец к точке.
- Что я теряю? Если запаролено, то ничего не случится, а нет, тогда...

Что тогда - он не успел додумать. Точка сменила цвет на синий и пульсировать прекратила. Зато надпись обновилась. Вольф снова приложил палец, теперь уже к синеве. Ничего не случилось, только надпись принялась пульсировать со знакомой интенсивностью. Как наглая ментовская или депутатская мигалка.

Тут Андрей Григорьевич дал маху - прозевал вспышку гнева своего истеричного молодого тела. Зарывав, оно садануло кулаком по центру панели, затем принялось молотить по всей панели уже двумя руками, напомнив древнюю ироническую гиф-заставку, которую Вольф ради прикола ставил вместо аватара. Там истеричный юзер колотил по клавише сначала руками, затем култями, затем лицом, пока не разбивал себя вдребезги.

Неистовый Андрей не успел раз молотить кулаки в кровь - пульт сработал. Дверцы многочисленных шкафов капитанской рубки распахнулись. Разом. Все до единого.

- Ох, ё!

**

Следственный комитет Новосибирска

Иван Сидорович Кичигин закончил доклад начальнику и ждал реакции, когда за дверью послушался шум. Затем дверь приоткрылась, секретарь Зоя заглянула в приоткрытую створку и жалобно извинилась:

- Я ничего не могу сделать! Там эта пришла, туранка, Демир которая, и, как узнала, что Кичигин у вас, ломится сама!

- Понимаю, - вздохнул Таянов, - пусть войдёт. Иван, настал твой смертный час. Эта... - он помолчал, отыскивая слово, не нашёл и заменил его вздохом, - из тебя ведро крови сейчас выпьет.

Тангюль Демир выглядела стройной, даже слегка худощавой женщиной с фигурой нормальных пропорций. Назвать ту стрижку, что украшала её голову, причёской — значило бы польстить парикмахеру. Ровный по всему черепу густой радикально чёрного цвета волос - наверное, правильно было бы назвать его длинным ёршиком? - подчёркивал бледность лица. И вампирски ярко, кричащим карминовым пятном-бантиком вырисовывался рот. Образ дополняли хорошо подкрашенные глазные области, какие обожали рисовать готы.

Возможно, в юности Тангюль могла привлекать парней правильностью черт и царственностью осанки, но следователь Кичигин одним взглядом считал с прокурора Демир весь нужный ему информационный пакет. И внутренне скривился, сопровождая отрицательную оценку древней мужской присказкой: «За мешок муки в голодный год, и то не стану!»

Антипатия.

Вот правильное название для чувства, которое он испытал. Судя по внешности и поведению, Тангюль ненавидела мужчин любой национальности, населявших планету. Мизоандрия являлась сутью этой дамы, которая не стала лесбиянкой, вероятно, лишь из карьерных соображений.

Иван, едва просёк сущность прокурора Демир, тотчас принял свой вывод, как указание к последующим действиям – в режиме герпетолога, естественно. А как же, ведь среди эф, чёрных мамб, болотных гадюк только бдительность предотвращает смертельные укусы. Постоянная, ежеминутная! Ибо благородство индийской кобры и американской гремучки, подающих явственные сигналы раздуванием капюшона и трещоткой - этой туранской «змеюке» вряд ли свойственны.

- Вы следователь Кичиган?

- Кичигин, с вашего позволения, - привстал Иван.

- Прекрасно. Я хотела бы получить весь наработанный вами материал, ознакомиться с планом работы, а лучше всего выслушать ваш доклад, - принялась давить гадюка.

- С чего вдруг вам? – взбрыкнул следователь Кичигин. – У меня начальство есть. Ему раз в неделю и докладываю.

Прокурорка вопросительно уставилась на Таянова. Марин Владимирович подтвердил заявление «важняка» кивком, кротко сообщил туранке о порядке, принятом в следственном отделении, о собственной занятости, но Тангюль парировала отговорку сходу:

- Я вас, господин начальник следствия, на доклад не приглашаю. Кичигин, вы в состоянии немедленно доложить мне о проделанной работе?

Только Таянова напугать инспекцией было невозможно, а хамство равного по званию прокурора он спускать не намеревался:

- Вы тут кто? Наблюдатель. Вот и наблюдайте издалека, когда я буду заслушивать доклады подчинённых. В моём кабинете, в моём присутствии. А чтобы полностью исключить недопонимание, освежите в памяти закон о Следственном Комитете. В части процессуальной независимости следователя. Я понятно выразился? Или на туранском повторить?

Тангюль Демир душой не была, нарушение границ дозволенного осознала мгновенно, поэтому отыграла назад:

- Извините. Вы правы, единоначалие в нашем деле всего важнее. Но я не поняла, почему вы спросили про язык общения? Я плохо говорю на русском?

Таянов и Кичигин уставились друг на друга. Признать, что проверяющая владела русским безукоризненно, им не хотелось, потому что туранский - что начальника, что подчинённого хромал. Сибирский акцент, ну, никак не вытравливался, никакими стараниями. С другой стороны, никто не мешал назвать языком общения любой оставшийся из пяти обязательных – испанский, немецкий, английский. Только ведь сибирский акцент присутствовал и в них.

- Выбирать вам, госпожа прокурор, - вывернулся из неловкой ситуации Марин Владимирович.

- Прекрасно, будет русский. Мне надо совершенствоваться. А теперь разрешите задать следователю Кичигину несколько вопросов в вашем присутствии?

- Как он решит, - Таянов перевёл стрелки на подчиненного.

Тут уже Иван оттянулся по полной программе:

- Сейчас нет, не отвечу. Занят плановой работой. Да и время начальника не стоит занимать повторением уже ему известного. Документы можете просмотреть, если допуск есть, а доклад... - Иван демонстративно развернул серую папку, заглянул внутрь, дескать, сверяюсь с планом работы, и поднял на прокурора Демир честные глаза, - я делаю завтра в десять.

- Вы что, план работы держите на бумаге? Не пользуетесь планировщиком? – изумление туранки выглядело неподдельным. – Весь мир...

Кичигин пожал плечами:

- Предпочитаю так. Хакеры, знаете ли. Вдруг подломают сайт отделения, а там мои планы? Зачем подозреваемым знать о них?

До Тангюль Демир дошла ирония или она, действительно, не желала тратить впустую ни единой минуты, но торговаться и спорить не стала:

Завтра в десять я буду у вас, – повернулась она к его шефу. – А сейчас я хотела бы получить кабинет. Вы мне его подготовили? Спасибо. На этом – до свидания. Ен или.

Когда дверь за ней закрылась, Таянов спросил у не менее поражённого Ивана:

- Что это было?

- Она попрощалась. Типа, калька с русского – всего хорошего.

**

Ночная степь

Распахнутые шкафы сначала напугали Вольфа. Он осторожно привстал с кресла, всмотрелся, ожидая обнаружить ловушку или ещё что-то неприятное. Кибер-защитника этого корабля, например. Долгую минуты ничего не происходило, никто ничем не шуршал, скрипел, стучал или звенел. Андрей Григорьевич сделал шаг, второй, не позволяя молодому темпераменту завладеть телом:

- Стоять, Казбек, - вслух велел он себе самому, - знаешь ведь, что спешка нужна при ловле блох. Сначала общий осмотр. Детальное потрошение оставим на потом. Итак, начали, справа налево.

И методично принялся осматривать содержимое шкафов. Разнообразное и удивительно непохожее на виденное раньше. Большинство из вложений опознать удалось достаточно просто. Канцелярские товары были расположены ближе всего к пульту. Стопки бумаги разных форматов, блокноты, бьювары или нечто на них похожее, стилосы - а как иначе назвать гибрид ручки с карандашом? - и странные коробочки.

Невнятные упаковки-ящички, похожие на армейские пищевые рационы, но не поддающиеся открыванию - занимали следующий шкаф. Разноразмерные стопки разноцветных брусков с блестящими полосками разъёмов, напомнившие о слотах в компьютере - попали в категорию "хрен знает, что", как и квадратные кубышки. И всё это плотно фиксировалось либо штангами, либо зажимами.

Одежда - ура! - нашлась в угловом шкафу, пятом по счёту. Упакованная - в целлофан? - форма серого цвета выглядела уныло, но нищему что ни дай, ему всё в прибыль! И Андрей восторженно

разодрал первую же упаковку. Размер подошёл. Тельник с коротким рукавом, трусы-боксеры, носки, брюки и рубаша с длинным рукавом. Куртка. Кепи с отворотами, тканевой пояс. И там же обувь.

Странная. С большой натяжкой похожая на нормальную обувь. Скорее, невнятные бахилы на жесткой рифленой подошве, чей носок забран металлом, а каблук оснащён шипастой подковкой. Их Вольф надевать пока не стал. Пол в рубке и в коридорах чистый, чего бы в носках не походить, пока обыск не закончен? А там, глядишь, нормальные кроссовки или туфли сыщутся.

- Обломился, - чуть позже горестно констатировал он, не обнаружив нормальную обувь. - Придётся в этих лаптях шлёпать.

И огнестрела в шкафах не нашлось. Вообще. Ничего похожего на серьёзный ствол. Пародия на оружие, да, лежала в последнем шкафу. Косая дюжина миленьких пистолетиков, больше всего похожих на водяные, игрушечные, в коробках. Все незаряженные, с пустыми рукоятями. Ладно хоть острые ножи, массивные, широкие - таились в нишах, матово темнея обрезиненными рукоятями. Аж двадцать штук!

- Офигенное мачете, - охарактеризовал Вольф находку, немедленно перепоясываясь ремнём. - Слона зарубить можно. Металлокерамика, что ли?

К сожалению, никакой емкости для воды в шкафах не обнаружилось. Видимо, солдатская фляга у изобретателей "сарая" не котировалась. Андрей Григорьевич особо переживать не стал, вернулся к безразмерным бахилам, натянул их на стопы, заправил штанины внутрь, поддёрнул мягкие тряпочные голенища до колен. И даже ахнул, когда произошло неожиданное чудо - голенища отвердели, легонько сжали икры и голеностоп, подошва утянулась под размер ноги, плотно и бережно облегла пальцы.

По сути, бахилы превратились в сапоги. Они смотрелись лучше, чем берцы. Очень симпатично, почти как юфтевые или хромачи, каких молодой Вольф стоптал чуть ли не десяток, по лесам шастая.

Притопнув, Андрей Григорьевич порадовался на ладную обувку и направился наружу. На пандусе сердце его тревожно ёкнуло - темнота таила неведомые опасности. Но пить хотелось так сильно, что он решился. Вытащил тесак из ножен и, храбро помахивая им, сошёл с пандуса.

Ночь только казалась непроглядной. Выйдя из коридора, Андрей Григорьевич окунулся в темноту разной плотности, которая мало-помалу приобретала формы и распознавалась. Вон там, слева, кустарник вдоль воды, чуточку темнее, чем степная трава. А справа, подвижная тьма - это стадо крупных копытных, медленное, неспешное, возможно, дремлющее на ходу. Сверху же, с небосвода, равнодушно отсвечивали звёзды. Их россыпи когда-то давно были известны ученику 5-ой школы Андрюшке Вольфу.

- Кассиопея, если не перепутал, выглядела как дабл-ю. Где она? - закрутил головой Андрей Григорьевич. - Не вижу... Стоп, не так надо. Сначала Большую Медведицу, потом уже Кассиопею искать.

Однако ковшики, ни маленький, ни большой, упорно не попадались на глаза.

- Я что, в южном полушарии? - предположил Вольф после нескольких минут разочарования. - Скверно, не знаю, как выглядит Южный Крест. Ну и ладно, потом разберусь, следующей ночью.

И Андрей Григорьевич поспешил в сторону предполагаемого ручья. Там он и отыскался - шириной метр, местами три, максимум, пять. С большой натяжкой он мог удостоиться звания речушки. Но главное, в нём медленно текла желанная вода.

Вода!

В предыдущем теле, теле стареющего адвоката, Вольф не стал бы пить из водопровода - ну, на фиг, хлор и железо! Отказался бы хлебнуть из кем-то недопитой бутылки с минералкой - вдруг зараза пристанет? Ни за что не соблазнился бы сырой водой из лесного ручья, тем более, пруда - ага, чтобы обдристаться потом? А уж из городской речки, типа Яузы, Москвы или Невы - тем более - не дизентерия с холерой, так вся грязь с асфальта. Ну, а лесную, степную и болотную непременно бы прокипятит.

Но здесь, в молодом теле, которое изнывало от жажды, все былые предрассудки развеялись как дым. Зачуяв воду, увидев её, Вольф пробил кусты, словно грузовик забор - шумно, с треском - и влетел в ручей по колено.

Вода!

Нет, не так - ВОДА!

Он, не мудрствуя, стал черпать сложенными ладонями и пить, пить, пить, пить... Вкус оказался восхитительным. Лишь когда

живот надулся барабаном, Вольф смог остановиться и понюхать зачерпнутую пригоршню. Навозом, канализацией или гнилью не пахло. Да и какое значение имели сейчас бактерии? Главное, жажда отступила.

Андрей Григорьевич усмехнулся над смешными ограничениями, навязанными цивилизацией. Капризничать хорошо, когда вода есть на выбор. А здесь и сейчас такового не предвиделось. Он выбрался на берег, снова шумно проломившись через кусты. Блаженство, овладевшее им, оказалось так велико, что Андрей зашагал примерно в обратном направлении, ни на мгновение не усомнившись в правильности выбора.

Оглушительный рык заставил вздрогнуть. И наполнил страхом. Тесак сам взлетел к плечу, будто сабля, приготовленная для удара. Ну да, в книжках, которые Вольф читал в детстве, герои рубили врагов именно так, через ключицу и до поясницы, наискось! Сидя на боевом коне, глядя врагу в ненавистное рыло!

Молодое тело мгновенно, за два-три удара сердца, наполнилось адреналином, и шустрый Андрей уже готов был броситься в атаку. Только здесь Вольфу угрожал не явный враг, а хищный зверь, громкоголосый и опасный. Да к тому же и невидимый в ночной мгле.

Андрей Григорьевич перехватил дурацкий и очень опасный порыв молодого тела, прикрикнув на себя-Андрея: "Стоять! Бить позрячему!" И старательно выпялился в темноту перед собой, пытаясь заметить движение. Потом вдруг вспомнил, что при низкой освещённости лучше использовать периферийное зрение, после чего принялся окидывать взглядом более обширный сектор, а не только тьму перед носом.

Это ли помогло или хищник сам приблизился, но вот в нескольких метрах парно возникли тусклые огоньки. Потом погасли. Снова возникли, чуть ближе. И горловое, низкое, даже не рычание, а грозное клокотание - раздалось со стороны огоньков.

Вольф понял, нет - почуял древним инстинктом, что хищник обращался к нему. Копытные - что! Они добыча, они на охотничий участок не покушаются! А человека этот крупный кот рассматривал, как конкурента, и предостерегал, запугивал: "Уходи, иначе..."

Только хищник не знал, что в некогда ссыльно-поселенческом городишке Осинники, как во всякой глухой провинции, и в начале

двадцать первого века царили такие же порядки, как в дикой природе. Там пацан по имени Андрюшка познал азбуку уличных драк. И последующие девяносто лет не вытравили важность грозного клича.

Ты должен напугать, устрасить противника. И подбодрить себя! Даже в беззвучной кинохронике видно, как распяливают рты бойцы, бросаясь в атаку.

Поэтому Андрей Григорьевич не отступил, хотя от предчувствия схватки и грядущей боли все волоски на теле стали дыбом, а меж лопаток пробежал холодок. Но нет, бояться можно, а отступать - никогда! Он воздел клинок вверх, чуть подался вперёд, показывая, что готов броситься в атаку, и завопил, зарычал, накачивая себя боевым азартом:

- Ты-ы-ы! Тва-а-а-ррр-рь! У-у-убь-ю-у па-а-а-длу-у-у! В клочки пор-р-р-ву-у!

**

Следственный комитет Новосибирска

Утро Кичигина началось с того, что туранка сама вошла в его кабинет, поприветствовала Кичигина сухим «здравствуйте», села напротив и открыла рот для какого-то вопроса. Иван Семёнович упредил вопрос прокурора Демир своим:

- Не будете ли вы любезны пояснить ваши полномочия?

- В смысле?

Иван сумел удивить Тангюль – маска невозмутимости слетела мгновенно. И то, заурядный следователь посмел усомниться в её полномочиях! Гневная отповедь была бы сейчас к месту, но Демир умела прогнозировать развитие ситуаций на два-три, а то и больше ходов вперёд. Сообразив, что ошиблась в оценке сибирского «важняка», прокурор обуздала гордый туранский нрав и соблаговолила ответить с подробностями.

- ... мандат наблюдателя от Международного Суда, как вы понимаете, требует от меня пристального внимания к вопросам, связанным с внезапной кончиной адвоката Вольфа. К событиям вокруг личности такой величины всегда приковано внимание общественности. Если пределы моих прав ясны, хотелось бы узнать, как дела с вашими обязанностями?

Иван раскрыл серую папку и уткнулся в неё. А куда деваться следователю, когда с него требуют отчёт? Некуда. И он максимально

подробно изложил суть служебной инструкции.

- Bravo, - неслышно изобразила аплодисменты госпожа Демир, - вам бы актёром работать. А можно без этого, - она неопределённо покрутила ладонью над головой, изображая некий водоворот или вихрь, - я ведь вам не враг.

- Но не союзник же? - усомнился Кичигин. - И вообще, давайте продолжим встречу в кабинете Марина Владимировича.

Прокурор Демир бровью не повела, показывая, что обиделась, но ушла от следователя по особо важным делам, подчёркнуто тихо и аккуратно притворив дверь.

Спустя час Иван рассказывал ей и Таянову об аспиранте Василии Рифееве, о выпотрошенном экспертами модуле-доставщике, о незаконной врезке в оптоволоконный кабель Вольфа, о дозе амфетаминов, о биопсии и о многом другом.

Начальник следственного отделения помечал что-то на затёртом листе, который вынул из красного бювара. Тангюль Демир слушала, полуприкрыв глаза. Час до встречи она провела перед экраном, изучая материалы дела. Кичигин, хотел-не хотел, но электронную версию серой папочки заполнял.

- Доклад закончен.

Тангюль открыла глаза и встретила взгляд следователя. Наглого русского важняка. И приложила все силы, чтобы не отвести, не сморгнуть, а пересилить, переглядеть того. Напрячься пришлось изрядно. Туранка смотрела и невольно отмечала, что радужка у оппонента не голубая, а ярко синяя, васильковая, что его брови не белесые, а с отчётливой рыжинкой, что горбинка на прямом носу, скорее всего от перелома. И он, упрямый следак, не смаргивал, пялился, словно она была подозреваемой! Ломил знаменитым полицейским взглядом, слегка расфокусировав, как и она, чтобы глаза не устали.

Устали оба, одновременно моргнули, а потом отвели взоры в стороны, признав равенство. Что уж там думал следователь, Тангюль гадать не собиралась, а себе призналась – а ведь Кичигин красив! Несмотря на европейский тип лица. На фотографиях, да и вчера, во время короткой встречи, прокурор не заметила скромной мужской красоты, которая сперва теряется на фоне жгучих брюнетов. Но выигрывает в марафоне, когда контрастность балкано-кавказского

подвида приедается и утомляет сопутствующей шумностью. Этот являл собой высший класс - не барабан, а монолит. С титановым стержнем внутри.

- Итак, предварительные версии, Иван? – скрипнул стулом Таянов, разрушая затянувшуюся тишину.

- Возможно, мы имеем дело с заказным убийством. Но аспирант Рифеев слишком мелкая фигура. Пешка. Пока не установлена его связь с вероятным куратором-кукловодом, мы отработываем версию со случайным причинением смерти...

- Поподробнее, пожалуйста, - на лице прокурора Демир мелькнула недовольная гримаса, и бесследно стёрлась.

Кичигин повёл бровью, показывая, что заметил отрицательную реакцию. Мимика универсальна, и такого обмена невербальными сигналами собеседникам вполне достаточно для понимания друг друга.

- Есть основания подозревать наличие широкой сети роботизированного взятия проб тканей и снятия ментограмм животных для неясных пока целей.

- Для массового клонирования домашнего скота?

- Как вариант. Но маловероятно. Не исключено, мы поймали след какой-то государственной программы, засекреченной. И как бы не людских тканей. Помните, в ожидании третьей мировой в глубинные хранилища закладывался генетический материал для возрождения человечества? Я послал запрос в госбезопасность, но моих полномочий недостаточно.

Тангюль задумалась. Война тогда не состоялась, государства нашли способ мирно сосуществовать. Остались мелкие конфликты – куда от них денешься? соседи всегда найдут повод учинить потасовку – но те не грозили взаимным истреблением. Однако о ликвидации стратегических запасов, бомбоубежищ и глубинных хранилищ ни одна из ведущих держав мира не объявляла. Русско-Туранский союз тоже.

- Я сделаю такой запрос. А почему клонирование людей вы сочли маловероятным?

- О новых технологиях мне неизвестно. Поштучное реплицирование можно скрыть, но массовое клонирование? Нет, оно вряд ли возможно. Хотя, запросить мнение профессионалов не

помешает, - Иван демонстративно сделал пометку на листе, лежащем в серой папке.

- В целом согласна. Пусть оперативники ищут связь игровиков с вашим аспирантом, а мы проработаем эту связь сверху вниз. Вы изучили персоналии, которые я вам скинула? Да, именно эти. Председатели советов директоров, директора, держатели крупных пакетов акций... Начнём с Хорохордина.

Иван Семенович Кичигин обречённо вздохнул. Чего он боялся, то и случилось. Наблюдательница от Международного Суда проявила дурную инициативу. А ему теперь придётся тратить драгоценное время на изучение абсолютной чепухи. Ну, никогда и никто из олигархов не снисходил до личного заказа на устранение конкурента! Для этого у них есть порученцы, серые кардиналы, которые знают нужных киллеров и берут на себя ответственность, если что...

Однако толку-то протестовать? Начальник сказал вчера: «с дурой не спорь!», значит, спорить не надо.

- Хорохордин, говорите?

**

Степь. Ночное блукание

От надсады в горле что-то лопнуло, порвалось, отчего рёв стал чуточку хрипateй. Но пока воздух в лёгких не кончился, Андрей вопил - угрожающе, истово, веря сам и уверяя окружающий мир, что ему по силам победить неведомого хищника.

Зарубить, сломать руками, загрызть зубами!!!

И зверь поверил. Тусклые огоньки исчезли, горловое рычание удалилось и стихло. Вольф отдышался, с удивлением ощущая, как по телу течёт пот, а конечности дрожат и наполняются усталостью. Держа нож на плече, он долго вглядывался в темноту. Вслушивался, с нетерпением ожидая, что хищник рыкнет где-то вдалеке. Но тот молчал. В отдалённой тишине звучали лишь меканья и мычания.

Успокоившись, Андрей Григорьевич попытался вспомнить, в какой стороне остался "сарай". И понял, что заблудился. То ли темнота сгустилась, то ли звёзды потускнели, но никаких ориентиров заметить не удалось. Руки и ноги перестали дрожать, но усталость просто валила с ног. Жутко хотелось спать, зевота раздирала рот, глаза так и норовили закрыться. Шальную мысль - лечь в траву и заснуть - спугнул знакомый отдалённый рёв.

- Ну, нафиг такое счастье, спать здесь! Чтобы он меня сожрал? Лучше кругами ходить.

И Андрей Григорьевич двинулся наугад, держа мачете наготове. Этот нож-переросток сейчас казался таким тяжёлым, так оттягивал руку, что его приходилось то и дело перекладывать в другую, для отдыха. Чтобы не слишком отдалиться от места, где он потерял ориентацию, Вольф решил топтаться на пятачке. Он отсчитывал полста шагов прямо, потом разворачивался, опять считал до полуста, разворачивался, считал до пятидесяти, разворачивался...

Последние повороты совершались им уже на автомате, в полудрёме. Только споткнувшись и выронив нож, Андрей очнулся. Утренняя заря высветлила небо и степь. "Сарай" темнел метрах в двухстах, чуть на подъёме. Если бы вчера он заметил это, то легко нашел бы дорогу назад. Вяло ругая себя за дурь и невнимательность, Вольф доплёлся к пандусу, вошёл внутрь, держась за стену, устроился в кресле капитанской рубки и заснул.

Разбудил его голос. Мелодичный женский голос что-то настойчиво объявлял, интонацией походя на аэропортовые или вокзальные, громкие и назойливо-равнодушные. Андрей открыл глаза, увидел привычные серые стены, подсвеченный пульт и мигающую надпись на нём. Вспомнив вчерашний «сухой» день, он ощутил голодные спазмы, правда, сегодня менее интенсивные, и сделал вывод по прошлому опыту:

- Привыкаю голодать. Ничего, неделя мне не повредит.

Женский голос несколько раз повторил короткую фразу. Язык был, вроде бы, отдалённо знакомый. Прошлая жизнь сводила Андрея Григорьевича с носителями многих культур, и на слух он сразу уловил похожесть на... на... На какой?

- Что за язык?

Краем глаза он заметил, что пульт светится ярче, и успел повернуться к нему. Да, под голосовое объявление там пульсировал текст - вероятно, он соответствовал озвучке. Литеры выглядели опять-таки полужнакомо. Из серии – не знал, да забыл. Надпись потускнела, голос смолк.

- Ну, и какого хрена ты меня разбудила? - спросил Андрей неведомую дикторшу, потягиваясь и выходя из командирской рубки.

Ответа он не ожидал, но как нормальный человек хотел хоть с кем-то пообщаться. Ворча, Вольф остановился на пандусе, осматривая окрестности с конкретной целью. Физиология требовала слить отработанную жидкость, а для этого требовался... Нет, не обязательно унитаз или писсуар. Пригодился бы угол дома. Или забор. Или ствол дерева. Ну, хотя бы камень, возвышающийся над землёй.

Не на траву же мочиться? Обувь забрызгаешь, да и вообще, уважающий себя самец обязан пометить личную территорию. С учётом недавнего противостояния степному коту Вольф пренебрёг очередными культурными "табу", уступил инстинкту и обильно оросил стену "сарая" рядом с пандусом.

Полегчало.

Ширинка на форменных брюках застёгивалась не на молнию или архаичные пуговицы, а слипалась, почти как ершистая липучка, но без колючек. Гладкие края просто сходились и прочно держали, пока не наступала надобность распахнуть прорешку. Тогда слабый рывок даже одним пальцем - открывал доступ на всю длину. Вот и сейчас Вольф легко справился с закрыванием-открыванием. Он успел привести себя в полный порядок, как вдруг услышал шлёпанье босых ног по коридору.

Из "сарая" кто-то шёл, нет, уже вышел наружу! Увидев этого «кого-то», Вольф воскликнул:

- Обалдеть! Держите меня семеро!

**

Следственный комитет Новосибирска

Всё-таки глобальная сеть и толковая поисковая машина – прекрасное средство для установления истины. А обилие камер слежения вкупе с разумным архивированием инфы – дают прекрасные возможности предотвратить злой умысел, либо установить злоумышленника, временно преуспевшего в преступном деянии. Примерно так Иван Семёнович Кичигин пел бы дифирамбы государственной правоохранительной практике, умей он петь.

И то, как не радоваться следователю, если оперативники нашли важнейшее доказательства незаконной и опасной деятельности Рифеевского робота? И не просто нашли, а подтвердили справкой архива! Есть первая улика, есть!

- Так вот каким образом твой модуль Вольфа отловил, - воскликнул Иван, читая справку Сибирской службы контроля воздушного пространства.

Оказывается, она отслеживала перемещения любого летательного аппарата, а модуль-доставщик передвигался не только на колёсах, но и в режиме вертолёт. Автоматика контроля подтвердила, что зависал модуль над парком города Осинники, опускался на десяток секунд, а потом приземлился на крыше адвоката дома. Внутри дома робот тоже двигался, но та угловатая спираль в расшифровке не нуждались – по лестнице он двигался, вниз, потом вверх. А вот наложив городской отрезок курса на отслеженный через мобильник маршрут Вольфа, следователь получил искомое подтверждение контакта робота с человеком. В парке, при взятии биопсии.

- Не зря бдит Большой Брат!

ярлык, ядовито, но точно отметивший одну из главных функций государства, Кичигин подцепил у какого-то американского писателя. Если не старший брат, то кто тебя защищает от агрессивной пацанвы в дворе? В любом, хоть ненадолго возникшем сообществе, обязательно начинаются разборки – кто сильнее, кто главнее. Синяки и разбитые носы в детстве – это мелочь, но у взрослых такие разборки круче, больнее и страшнее, потому что «закон кулака», он ведь закон природы. Тут проповеди и призывы к миру бессильны. Только «Большой Брат» - по праву сильного - способен навести и поддерживать порядок.

О, как остервенелые враги цивилизации ненавидели государственные правозащитные службы, как боролись с ними! Ещё каких-то лет семьдесят назад всяческие «гринписовцы», «антиглобалисты» и прочие наивные идиоты, подстрекаемые наёмными шавками, отстаивали интересы транснациональных корпораций. А такие же наёмные правозащитники вопили, что «Большой Брат» ущемляет права людей тотальной слежкой.

Какие права, спрашивается? Адьютелер, мелкий обман и прочая хрень – кого они интересуют! Когда это государство доносило жене о неверном муже? Не смешно даже. А предотвращённые теракты и заказные убийства, вычисленные по словам с криминальным душком – разве они ущемили права спасённых от смерти? Их мнения о пользе тотальной слежки «правозащитники» почему-то не спрашивали.

- Сохраняю? – прохрипел Волк с экрана. – Или распечатать?

- И то и другое. В папку Вольфа. Интересно, твой покойный тезка что на этот счёт думал? – задался риторическим вопросом следователь Кичигин.

На одно лишь мгновение, потому что ему предстояло ловить человека, который «заказал» адвоката. Следователь Кичигин предполагал, что некто очень предусмотрительный и дальновидный задумал и осуществил убийство посредством простодушного аспиранта. Тот, в условиях предстартовой горячки, ожидаемо отдал неразумный приказ, а подчинённый ему робот – тупо отработал заранее заложенную в него программу.

Хитрую, специальную, хорошо защищённую. Не случайно ведь уничтожилась только она? Конечно, тень или привкус, душок сомнения – всяк из критиков типа Демир или шефа по-своему, но мгновенно ловят слабость версий - Иван ощущал. А что, сошлось несколько случайностей, и всё! Но без поимки программиста сомнение не развеять.

- Не понял, кто такой тезка? – повторил компьютерный Волк.

- Отстань, серый, не до тебя, - рефлекторно ответил ему Иван, и немелодично спел сам себе, укладывая справку в серую папку. - Ай, попалась, птичка, стой, не уйдёшь из сети... Лиха беда начало! Поймаем. Тогда программёр сдаст заказчика... Тот окажется кукловодом аспиранта... А если игровиком, вот шуму будет!

Про дождь наград, который прольётся на следственную группу, когда дело закончится так триумфально, Иван Семёнович даже думать не хотел. Гнал прочь мысли, чтобы не сглазить, тьфу-тьфу! А хорошо бы... И то! Какой капрал не мечтает стать генералом? Даже старший советник юстиции Кичигин – уже неплохо звучит. Один служебный оклад – ого-го! Нынешняя зарплата тоже вполне достойная, но разве деньги бывают лишними?

В таком приподнятом настроении он пошёл на беседу к прокурору Демир. Наблюдательница от Международного Суда, как обычно, в синем мундире, с безукоризненной причёской и с бесстрастным лицом, ожидала его.

- Мерхаба, баян савчи, - щегольнул Иван знанием туранского.

Демир неожиданно расхохоталась:

- У вас такой забавный акцент! Давайте лучше на русском говорить. Итак, что нового, что плохого?

- Зря вы так. Плохое ждать и звать не следует. Примета такая, народная. Это как чёрта поминать, - улыбнувшись в ответ, следователь не преминул-таки повредничать.

- Уговорили. Итак, что хорошего?

После доклада и демонстрации наложенных графиков, где курсовые отметки модуля с Вольфом и его капсулой стопроцентно совпадали по времени, Тангюль задумалась. Кичигин тоже молчал, используя паузу для проработки собственных планов. Так, в тишине, прокурор и следователь просидели никак не меньше десятка минут. Демир спохватилась первой и применила стандартный женский приём, бросив упрёк визави:

- Иван Семёнович, в чём дело? Вы закончили доклад?

- Давно, просто не хотел вас сбивать с мысли, - парировал ход соперницы Кичигин.

Наукой «перевода стрелок» он овладел в ссорах с Арзу. Та была жёстким, если не жестоким тренером. И в подобных играх – а «обвини мужа», это всего лишь частный случай - пожалуй, могла бы поучить любую туранку. Во всяком случае, Тангюль Демир пара уроков не помешала бы. А то придумала, как пошутить:

- Ну, если у вас своих дефицит, готова поделиться моей.

- Навязать? А процессуальную независимость мою побоку? Нет, спасибо!

И следователь по особо важным делам вышел из кабинета очередной раз «отшитой» туранки. Где-то в глубине души стесняясь собственного хамства. Ну вот что ему стоило выслушать женщину, пусть и прокурора по должности? Стройную и смазливую женщину. Не всегда же она прокурор?

**

Степь. Нагая девица

Позавидовать Андрею Григорьевичу мог любой из семи богатырей, нарвавшихся на отказ царевны молодой, верной королевичу Елисею. И каждый молодой человек, имеющий глаза.

На пандус вышла нагая девушка. И Андрей возопил: «Обалдеть!» – потому что едва не подтвердил правоту Марка Твена, сказавшего в

"Письмах Сатаны", что помолодевший старец-ханжа готов уволочь в кусты любую девицу.

Да перед такой устоять не смог бы самый упёртый аскет-воздержанец! О, она была дивно хороша, брюнетка с длинными волосами! Разве словами передашь, как пожирал Андрей глазами фигурку с тонкой талией, в меру развитыми бёдрами, упругими грудями примерно третьего размера, которые слегка округлились снизу, но не провисли, а задорно смотрели небольшими сосками чуть в стороны! Лицо он оценить не успел, да и не на него сначала смотрел – на тело! - а потом девушка закрылась ладошками от безжалостного полуденного светила. Алые губы, правильный овал лица и розовая кожа - вот и всё, что осталось доступно взору парня.

- Ай! - воскликнуло нагое чудо грудным голосом. – Быр-быр-быр-быр-быр! Быр-быр?

Слова её были непонятны, однако общий смысл фонемы Вольф уловил. Вроде бы девушка просила отвернуться и спрашивала, где взять одежду. Ощущение знакомости языка нарастало с каждым словом и, казалось, Андрей вот-вот должен был его вспомнить. Он переспросил:

- Простите, не понял. Вы на каком языке говорите?

В горле Андрея что-то хрипнуло. Он откашлялся. Девушка вздрогнула, глянула на парня сквозь пальцы рук и вскрикнула уже испуганно на том же языке, который оказался чисто русским:

- Ой! Не смотрите на меня!

Она присела, наверное, полагая, что таким образом скроется от посторонних взглядов, но разве влажные пряди пусть и густых волос могут служить одеждой? Конечно, нет. Сгорбившись, девушка собралась в комочек, и тут Андрей Григорьевич сообразил, как поступить:

- Вот, наденьте!

Он в одно мгновение содрал с себя куртку и в распахнутом виде протянул юному перепуганному существу. Та ощутила прикосновение ткани, радостно схватила, каким-то слитным движением продела руки в рукава и запахнулась, одновременно распрямляясь. А потом принялась выпрастывать волосы, оказавшиеся внутри куртки. Это ей пришлось делать одной рукой, вторая придерживала полы одежды от распахивания.

Длина Вольфовой одёжки пришлась наяде - или как там древние греки называли мелких богинь? нимфе? - в пору, не хуже мужских рубаш, которыми обожали драпироваться многие постельные подруги Андрея Григорьевича. Во всяком случае, нижняя часть её спины оказалась прикрыта, отчего уверенности у девушки добавилось:

- Вы кто? Что здесь делаете? И где моя одежда?

С каждым вопросом тональность становилась строже, а голос - громче. Выпростав всю длину волос, девушка отправила их за спину. Теперь на Андрея смотрели карие глаза под прекрасными бархатными бровями, а ресницы заслуживали звания самых чёрных, самых густых и самых загнутых.

Лицо тоже не подкачало. Симметричное, без выдающихся скул, с выраженным подбородком и полными губами оно не поражало кукольной красотой, как у накрашенных рекламных див, напротив. В лице девушки таилась простая, соразмерная красота полного совершенства, которое не нуждается в подрисовке и ретушировании.

Томление, которое Андрей испытывал в нижней части живота, стало невыносимым. Обуреваемый гормонами молодой организм жаждал немедленного совокупления, но жизненный опыт подсказывал, что делать пробную попытку нельзя ни в коем случае. И Андрей Григорьевич поступил иначе. Он прошёл мимо девушки, через плечо бросил ей:

- Следуйте за мной, - и направился в командирскую рубку.

Та что-то вякнула, но разговаривать со спиной - не самый удобный способ общения. И словно бычок на верёвочке девушка пошла за Вольфом. В рубке тот вынул из нужного шкафа форму, надорвал пластиковую упаковку, положил комплект на сиденье:

- Одевайтесь.

Говорить, что он, де, станет ждать снаружи, или же затевать знакомство, стоя спиной, демонстративно не подглядывая, вряд ли стоило. Слова, они - зряшное сотрясение воздуха, не более того. Пусть спокойно одевается. А оденется - из "сарая" один выход. Там, сидя на пандусе, Вольф освободился от влияния молодого Андрея настолько, что успел обдумать случайную (ой ли? Зулькарнаев, конечно, на хитрость не способен, а вот Хорохордин, у того голова заточена как раз на провокации и подлядки!) встречу, сопоставить с прежними

размышлениями и почти наметить линию поведения. В самый неподходящий момент за спиной раздался голос:

- Спасибо. А что, женской одежды тут нет? А вы кто, из персонала? Охранник? А где я нахожусь? И когда кормить будут? Кстати, я хочу пить! Почему вы не отвечаете? Да что здесь происходит? Вызовите старшего! Немедленно! Эй, вы меня слышите?

Вывалив на Вольфа ворох вопросов, девушка накрутила себя так, что голос звенел обидой и близкими слезами. Доводить её до истерики Андрей Григорьевич не стал, поэтому ответил по существу и негромко:

- Слышу. Старший я. Свежая вода есть в ручье, метрах в трехстах. Но одной лучше не ходить. Места здесь опасные, хищники бродят, крупные.

Девушка смолкла. Немного постояв, она присела на край пандуса, с другой стороны. Вольф молчал. Перерыв в общении и время, выгаданное на раздумья, позволил ему унять позывы молодого тела, и теперь он вполне владел собой. И не сомневался, что девушка сейчас должна будет налаживать более близкие отношения с ним сама. Смущение наготой она отыграла очень натурально, пришёл черёд отрабатывать наивность и желание прислониться к сильному плечу.

Минуты через три Вольф мысленно поздравил себя с верным прогнозом - девушка сделала первый шаг к сближению:

- Сидим, молчим, а ведь мы даже не познакомились. Я - Ирина Леонидовна Макарова. А вас как зовут?

- Андрей.

- Не сердитесь на меня, ладно? — мягко, извинительно Ирина перешла к этапу поиска защиты. — Я изнемогаю от жажды...

- Это не проблема. Идёмте к воде. Только я оружие прихватчу. Для вас.

Стараясь не смотреть на девушку, и всё-таки заметив, как прекрасна та выглядит в форме, Вольф сбегал за ножом. Пояс Ирина застегнула сама. Мачете её не перекосило лишь потому, что она сразу подхватила ножны рукой. Перетянутая талия подчеркнула грудь, а на миг проступившие выпуклости сосков напомнили, как великолепно её тело без одежды.

«М-да... Хороша, чертовка! Не дураки против меня играют, отнюдь не дураки...» - Андрей сглотнул слюну, перевёл дух и пошёл первым, чтобы не видеть прелестницу. И придумал занятие для

отвлечения - помахивая тесаком, срубал перед собой стебли, усыпанные розовыми цветками.

- Как в сельве, прокладываю путь...

- Там вряд ли растут такие мальвы, - опознала растение девушка, идущая за спиной. - Это они. Или очень похожи.

- Возможно, я в ботанике профан. Кстати, присмотритесь, вдруг съедобные травы заметите. Очень уж есть хочется.

- Мне тоже. А что же вы не охотитесь, если такой голодный? - прозвучал ехидный вопрос.

- Без ружья, с ножом? Олени, - указал Андрей на ближайшее стадо, - так близко не подпустят.

Ирина скептически заметила, что упомянутые копытные для оленей слишком малы, так что это, скорее всего, газели. Вольф пожал плечами:

- Да без разницы. Мясо, оно у всех одинаковое. Скверно, что копье не из чего сделать.

- Что, ружья нет? Копьём-то уметь надо!

Андрей Григорьевич отшутился, напомнив анекдот про одессита, которые не знал, играет ли на скрипке, потому что пока не пробовал. Он помалу привыкал к тому, что восхитительно красивая девушка идёт рядом. А когда Ирина рассмеялась, Андрей подумал, что отношения стали почти непринуждёнными.

«Теперь ей нужен предлог, чтобы испугаться, броситься на меня, обвить шею... А я, соответственно, растаю, обниму и всё... бери меня тёпленького... Ага... Хрен вам!»

Ручей при свете дня оказался совсем рядом, никаких не триста, а дай бог, полтора шагов. Вольф двинулся вверх по течению, всматриваясь в переплетения кустов, надеясь увидеть пустую пластиковую бутылку, пивную или консервную банку, какие в изобилии встречаются на берегах посещаемых людьми водоёмов. Увы, напрасно! Только стрекозы, крупные, гораздо крупнее обычных, прыскали в разные стороны, когда он раздвигал кусты.

Место, где он вломился в кусты ночью, на глаза Вольфу не попалось, зато обнаружился шикарный спуск, сверху вытоптаный до пыльно-бетонной прочности, а у воды - разжиженный, как свиная мечта. Огромное количество дырок, пробитых в глинистом спуске

оленьими копытами, навело Андрея Григорьевича на мысль устроить здесь засаду: "Ближе к ночи. А что? Может неплохо получится..."

Чуть выше по течению - ради чистой воды, естественно - он прорубился сквозь кусты, уже всерьёз орудуя тесаком. Сдвинулся, освобождая проход девушке, и вновь принялся высматривать так нужную и желанную ёмкость, которую "зелёные" считают мусором и загрязнением окружающей их среды. Ирина тем временем спустилась к ручью, но дотянуться к воде не смогла. Она оскользнулась, взвизгнула, оглянулась на парня. Но Вольф стоял столбом. На лице Ирины мелькнуло удивление, недовольство, гнев. Она потребовала приказным тоном:

- Дайте руку! Я боюсь упасть.

- Зачем? - возразил Андрей Григорьевич, чисто из озорства. - Шагайте в воду и пейте пригоршнями.

Он знал, он предвидел такой поворот событий. Подсадная девочка растерялась, начала волноваться – как же! разрыв шаблона! – рядом явно обуреваемый гормонами парень, и вдруг он не позволяет собой помыкать.

- Дайте руку! - повысила тон Ирина.

- На голос не берите, - отрезал Андрей, - сапоги не промокают, а вы не инвалидка, чтобы за вами ухаживать. Делайте, как сказал, или пропустите меня, я тоже пить хочу. Или мне вас столкнуть?

Получившая отпор девушка шагнула в ручей, напилась и с обиженным видом выбралась на берег. Назад, к "сарая", оба шли молча. Приказ, резко отданный Вольфом: "Стоять! Куда одна?! Держитесь сзади и не отставайте!" - Ирина выполнила беспрекословно.

В командирской рубке "сарая" оба устроились в креслах, не глядя друг на друга. Андрей Григорьевич тупо смотрел на пульт, где медленно пульсировала фраза на незнакомом языке. Сейчас, на голодный желудок и в расстроенных чувствах, ему думалось лучше, чем при появлении нагой Ирины. Поэтому версия о подсадке девушки для ловли его в более прочные сети – окрепла до железобетонной прочности:

«Лихо игровики рассчитали! Действительно, если я омоложён, то буду сбит с толку настолько, что приму молоденькую девку за такую же омоложенную. Она меня трахнет, привяжет к себе, станет бить на

жалость, уговорит защищать её в суде... И я поневоле стану своим... Ей и её боссам... Молодцы! Отличная задумка. Только со мной она не пройдёт, господа хорошие! Хрен вам, а не защита! Но девицей я попользуюсь, почему нет?»

Он отстранённо подумал, что цинизм за сто лет той жизни стал чуть ли не чертой характера адвоката Вольфа. И тотчас оправдал себя, ведь профессиональная деформация характерна для любого умного специалиста. И усмехнулся, уже иронизируя:

«Зря горжусь. Если на игровиков работает не просто хороший, о выдающийся спец, то мне следует ожидать появления второй девки, типа, омоложенной тоже. Тогда будет секс втроём, ревность, истерики, чтобы мне уже не отвертеться и не выкрутиться. А когда я к ним привяжусь, те и появятся с предложением, от которого невозможно отказаться...»

Такие подозрения, естественно, выходили за рамки простого шантажа, но всем свойственно преувеличивать собственную значимость, а не преуменьшать, так что Вольф решил подстраховаться и не разоблачать Ирину. Пусть думает, что справляется с заданием.

Закончив обдумывание тактических шагов, Андрей Григорьевич ощутил жесточайший голод. Надо было от умствования переходить к добыванию пищи. Проведённое в сибирской глубинке детство, плюс последующие "дикие" турпоходы, а также постоянное незатейливое браконьерство с ружьишкой и сетями - дали Вольфу довольно обширный опыт.

Там, в тайге, он мог бы легко вернуться к дикарскому образу жизни. Скучная по сравнению с тропиками природа научила есть такое, чего бывшие телевизионные выживатели бы и не нашли, попав в Сибирь - луковицы саранки, молодую черемшу, заболонь, "баранчики", спорыш, паслён, борщёвник, хвойные "свечки", не говоря уж о деликатесах, вроде вылитых из нор сусликов и забитых палками гадюк.

И не ради эксперимента, не на камеру, не для бахвальства и эпатажа, вовсе нет. Просто, на сплавах по горным рекам, утопив еду, чем ещё питаться, как не подножным кормом? Было раз, пришлось долго лежать на камне, ловя руками гольянов и пескарей, а потом глотать их живьём. Бывало, набивал желудок кузнечиками, предварительно обрывая им ноги, головы и крылья. Ел двух-

трёхдневных вонючих, заплесневелых хариусов, наскоро подкопчёных в дыму костра.

Много чего переварил его желудок. Полвека минуло с тех времён, но голод и жажда быстро изгоняют привычку к безупречно чистой воде и отменно свежей пище. Особенно, когда надежда на МЧС или иных спасателей отсутствует. Сейчас Вольф сожрал бы что угодно.

- Стрекоз наловить, что ли? – с отчаянием сказал он себе. – Запечь, как азиаты делали? – И содрогнулся от омерзения, представив, как будет разламывать и обсасывать подгоревший хитин.

Нет, запечённое на огне мясо при любых раскладах - вне конкуренции, будь это шашлык или бык на вертеле. Так что добыть оленя Вольф решил твёрдо. И даже прикинул, как. Для чего в рубке вытащил себе второй тесак. Девушка неодобрительно следила за его вознёй, поджав губы. Но молча, что Андрея Григорьевича радовало. Скандальная баба - это последнее, чего он хотел бы. И поэтому стоило подыграть наивной девчужке, которая мнила себя великой актрисой:

- Ирина, - позвал Вольф, - а как ты здесь очутилась?

- Не ты, а вы, пожалуйста, - стервозно ответила та. - Я дама и к тому же старше тебя раза в два, наверное. Тебе сколько лет?

- На сколько выгляжу, - внутренне хохотнул: «Как я тебя угадал!», и ушёл от прямого ответа Андрей Григорьевич. - А вам?

- Пятьдесят четыре, хотя сейчас я выгляжу совсем юной.

Вольф хохотнул уже вслух и горделиво признался:

- Там мне было больше ста.

Ирина то ли растерялась от его искренности, то ли забыла сыграть всё ещё обиженную стерву и воскликнула:

- Ты... Вы... А я думала... Так вы не работаете здесь? - но быстро опомнилась и безапелляционно заявила. - Не может быть! Ты врёшь!

- Нет. Но, знаешь, давай поговорим об этом в другой раз. Сейчас я собираюсь на охоту. Вдруг да повезёт? – и Вольф ушёл, чувствуя взгляд, направленный в спину.

Да уж, теперь Ирина – да Ириной ли её зовут? – должна крепко подумать, как вести себя, чтобы выполнить задание хозяев. Игровой бизнес, как и любой большой бизнес, жесток с наймитами, который не выполняют договор или скверно исполняют порученное дело.

**

Следственный комитет Новосибирска

Прокурору Тангюль Демир казалось странным поведение следователя Кичигина. Тот не просто «гнал след». Иван Семёнович спешил, бежал «впереди паровоза», торопился «семимильными шагами», пёр «как танк», если образно выражаться, как старинные русские авторы из прочитанных туранкой книг.

Не будь она профессионально подозрительной, то попала бы под его обаяние, настолько убедительно Иван излагал свои планы. Но когда Кичигин уходил, Тангюль тщательно прорабатывала оставленные им бумаги, прослушивала запись его доклада, и находила нюансы, пропущенные тем.

Сначала их было два, важных и не выясненных. Первый касался подробностей о последнем дне. С кем встречался адвокат Вольф, когда и где? О чём разговаривал, спорил, ругался? Демир не сомневалась – собеседники старого адвоката, наверняка, поведают много интересного.

Второе касалось многочисленных родственников покойного. Следователь Кичигин ни с кем из них не общался. И даже не собирался отрабатывать версию с интересом наследников. А ведь давно известно, подтверждено статистикой и обоснованно психологами – большинство бытовых убийств совершается самыми близкими родственниками!

И возмутительно выглядело пренебрежение следователя эпизодом, когда модуль аспиранта Рифеева напал на адвоката Вольфа. Робот ведь зачем-то взял образец ткани, ввел наркотик. Вопрос стоял остро - почему следствие не выясняет про амфетамин, про незаконное взятие образцов ткани без согласия человека?

Идя далее, Демир обнаружила ещё один прокол следствия, упустившей интересную информацию. Мог ли модуль случайно сделать вторую врезку в оптический кабель? Демир сомневалась, очень сомневалась. Кабель вёл в игровую капсулу отнюдь не Вольфа, а соседского подростка. Наверняка, в двойной врезке скрыт тайный смысл.

Кичигин на замечание не среагировал, отмахнулся, по сути. Мол, для раскрытия дела о причинении смерти гражданину Вольфу данное обстоятельство особой роли не играет, потому и пренебрёг опросом подростка. Прокурор Демир с таким пофигистским подходом к расследованию не согласилась. Но гонять сыщиков, так она для себя

называла оперативных уполномоченных – о, этот чудовищный русский язык! – не стала, отправилась туда сама.

Подросток оказался дома, его мать – тоже, что позволило соблюсти формальности. Иначе пришлось бы приглашать психолога или классного руководителя этого долговязого юнца. Закон требует присутствия кого-либо из перечисленных, якобы, защищая их от давления со стороны правоохранительных органов. На таких надавишь, как же!

В своё время Тангюль досыта наобщалась с подобным контингентом. Так сложилось, что больше года она служила в отделе контроля за оборотом наркотиков среди молодёжи. Выбрав путь построения социалистического общества, Великий Туран после возрождения вынужден был жёстко искоренять признаки буржуазного разложения.

Заменить на традиционное земледелие и скотоводство то выращивание и производство наркотиков, навязанное Афганистану ещё старыми Соединёнными Штатами – оказалось делом трудоёмким и нескорым. Поэтому борьба велась на всех фронтах одновременно – уничтожались поля конопли и мака, орошались и рекультивировались пригодные земли, а самое главное, активно вылавливались наркоторговцы.

О, как трудно приходилось Тангюль! Подсевшие на иглу мальчишки с девчонками категорически не хотели лечиться и ещё менее – сдавать своих поставщиков. Если честно, тогда юная Демир поверила рассказу своей тёти, много лет отработавшей в частной психиатрической лечебнице. Та, изрядно выпив ракии в кругу семьи, принималась донимать всех:

- Я же не преступница? Я же их тапком, буйных, а как иначе? Без синяков ведь. Иначе никак! Они только боль понимают! На меня столько раз нападали, пока я их не приучила, чтобы боялись!

Родня сторонилась Шираз, обоснованно считая ту слегка ненормальной. Тангюль – тоже. Но, получив от подростков несколько болезненных ударов, а однажды даже укус, она взорвалась от гнева и злости. И так хлестнула укушенной ладошкой по прыщавой морде мальчишки, что тот моментально затих, скукожился, словно бумага в огне:

- Ой! Больно!

А затем сдал ей дилеров. Угрызения совести терзали юную стажёрку не слишком долго. Ведь главное дело выиграло. И вообще, что значит оплеуха наглому щенку в сравнении с победой над наркоманией, которая едва не затопила Великий Туран? Старший советник юстиции, прокурор Демир Тангюль, тем срывом, конечно, не гордилась. Даже стыдилась. Наедине с собой признавалась, что нарушила закон, вышла за пределы дозволенного.

Но кто способен прожить жизнь безупречно и безгрешно? Никто. Жизненный опыт, он набирается так долго! Пока учишься находить верные решения, ошибок насобираешь немеряно. Чтобы убедиться, достаточно прочесть истории о святых – им очень даже было в чём каяться.

Ахат Нургалиев, тощий русский парнишка, походил на того турчонка нахальством. Или наглостью. Вероятно, глядя на тётку в синем мундире, он казался себе очень смелым, дерзко отказываясь выполнить вполне законную и корректную просьбу о недолгой беседе.

- Мне что, делать нечего, на ваши вопросы отвечать? Я поиграть хотел, а вы припёрлись!

Мать попыталась увещевать неразумного отпрыска:

- Ахат, человек специально к тебе приехал! Из Новосибирска!

- И что? – ухмыльнулся пятнадцатилетний оболтус. - Надо было заранее со мной условиться.

Помня себя в том возрасте, Тангюль соглашалась, что с подростковой колокольни - Ахат, точно, герой. Но взрослая и очень занятая прокурор Демир потакать попытке самоутвердиться за её счет не стала. Зная, что заслуживает более уважительного отношения, она преподавала урок юному хаму. Вежливо и непреклонно. Вот так:

- Прекрасно. Тогда прошу вас завтра, в девять утра, быть вместе с родителями у меня в кабинете. В Новосибирске. Вот визитная карточка, а вот повестка, - она не поленилась заранее заготовить соответствующий бланк, и сейчас сунула два экземпляра в руки подростка, ошалевшего от обилия канцеляризов. - Вы, как мать и естественный опекун, - второй экземпляр мелькнул перед лицом родительницы, - распишитесь и обеспечьте явка мальчика. Ему при себе иметь свидетельство о рождении и характеристику из школы. Вам со вторым родителем - паспорта и характеристики с мест работы.

Предупреждаю, в случае неявки будете доставлены полицейским нарядом, оплата конвоя, соответственно, за ваш счёт.

Ахат Нургалиев охотнее получил бы затрещину от матери, чем сдался жёсткому нажиму чужого человека. Но наглость не есть глупость. Понять, какие неприятности светят семье при неподчинении – а женщина в синем мундире с погонами явно рассердилась – мальчишка струсил. И правильно сделал.

Потому что могло быть и хуже. Прокурор Демир готова была окончательно размазать парня жестоким способом - подчеркнуть вопиющее невежество его семьи. Судя по фамилии, Нургалиевы обязаны почитать Коран. Хотя бы знать, чтобы не позорить предков. А в священной для мусульман книге есть 15 аят, сура 42, где сказано: «Воздастся каждому по заслугам его». Тангюль сдержалась, услышав жалкий лепет:

- Извините. Слушаю вас.

Спустя час с небольшим прокурор Демир диктовала следователю Кичигину указания. Тот молча внимал, хотя мог устроить громкий скандал. Ведь та вторглась в его епархию и сняла показания без его соизволения. А молчал, потому что вскрылся прокол, допущенным им. Ахат Нургалиев вспомнил, что тем вечером, когда в игровой капсуле скончался Вольф, он тоже играл. Никаких особенностей в игре подросток не заметил, но зато признался, что незадолго до возвращения домой забегал в кусты помочиться. И там, вроде бы, упал в обморок. Беспричинно и ненадолго, на пару минут, как ему показалось. А принимая дома душ, обнаружил на плече маленькую ранку. Как след от укола или укуса овода.

Прокурор Демир не сомневалась – у Ахата тоже взяли биопсию, как у адвоката Вольфа. Установлено, что адвокату тогда же ввели амфетамин. Возможно, ещё что-то, что повлекло за собой его смерть. Различие между двумя случаями биопсий – существенное, ведь мальчишка жив, а Вольф мёртв.

Зачем брали образец ткани у Ахата? По ошибке? Вряд ли. Роботы не ошибаются. Что ещё роднит оба случая? Врезка в оптоволоконный кабель, которые идут в игровую капсулу. Значит, надо понять, зачем киберу подключаться к капсуле. Какой физический фактор и как убил пожилого адвоката, но оставил живым мальчишку?

- Хорошо, закажу экспертизу, - вздохнув, пообещал Иван. - Хочешь исключить причинение смерти по неосторожности?

Он постоянно сбивался в общении с Демир на «ты». Вероятно, привык так разговаривать со своими, в служебном кругу, куда Тангюль вошла, пусть и косвенно, в статусе наблюдателя.

- Хотелось бы, - подтвердила она.

Но расшифровывать намерение не стала. Оно и так понятно. Судебный медик утверждал, что Вольф умер сам во время игры, а не убит. То есть никакого криминала в кончине адвоката нет. Если так, то прощай уголовное дело. Сдавай, Тангюль, мандат наблюдателя Международного Суда и катись к своему Мраморному морю. Ну уж нет! Прокурор Демир категорически не согласна перечёркивать надежды на карьерный рост, на генеральские перспективы, на всё!

Нет, нет и ещё тысяча раз нет! Здесь если не намеренное убийство, то – как минимум – причинение смерти по неосторожности. И зря «важняк» сомневается в её настырности. Прокурор Тангюль Демир намерена реализовать свои – да, наполеоновские! и что в том предосудительного? – планы.

Ради этого она заставит следователя Кичигина рыть не только дальше и глубже, но и значительно шире!

**

Степь. Добыча пищи

План охоты складывался вынужденно просто. Поскольку дальнобойного оружия нет, надо устроить засаду. Вопрос - где и как? Тут особого выбора не было. Куда обязательно идёт любое животное? К воде или на солонец. Солонца нет. Зато растоптанный в жидкую грязь водопой в наличии имелся. Осталось лишь замаскироваться. Качественно, чтобы животные не заметили и не почувствовали.

Задача та ещё! В тайге Вольф умел многое, а вот в степи - пока нет. Ошибаться нельзя, без еды уже неумоги. Так что маскировку следовало обдумать детально и основательно, соотнося с реалиями. Что он и сделал, рассуждая вслух, по пути к ручью:

- Изобразить крокодила и спрятаться в воде? Ерунда, а вот затаиться в грязи - да.

И Андрей Григорьевич принял за основу хитрый способ, подсмотренный в каком-то древнем фильме. Там нагой бушмен обмазывался навозом и грязью, устраивался в луже, словно свинья, и

дождался удобного момента для удара копьём. Почему бы сибиряку не применить такой способ?

- Залягу. Дождусь, когда подойдут ближе. И что дальше? - Вольф засомневался, что сумеет в прыжке дотянуться до оленя. - Метнуть нож в грудь или живот? Метров с трёх? А что, дело вполне исполнимое...

Он представил, как вскочит и швырнёт клинок в оленя. Или в газель. Сомнение, как называть то или иное копытное, стада которых бродили по степи, мало беспокоило Вольфа, но порой мешало, вызывая короткую заминку. Привычка к точности была тому причиной, да и отличались местные породы, хоть и навскидку не скажешь – чем конкретно.

Старый адвокат достоверно знал, что его подсознание бесстрастно фиксирует мельчайшие детали, не загружая сознание всякой ерундой, вроде длины рогов, особенностей хвоста, расцветки и прочей дребеденью. И самостоятельно ведёт опознание увиденных пород, сравнивая «ерунду» с тем, что уже хранится в памяти. И коль до сих пор точного совпадения не обнаружено – местные породы имеют весьма существенные отличия от виденных им ранее.

Однако тревожился сейчас Вольф иным – эффективностью охоты. Маленькая пуля перешибает кости, легко дырявит мягкое тело, порой насквозь и всё это за счёт скорости. А ему предстоит тыкать в оленя широким ножом, пусть острым, но довольно широким. Опыт подсказывал, что тесак, если сильно и быстро ударить - гарантированно пробьёт мягкую шкуру и мышцы. Но не кости. Понятно, бить надо в живот. И взять два ножа. Мало ли, вдруг олень дёрнется, и нож ударит в кость? Да ещё отскочит, руки-то у этого тела слабые! Второй нож и пригодится.

Выйдя к ручью, Вольф бережно сложил одежду и обувь с подветренной стороны, далеко от водопоя, шагов за двести. Чтобы запах человека не встревожил оленей, не отпугнул. Потом долго брёл по воде, ругая топкое дно, где сильно вязли ноги. Особенно напротив вытоптанного берега, где звери спускались к воде. Грязи там они намесили - мама не горюй! Зато маскировочную краску искать не пришлось. Как и навоз, щедро наляпанный по склону и даже у воды.

Андрей Григорьевич старательно растер полужидкую лепешку по голове и плечам. Потом повалялся в грязи, добавил на спину остаток

помёта и раскопал углубление чуть выше уреза воды и рядом с кустами. Те давали тень, а послеполуденное солнце светило в глаза животным. Затаившись, Вольф положил метательный тесак под правую руку лезвием к себе, а добивательный, тоже без ножен - рукоятью. Решил, что так будет удобнее.

Прошло часа полтора, если не два или три.

Солнце опускалось ниже, кровососы - то ли комары, то ли слепни - изредка и больно кусали спину, грязь на которой засохла и растрескалась. Но не отпадала, держась на влипших и всохших волосках, что вызывало зуд и подстрекало почесаться. Небольшие стада копытных, которых Вольф счёл оленями, а Ирина обозвала как-то иначе, чуть ли не газелями - бродили рядом с водопоем, но к воде не спускались. И лишь когда освещённость стала падать, а тени исчезли - сразу два стада ринулись к воде.

Жвачные оголтелой толпой - иного определения Вольф не нашёл - набежали, надвинулись, столкнули первые ряды в ручей, взмутили воду, превратив её в грязную взвесь. Олени или газели - один чёрт! - совершенно не обратили внимания на человека, лежащего в засаде, и едва не затоптали его.

На ум бедолаге сразу пришло понимание, почему прайд львов уступает стаду буйволов, хотя сильные кошки способны свалить и задушить самого крупного одиночку. Да потому, что четыре копыта, помноженные на сотню мечущихся центнеров, превратят в отбивную всё живое, будь оно сколь угодно хищным! Так что, получив копытом по голове, Вольф взвился пружиной, от боли забыв схватить метательный тесак. Но едва переполошившиеся копытные попытались отшатнуться от него и упёрлись в плотную стену соседей - спохватился:

- Что же это я?

И рука с добивательным ножом со всей силы ударила по ближайшей шее. Глупее поступка нельзя было придумать. Конечно же, лезвие не перерубило её, хотя рассекло кожу и мышцы довольно глубоко. Ошеломлённое нападением животное высоко скакнуло и удрало по спинам соплеменников. Мгновенно поумневший Вольф прыгнул к другому копытному и уже осознанно вонзил лезвие в грудную клетку. Нож вошёл удачно, проник глубоко, но рывок раненой

газели в сторону оказался так силён, что крепко зажатая рукоять едва не вывихнула парню кисть.

Всполошённое стадо развернулось само в себе и унеслось в степь. Разочарованный Андрей Григорьевич смотрел вслед и костерил себя последними словами. Ещё бы, столько времени ждать в засаде и так бездарно упустить реальный шанс добыть мясо! Он разочарованно плюнул в сторону удравшей добычи, вернулся к ручью, где долго смывал с себя маскировку прихваченным пучком травы. Окунаясь, Вольф безжалостно драил себя, сильнее, чем оттирал бы закопченный котелок. Ему казалось, что он провонял навозом, пропитался его острым запахом.

Только опасение не успеть до полной темноты заставило Андрея Григорьевича выбраться на берег выше водопоя и по широкой дуге обогнуть вытоптанную площадку, старательно выбирая путь. И вот там, на границе голой земли и редкой травы он заметил тушу газели или оленя - один чёрт! Туша лежала на боку, чернея широкой полосой крови, которая вытекла из раны, нанесённой Вольфом. Раненое животное успело отбежать от ручья всего-то метров на двадцать.

Гордость овладела Андреем: "Я смог, сумел!" Он наклонился, чтобы подобрать добычу и понял - не получится. Два ножа в руках, причём без ножен. Как нести эту газель? На плече? А как держать ножи? И вообще, сколько весит эта туша? В той жизни ничего тяжелее зайца или глухаря Вольф с охоты не приносил. Лося, убитого по лицензии, они с приятелем разделали на месте и потом уже вывозили мясо на лошади.

поступить сейчас - опыт не подсказал. Но не бросать же тушу здесь? Отлучишься, а вчерашний котяра её заберёт - хрен догонишь и хрен вернёшь добычу. Во всяком случае, экспериментировать Вольф не собирался. Он решительно воткнул ножи в землю и попробовал поднять добычу.

- Ого! Тяжеловато, килограммов сорок. Или пятьдесят!

Андрей крикнул, закинул тушу на плечи. Постоял пару мгновений, оценивая. Показалось, что с переноской он справится. Шагнул, убедился, что не падает под грузом. Но как жёстко давила на шею костлявая грудная клетка, как неловко свешивалась до живота газелья башка, как мешали её рога! Мешки с картошкой или с мукой, которые Андрею Григорьевичу пришлось потягать в молодости, то с

семейного поля, то на подработке грузчиком - гораздо комфортнее ложились на плечи.

- Чёртовы рёбра! Чёртовы рога! - выругался Вольф, пройдя шагов двадцать.

Там он сбросил газель, вернулся за ножами. Отшагал на такое же расстояние в сторону одежды, ещё заметной в густеющих сумерках, вернулся. Воткнул оба ножа под кожу добычи, освободил руки. Ухватив за рога, поволок тушу. Устал, распрямился, отдышался. Снова поволок. И в три таких приёма дотащил добычу к одежде.

Там, уже не торопясь, Андрей Григорьевич снова помылся, более основательно и аккуратно. Вышел из воды, стал на травку, ополоснул ноги, руками согнал капли с плеч, живота, бёдер и натянул одежду на влажное тело. Отмыл предварительно замоченные в ручье клинки, вдвинул в ножны, застегнул пояс и, пыхтя от натуги, поволок газель к "сараяу".

**

Академия генетики, Москва

Кабинет академика Зулькарнаева оказался под стать хозяину – монументальный, уставленный застеклёнными книжными шкафами, словно домашняя библиотека какого-нибудь аристократа царских времён. Сам он встретил следователя Кичигина, выйдя из-за стола. Ладонь, сухая, испятнанная крупными старческими пятнами коричневого цвета, стиснула руку Ивана крепко, по-мужски.

- Здравствуйте. Жаль, повод для встречи у нас печальный, - звучным голосом хорошего лектора сказал друг Вольфа, жестом предлагая сесть в кресло.

- И мне жаль, - согласился Кичигин.

В памяти мобилы покойного адвоката на встречу с Шарифом Зулькарнаевым отводилось полчаса. Запись разговора не велась, что могло говорить, как об отсутствии у Вольфа интереса, так и о приятельском содержании беседы. Важные для работы разговоры тот обычно писал в автоматическом режиме, потом стирая ненужные файлы. С этого вопроса Иван и начал:

- Вы настояли на встрече, хотя знали, что ваш друг устал. Он с трудом победил на апелляционном слушании, вам это известно?

- Знал, - устало взмахнул академик, словно отгоняя назойливую муху, - но мне надо было его перехватить в столице. Разговор тот не

телефонный. Вот я и настоял. Но раз уж вы тут, всё равно ведь от вас не отделаться... Слушайте.

Шариф Зулькарнаев включил воспроизведение. Динамики на книжных полках наполнили кабинет живыми звуками. Иван Семёнович выслушал разговор, разглядывая статуэтку из сидящих друг на друге обезьян, изображающих знаменитую композицию «самбики но сару».

- Сбросьте мне запись, пожалуйста, - попросил он Зулькарнаева, оттягивая время до неприятного вопроса.

- А что сами не записали? – удивился тот.

- Да вот, не сообразил. Скажите мне, зачем вам нужно отменять запрет на клонирование людей? Мало растений, что ли? Да вы, генетики, чего только не наконструировали уже...

Следователь встал, показал на университетский двор, где традиционные клумбы и шпалеры кустов пестрели невозможными ранее оттенками. Трава и листья вовсе не зеленели, используя природный хлорофилл, а занимали весь мыслимый спектр, не пренебрегая и радикально чёрным цветом.

Академик хмыкнул:

- Это потому, что вы разделяете точку зрения моего покойного друга. Но Вольф и вы ошибаетесь! Если человечество хочет выйти в космос, оно должно приспособиться к нему. Эволюционное изменение потребует миллионы, миллиарды лет, а мы не можем так долго ждать! Мы должны принять вызов, брошенный нам природой! Мы должны изменить себя сами!

Кичигин попытался остановить собеседника, но тот вскочил, принялся расхаживать по кабинету, рубя воздух порывистыми движениями рук и проповедуя:

- Нам говорят, что вмешательство в генотип недопустимо, потому что преступно по определению. А я заявляю, что вместо мутационной изменчивости следует направленно конструировать новый геном, чтобы закрепить в фенотипе способности кратковременно переносить воздействие вакуума, предельно низких температур, умение вводить себя в спячку и... - он задохнулся, выплеснув весь воздух в пламенной речи, несколько раз глубоко вдохнул, и закончил, - и всё это без вреда для организма. Вы понимаете меня?

Следователь использовал спасительную паузу, кивнул и возразил:

- Понимаю, но стою на защите закона. Скажите, кто мог бы желать смерти Андрею Григорьевичу? Из ваших общих знакомых?

Зулькарнаев яростно рыкнул:

- Что вы несёте? За кого меня принимаете? Я - доносчик?

Иван подался вперед, глядя в глаза академику:

- За человека, который подбивал адвоката Вольфа атаковать закон о запрете клонирования людей. Вы что, верите в эту чушь? – он ткнул пальцем в обезьян и процитировал. - Если я не вижу зла, не слышу о зле и ничего не говорю о нём, то я защищён от него. Бред это, Шариф Русланович, уважаемый! Зло существует независимо от вашего желания. Я призван бороться с ним! И борюсь. Мне повторить вопрос?

Академик остро глянул на Кичигина:

- А ведь вы не так просты, молодой человек... Спровоцировали, чтобы посмотреть на реакцию. Думаете про меня? Эх, вы... - и вдруг понял подоплёку вопроса. - Его убили? – задумался на миг, стукнул кулаком по зелёной суконной столешнице, сказал утвердительно. - Его убили... Вот как... И вы ищете, кто?

- Ищем. Смерть причинена.... Вернее, его довели до остановки сердца. Довольно сложным способом.

Академик кивнул Кичигину:

- Да, конечно... Отвечу. Нет. Ни известные общие знакомые, ни родственники Андрея на такое не пойдут. А могу я узнать детали? Каким способом? Вдруг смогу помочь вам?

- Можете. По заключению экспертов, незадолго до смерти у Вольфа кто-то взял образец ткани. Биопсию провели. Вот. Видите, ранка на плече?

Зулькарнаев увеличил снимок, вывел его на стереоэкран, прочёл заключение эксперта, пожал плечами:

- Возможно. Но почему через одежду? Да ещё насильно. Его усыпляли?

- Не удалось выяснить. Скорее всего, использовали станер для кратковременного оглушения, ввели в обморочное состояние на минуту, а то и меньше. Для чего и кому понадобился образец его ткани?

Если бы Кичигин знал вполтину столько, как его собеседник, и то вряд ли успел выстроить несколько версий, которые академик выдал влёт, без раздумий:

- Ядро ввести в яйцеклетку женщины, имплантировать в матку, чтобы та родила ребенка, якобы, от Вольфа. Очередной наследник, неучтённый. Можно замутить такую интригу, что волосы дыбом встанут. Но это уже игра не против него... Вас же наследники не интересуют? Или реплицировать клон Андрея, вырастить в инкубаторе. В нашем, например. Мы ускорили развитие тела настолько, что... Тела, заметьте, не плода! До размера двадцати лет, примерно, за неделю дорастиваем! И если вписать его же ментограмму...

Зилькарнаев осёкся, виновато взглянул на следователя:

- Извините, увлёкся. Мы продолжаем работать с животными, это так, но приматов, шимпанзе, орангутанов – не используем. Просто подумал, по аналогии...

- Кто, вообще, занимается сейчас клонированием людей? В какой-либо стране?

Такого заливистого хохота Иван не слышал давно. Шариф Зулькарнаев не смеялся, он ржал в полный голос, словно после свежего одесского анекдота. Минуты три, если не дольше, а потом, утерев слёзы, извинился:

- Ну вы даёте, товарищ следователь! Генетическое конструирование, как и клонирование теплокровных – это такая забава, что не всякая космическая держава её потянет. Оборудование жутко дорогое. Мы Изяслаvinу десять инкубаторов делали, в порядке исключения, на проект сдвига матрицы, так он финансирование на уровне главы государства пробивал! А генетики, даже не моего, более низкого уровня – личности известные, перечесть их одной руки хватит. Нет, скрыть что-либо сегодня невозможно!

- Спасибо, - сухо попрощался Кичигин, немного обиженный на академика за безудержное веселье.

- Всегда рад помочь.

- Если что, свяжитесь со мной. Вот визитная карточка. Или наберите в сети, Новосибирск, следственный комитет, и фамилию.

Возвращаясь в Сибирь, Иван внёс запись беседы – встреча с академиком на допрос не тянула – в материалы дела и вычеркнул Зулькарнаева из перечня подозреваемых. Из ехидства послал сообщение об этом прокурору Демир. Всегда полезно спустить надзирателя с Олимпа. Даже умного. Умную. Как Тангюль.

- Как оно, фейсом о тейбл, туранка?

**

Степь. Вопросы иерархии

К разделке добычи Вольф приступил утром, едва проснувшись. Вчера он так намучился в засаде и упарился, таща её в "сарай", что на брезгливую мину Ирины внимания не обратил, сразу уснул, устроившись в кресле. Туша, лежавшая в углу коридора, оставила небольшой кровавый след на полу. На форме Вольфа тоже засохли пятна и небольшой потёк.

- Ототру или отстираю, - пообещал себе Андрей Григорьевич, прикидывая, как поступить с добычей.

По-хорошему, газель надо бы повесить за задние ноги, снять шкуру, выпустить и удалить кишки, а потом уже разделывать мясо. Но где подвешивать? На "сарай" снаружи - ни единой зацепки. И деревьев рядом нет. Пришлось разделывать тушу на траве, оттащив подальше, чтобы кровь и зарытый сбой потом не смердел под носом.

Стоя на коленях, Вольф освежевал добычу. Сперва осторожно вспорол шкуру на вздутом брюхе, потом долго обдирал бока, и лишь с большим трудом справился с привычной ранее работой. Разделав тушу, он оставил на шкуре только мясо, сердце, почки и печень, а всё остальное закопал на полуметровой глубине. На большее сил не осталось.

- Надеюсь, падальщики не разроют, - успокоил Вольф себя и поволок шкуру с погруженным на неё мясом к "сарай".

Он упорно откладывал на потом решение вопроса с добыванием огня. Ну, вот казалось Андрею Григорьевичу, что отыщется в командирской рубке зажигалка или спички, что плохо он обыскал шкафы, просмотрел важный, но мелкий предмет.

- Ни фиги нет, - спустя полчаса огорчённо констатировал он полное крушение мечты об источнике огня, - и как я буду жарить мясо?

Ирина, молча наблюдавшая за поисками, вдруг ожила и выдала бесплатный совет:

- Найти кремень и высечь искру с помощью ножа.

- Что, тоже есть хочется? - не преминул уязвить её Вольф.

- Да, - на удивление покорно согласилась девушка. - Не сердись на меня. Я не дура. Просто крышу снесло от этого идиотского

приключения. Честно, я больше не буду.

- Чего не будешь? - удивился Андрей Григорьевич.

Ирина вела себя странно для «подставы». Возможно, Вольф ошибся, и девушка оказалась умнее, смогла найти оригинальный путь привязывания омоложденного адвоката к себе? Такое поведение следовало обмозговать как можно скорее, чтобы не попасть впросак. Хотя, стоит ли суетиться? Наверное, она играет покорность для пущего контраста. Ведь Вольф, как ей непременно объяснили перед отправкой сюда, давно привык к агрессивному поведению всяких там граждан и гражданок, вот уже который век требующих уравнивания суфразисток-феминисток с мужчинами, и не реагирует на «танцы с бубнами» всяких там сексуально-особенных людей.

- Начальницу изображать не буду. Ты мужчина, ты старший.

Девушка с такой покорностью опустила глаза долу и смежила ресницы, что многолетний адвокатский опыт Андрея Григорьевича буквально завопил: «Врёшь, врёшь!» Но разоблачать притворство не стал, зачем? К тому же её идея о добывании огня помогла, вытащила из каких-то дальних закровов памяти нужное воспоминание. Вольф добыл из канцелярского шкафа прочный шпагатик и несколько листов бумаги на растопку.

- Пойдем, поможешь, - кивком пригласил он Ирину.

Подойдя к забоке, Вольф поручил девушке собирать тонкие сухие ветки, а сам выбрал толстенький, в обхват ладони ствол, засохший на корню, и срубил его. С трудом, потому что твёрдое деревце пружинило в сыром грунте. Но разве что-то может устоять перед неистовым желанием? Вытащив корявый сухостой из сплетения живых кустов, Андрей Григорьевич срубил боковые ветви и сделал из основного ствола три полуметровых поленца. Одно расколол, разрубил пополам и проколупал в центре обрубок небольшие углубления.

Затем выбрал длинную дугообразную ветку, привязал к ней шпагат, получив нечто вроде слабого лука. Обвив тетивой самый прямой обрубок толстенькой ветки, он поставил его вертикально в углубление одного расколотого полешка и придавил сверху вторым. Опробовал конструкцию, убедился, что прижимать нижнее поленце ногой, удерживать левой рукой верхнее, и двигать правой лук, придавая вертикальной палке вращение – получается. Но и только.

Посидел, подумал. Усилил натяжение шпагата, добавив ещё один оборот. Минуты три усердно двигал луком, как пилой, даже вспотел от усердия. Тепло при трении выделялось, в нижнем углублении дерево обуглилось и даже испустило дымок. Но тлеющую искру раздуть не удалось. Когда она погасла, Андрей принялся настругивать из самой сухой палки мелкие кружевные стружки.

- Ирина, помоги. Сейчас я буду крутить палку, пока нижнее гнездо не задымится. Тогда подложишь бумагу и стружку, чтобы огонёк за них зацепился. Сожми и держи их поплотнее. Я потом раздую. Поняла? Погнали!

Получилось не сразу, подвела тетива. Пришлось скручивать другую, четверную. Зато потом вертикальная палка закрутилась с такой скоростью, что обугленные края снова задымили, занялись оранжевым и - ура! - воспламенили, но не бумажку, которая оказалась негорючей, а несколько сухих листочков. Стоит ли говорить, что скоро костерок весело пожирал хворост?

Вольфу пришлось в темпе вырубать и заколачивать в землю рогульки с нанизанными на них ломтями филе. Окружив огонь таким мясным забором, он уже неспешно соорудил над пламенем вертел с насаженной задней ногой газели. Запах горелого жира казался ему прекрасным, а дым, хаотично развеиваемый по прихоти ветра - совершенно не раздражал. Да и Ирина выглядела довольной, во всяком случае, она щебетала что-то кулинарное, настолько незначущее, что Андрей Григорьевич и не пытался понимать.

Хворост собирали и подтаскивали почти постоянно. Слишком уж тонкими оказались кусты забоки и слишком зелёными. Но так или иначе, а через полчаса парень и девушка уже жевали горячие пласты мяса, запёкшиеся на рогульках. Несолёное, слегка подгоревшее. Обалденно вкусное!

Отрываясь на кручение вертела с подгорающей оленьей ногой, Вольф отстал от Ирины. Та умяла три порции, потом спустилась к воде, напилась, черпая её пригоршнями, умылась и блаженно отдуваясь, заявила:

- А жизнь-то налаживается.

И оба радостно захохотали над старым, бородатым анекдотом.

**

Новосибирск. Игровая корпорация

Генеральный директор игровой корпорации Хорохордин Владимир Иванович оказался приятным в общении человеком лет пятидесяти, с благородной сединой в шевелюре. Одетый просто, но со вкусом, в белый костюм из натурального шёлка, с которым гармонировали белые же туфли, он не поленился встать и пройти вперед, встречая следователя:

- Вы не поверите, но мне приятно встретить вас, - двумя руками, в полном соответствии с рекомендациями психологов, поздоровался с Кичигиным один из богатейших лиц Союза, а то и мира.

- Отчего же не поверить? Надеюсь, что расставаться будет не менее приятно, - с намёком на угрозу, легчайшую, почти незаметную, ответил Иван, присаживаясь на гостевой стул.

- Нет-нет, мы с вами будем беседовать не здесь, - Хорохордин жестом радушного хозяина пригласил Кичигина к журнальному столику. – Чай, кофе? Или по коньячку?

Кофе оказался хорош. Смакуя его, Иван осматривал громадный кабинет владыки игровой империи. Собственно, кабинет был музейной комнатой, в которой хозяин держал доказательства своих побед. Как в фильмах о завоевании мира, где британский полковник увешивал зал шкурами, уставлял чучелами, украшал стены трофейными копьями, ассегаями, саблями, щитами и прочими причиндалами из Африки, Индии, Китая, Юкатана и Тобаско.

Здесь всюду висели, лежали, стояли джойстики, пульта, очки виртуальной реальности, шлемы, перчатки, костюмы, игровые подвесы, капсулы и прочее оборудование или инвентарь, с помощью которого человечество превращало игры в подобие жизни.

- Интересно?

- Да.

- Я ведь я во всем этом когда-то разбирался. Играл, конструировал, проверял на себе, дорабатывал, снова играл, пока не понял, что пора остановиться...

Кичигин искренне удивился:

- Так вы что, не заходите в собственные игры? А как...

- У нас работают тестеры, увлечённые люди. Они прекрасно разбираются в мельчайших оттенках игры. А мне теперь хочется жить реальной жизнью. Есть настоящие продукты, пить натуральные

напитки, любить натуральных женщин... Игра ведь - величайший обман.

«Опа, - промелькнуло в голове Ивана разочарование, - придётся менять схему разговора. Спрошу в открытую, без раскачки!»

Хорохордин тонко улыбнулся:

- Когда вы запросили аудиенцию, я понял, что это связано с кончиной Андрея Григорьевича Вольфа. Верно?

- Да, это так. И раз уж вы сами начали разговор, то ответьте – вы желали его смерти? Предупреждаю, это допрос, и диктофон включен.

Седой красавец отхлебнул из крошечной чашечки очередной глоток крепчайшего кофе, глянул на дальнюю стену, где висела подборка неразличимых отсюда фотографий. Кичигин тоже глянул туда, потом вопросительно уставился на Хорохордина.

- Так есть групповое фото, где мы с ним пожимаем руки после принятия закона об ограничении игрового времени. Рискну ещё раз повторить, что вы не поверите, но жизнь порой преподносит нам такие парадоксы, что в них трудно поверить. Как вы думаете, какой ущерб понесла игровая корпорация от принятия того закона?

Кичигин неопределённо пожал плечами. Определить порядок сумм даже приблизительно без знания готового баланса? Невозможно. Он так и сказал. Собеседник опять улыбнулся:

- Доходная часть увеличилась в полтора раза. Оставшиеся верными акционеры настолько были поражены приростом, что единодушно проголосовали за выделение адвокату Вольфе солидной денежной премии. Как полагаете, за что?

И снова следователь Кичигин пожал плечами. Чтобы игровая корпорация, врагом которой просто не мог не считаться любой, покусившийся на ее доходную часть, и премировала врага? Чушь!

- А вот и нет. Официальная легенда премирования – за заботу о здоровье игроков. А неофициальная – за действия, повысившие привлекательность игр. Секрет повышения доходности прост. Ограничение игрового времени послужило стимулом для тех, кто раньше пренебрегал либо вовсе не интересовался играми. Им стал интересен запретный плод. Они его отведали, и значительная часть распробовала, образно говоря.

- Так много? Наверняка есть ещё что-то, Владимир Иванович.

- Верно, товарищ следователь! – Хорохордин поставил пустую чашечку на стол, легко поднялся, сделал шаг и достал с полки одну из многих однотипных брошюр. - Вот годовой баланс. Обратите внимание на страницу двадцать вторую. Количество новых игроков. И количество новых игроков, использующих капсулы или вирт-скафандры.

- В два раза рост, по каждой их позиций. – разобрался Кичигин. - И что?

- Кроме неофитов, которые используют очки, шлемы и перчатки, есть состоятельные игроки, кто может позволить себе капсулу и скафандр, вещи очень недешёвые. Члены их семей стали пользоваться таким инвентарём, ведь у них появилась возможность играть, раз папы не могут. Но создание новой игровой личности, её прокачка – действия платные. Если не второй супруг, то их ребенок вписывается в игру, если ему больше двенадцати лет. И вместо одного игрока мы получили двух, а то и трёх.

- Зачем же вы инициировали митинги, шествия, подавали апелляции?

- Реклама. Имитация кипучей деятельности. Я говорил же – запретный плод! И чем прочнее запрет, тем больше доход. Вот мы и дрались, не щадя гонораров. Всё всерьёз, и никак иначе! Даже Вольф в наше сопротивление верил.

Хорохордин победительно улыбнулся, а Иван Семёнович с сожалением признал его правоту. Как ни странно, а настойчивость прокурора Тангюль Демир импонировала «важняку», и, отправляясь на эту встречу, Кичигин жаждал получить совершенно иной результат. Однако столь неожиданный финансовый успех закона, инициированного Вольфом, полностью и бесповоротно уничтожал версию о заинтересованности игроков в смерти адвоката.

Кто режет курицу, несущую золотые яйца?

**

Степь. Праздник живота

День превратился в праздник обжорства. Мясо жарили и коптили до самого вечера. Иначе оно могло испортиться, а Вольф слишком дорожил добычей. Первую ногу, запеченную на вертеле, он и Ирина съели в обед, а три оставшиеся Андрей настроголом ломтями и разложил на том же вертеле, подбросив в огонь сырых веток с листвой.

Обильный дым уносился далеко в степь, будоража стада, которые тревожно внюхивались и уходили в сторону. Похоже, пожары здесь были явлением частым.

Закончив работы у костра запеканием газельих боков, усталые и провонявшие дымом труженики отнесли шкуру с готовым мясом в капитанскую рубку и вернулись к воде.

- Мыться будет по очереди. А то нас местный котофей голыми прихватит прямо у воды, - поставил условие Вольф. - И лучше я ополоснусь первым, пока ещё светло.

Ирина не возражала. Насколько Андрей видел, она честно стояла на берегу возле его одежды и даже помахивала клинком, то ли срубая высокие былинки, то ли тренируя руку. С наслаждением омыв лицо и растеребив волосы, Вольф посетовал, что нечем удалить отрастающую щетину. Оксфордский стиль трехдневной недобритости, так любимый всеми и всегдашними рекламными деятелями, ему категорически не нравился:

"Дешёвые понты, ни два, ни полтора. Без стильной одежды и смазливой хари - бомж бомжом!"

Но тут выбирать не приходилось. Бриться ножом Андрей Григорьевич не согласился бы ни за какие деньги, хотя опасной бритвой в своё время пользовался.

Выйдя из ручья, Вольф отфыркался, чтобы предупредить Ирину. Если честно, ему – молодому - очень хотелось, чтобы та посмотрела в его сторону, на пенис, который при одной только мысли о девушке наливался и крепнул. Вот и сейчас он, пусть и не полностью, но увеличился в размерах, выглядя, по мнению хозяина, весьма солидно. Только Ирина особо рассматривать "предложение" не стала, скользнула взглядом и отвернулась. Андрей неожиданно обиделся, молча облачился и молча же тронул девушку за плечо - иди, мол.

Та поняла, быстро скинула одежду, аккуратно уложив. Вольф старался не смотреть на процесс раздевания, но не удержался, обернулся и проводил взглядом стройную фигурку, которая на ходу собирала волосы в пучок и закрепляла на макушке. А потом отвернулся, мучимый возбуждением, кляня себя и зная, что ни за что не откажется от удовольствия видеть такую красоту.

По счастью, невдалеке раздался знакомый рёв - хищник обходил владения и напоминал вчерашнему знакомому, дескать, разборки и

драки ты избежал, но знай, я рядом! Андрей Григорьевич ответил, протяжно рывкнув: "Бр-р-рысь, пр-р-ридунок!" На этом обмен приветствиями закончился. Спустя полчаса на берег вышла Ирина. Хорошо, что вечерняя заря почти отгорела, да и тучи на горизонте существенно притушили красноту неба на западе. И всё же Андрей жаждал смотреть на изумительную фигурку ещё и ещё, продолжая краем глаза косить туда, где шуршала одеждой самая прелестная девушка в этих краях.

- Я всё, - объявила Ирина, - веди меня, Сусанин, а то сама я ничего не вижу.

Вольф бодро рванул к "сарая".

В командирской рубке они устроились в креслах, пожелали друг другу спокойной ночи и замолчали. Негасимый свет под потолком, который прежде не мешал Вольфу засыпать, сейчас раздражал. Молодой Андрей воспользовался моментом, захватил сознание и теперь перед мысленным взором парня стояла прекрасная наяда, обнажённая, как при первой встрече. О!

Он ничего не мог с собой сделать - напряжение в паху достигло такой силы, что приходилось вертеться, подыскивая более удобное положение. К тому же рот наполнился слюной, а бесшумно сглатывать не получалось. Чёрт знает, почему она там копилась! Скверно, что Ирина это слышала. Андрей старался сдерживать себя, а получалось это так плохо, так громко, так позорно, что он выдавал себя с головой!

"Да уймись ты, похотливый придурок!" - мысленно прикрикнул на альтер эго Андрей Григорьевич. Но окрик не помог молодому телу. Унять похоть не получалось, а делать Ирине предложение о сексе не желал уже Андрей Григорьевич – это нарушало его отдалённые планы по разоблачению хитроумных «игровиков».

Вольф запутался в своих сознаниях, раздвоился, не находя сил выбрать мудрую или похотливую сторону. Боясь сойти с ума, стать конченным шизофреником, он решил сбежать из "сарая", остудить мозги ночной прохладой, когда в его уши проник тихий голос:

- Ты решил не обращать на меня внимания, - произнесла Ирина. - Неужели я тебе нисколько не нравлюсь?

- Чего? - Андрей решил, что ему послышалось.

- Того! Если я рискну отблагодарить кормильца, меня не прогонят?

И она оказалась рядом, держа в руке упаковку одежды, которую использовала вместо подушки. Ловко уронила "подушку" на пол, подняла Вольфа, расстегнула на нём ремень. А потом проделала с Андреем не совсем то, чего жаждало понуждаемое инстинктом тело, но что полностью сняло изнурительное томление.

- Пока только так, - убедившись в эффективности "французской ласки", Ирина погладила небритую щёку Андрея и пояснила своё поведение. - Я боюсь залететь. Дождусь цикла, тогда можно точно рассчитать, когда безопасно.

Разнеженный Андрей Григорьевич мысленно похвалил себя: «Всё как мной предсказано! Сейчас начнёт обрабатывать, просить о помощи, о защите... Эх, и всё испоганит!» Ему так не хотелось возвращаться из неги в рабочее состояние, где придётся обдумывать каждое слово, чтобы не ляпнуть глупость, не выдать, что он прекрасно понимает, зачем Ирина уговаривает, убеждает его. Поддавшись внезапному порыву молодой части сознания, он властно притянул девушку к себе:

- Теперь моя очередь. Расслабься!

И, преодолев напускное сопротивление девушки, показал класс куннилингвуса. Как некогда практиковал с нежно любимой супругой, давно покойной. Вольф вспоминал и демонстрировал партнёрше волшебство нежных касаний, погружал Ирину в таинства взаимных ласк. Юная пара отдавалась любовным играм без стеснения, словно твердо зная, истово веря, что всё, творимое ими – прекрасно. Подозрительности и скрытности не было места в соединившей их ауре взаимной влюблённости. Поднявшись с пола, где они кувыркались, лаская друг друга, утомлённая девушка благодарно чмокнула Вольфа, оделась и вернулась в кресло.

А тот впервые не смог определить, кто он сейчас - пожилой адвокат или юноша, впервые познавший наслаждение телесной близости? Впервые после пробуждения в этом странном месте, он жил полной жизнью, не расщепляя сознания. Возможно, поэтому, равносчастливые старик и юноша в нём мысленно произнесли, обращаясь к себе объединённому:

- Хорошо-то как... Давай больше не собачиться, а жить, как оно само складывается, Вольф?

**

Новости с лунной стартовой площадки

Допрашивать дистанционно, когда между вопросом и ответом проходит секунды две, а то и больше – неразумно. Так считал Иван Кичигин. Ему важно во время разговора отслеживать движения глаз, игру вазомоторов, а глядя на телеэкран, даже в синхроне – это отмечать сложнее стократ. Не говоря уж о задержке, пока сигнал добирается с Земли на Луну, а потом обратно.

Но никого взамен себя посылать в командировку Ивану Семёновичу не пришлось. Оператор, в чью смену стартовал космический зонд Сибирского отделения Академии Наук, очень удачно – для следователя, естественно - закончила лунную вахту и сейчас отдыхала на каком-то тропическом острове.

Кичигин слетал, побеседовал и вернулся недовольный разговором. Татьяна Осипова ничего не помнила, а прокрученную запись, где искин площадки докладывал ей о неисправности трюмной ячейки зонда – выслушала с удивлением. Зато ответила подробно, как отличница у школьной доски, с примерами до последней мелочи:

- Ей богу, не помню! А... Вот вы о чём. Было дело, да... Я почему и забыла, ведь меня комплектация Академии не волнует. Но порядок есть порядок, вот я и распорядилась послать извещение им... Да, помню, Вася Рифеев и ещё кто-то, трое их, да, прилетали в самом начале... Программу ставили, аппаратуру проверяли, трюмы осматривали. Дня три копались. И всё. А стартовал он, зонд, в смысле, на автопилоте. Насколько помню, Академия с первыми возилась долго, не шло у них. А как методику отработали, так по ней и отправляли... Кстати, я наблюдала за стартом. То есть за сдвигом... Был корабль, потом раз, неяркая вспышка, и нет его. А почему вы меня о той неполадке в ячейке спрашиваете?

Из разговора с Осиповой следователь уяснил одно – в ходе предполётной подготовки никто в трюм не заглядывал и комплектацию не проверял. По документам стартовой площадки и самой Академии загрузка выполнена полностью и по регламенту. В ячейках того бокса хранились наборы тканей и ментограмм всех земных домашних животных и птиц, а в соседнем – готовые установки-ложементы для клонирования, уже подключенные к емкостям с сухим питанием.

Оказывается, академики решили экономить на всём абсолютно. Ложементы выполнили максимального размера, в них свободно

размещалась лошадь либо корова. Мелкие животные сползали в нижнюю часть за счёт наклона ложементов, пуповина же для всех размеров была одинаковой. Кичигин невольно запомнил подробности, пролистывая технические данные. Ещё удивился, почему в емкости рассчитаны на сухие компоненты. Абалмасов, техник-криминалист, пояснил Ивану:

- Если планета будет землеподобная, значит, воду возьмут тамошнюю. А не будет воды, так и репликация не понадобится.

Вернувшись с Луны, Филипп Матвеевич прямо-таки лучился счастьем. Ещё бы, на склоне лет за казённый счет смотаться в космос – это тебе не баран чихнул! Будет что внукам рассказывать, ведь даже сейчас стоимость такого рейса превышала его полувековую зарплату. Международная корпорация «Ближний Космос» пыталась было возражать, пусть, мол, очередной лунный оператор проверит кибермодуль стартовой площадки, в который подгружалась «личность» Рифеевского робота.

И - вот ведь бюрократы! - почти преуспели в упрямстве, но, когда в спор вмешалась прокурор Тангюль Демир, своё слово сказал Международный Суд: «Выемка проб, изъятие программ и/или носителей информации, которые могут послужить уликами и доказательствами в процессе, должны производиться должностными лицами органов предварительного следствия или привлечёнными экспертами-профессионалами. Ваш дежурный оператор является профессионалом в обслуживании киберов?»

И «Ближний Космос» заткнулся.

Вернувшись, Абалмасов не раз сказал Ивану спасибо за бесплатный круиз на Луну. Ведь результат получился – пальчики оближешь! Подозрения техника-криминалиста подтвердились.

- На все сто, Иван! Как я и предполагал, киберу установлены дополнительные программы. На Земле. В лунном роботе, а он из той же серии, что и Рифеевский доставщик, все эти программы подгружались из флешки, которую присылал земной кибер. Ту, в которую он себя писал, чтобы в трюме исследовательского зонда напрямую работать. Помнишь, я тебе объяснял? Никто же модуль целиком на Луну и обратно не повезёт, он флешкой туда летел, там подгружался в местного робота...

- ...и искин площадки его каждый раз архивировал, - продолжил Кичигин, - не повторяйся. Что нашёл?

- Я пока не всё расколот, но скажу, что помимо громадной памяти наш кибер-модуль таскал в себе твердотельный носитель. И... - Абалмасов взял долгую паузу, потом не выдержал и потребовал от следователя, - сядь, чтобы не упасть.

- Филипп Матвеич, хорош тянуть кота за подробности!

- Ладно, не рычи, скажу. Ментограмму с Вольфа он-таки снял!

- Как? – ахнул Кичигин.

- Вот это и есть вопрос вопросов, - торжественно заявил техник. – Пиши постановление на изъятие игровой капсулы для детального потрошения! Вызывай спецов из компании, которые её монтировали, а уж я тебе базу для допросов подготовлю!

**

Степь. Скандальное пополнение

Утро началось с объявления, знакомого Вольфу. Конечно, и он и подруга уже успели совершить поход в полевой сортир, открытый им ещё позавчера и обозначенный густо воткнутыми вокруг ветками. А вот наведаться к ручью для утреннего умывания - пара только намеревалась. И тут в рубке раздался женский голос.

После такой фразы, многократно повторённой устно и, вероятно, письменно - на пульте, мерцающим предложением - в прошлый раз медицинская комната выпустила Ирину.

Андрей Григорьевич объяснил ей это на ходу, увлекая за собой, и успел вовремя. Дверь медицинского отсека открылась, явив блондинку, судя по локонам и курчавому лобку. Ирина недовольно поморщилась, когда Вольф обратился к новоявленной девице:

- Кто к нам пришёл! Я уже и заждался... Ладно, чуть позже втроём всё и выясним, - подпустил он чуточку ехидства, чтобы обе девушку почувствовали, что ему известно об их задании. - Ира, отведи её, подбери одежду по размеру.

Блондинка решила показать себя тормозной. Она, якобы непонимающе, уставилась на Ирину, потом на Вольфа, не стесняясь собственной наготы:

- Was ist los?

Андрей Григорьевич вдруг осознал и вспомнил, что тоже владеет этим языком. Это было похоже на озарение – голова в единое мгновение наполнилась знанием немецкого. Он, не сомневаясь, на автомате выпалил:

- Wir werden Ihnen später alles erklären.

Ирина удивилась, не сводя глаз с блондинки:

- Эй, вы на каком говорите?

- Ты что, - удивился Андрей, - это дойч!

Блондинка тоже уставилась на Ирину:

- Was zum ... ich kenne die Sprache nicht ...

- Ой, поняла... Она немка? Откуда?

- Wer sind sie? Und wo bin ich? – настаивала незнакомка.

Ирина схватила за голову:

- Я... Что со мной? Только что не понимала ни слова, а потом вдруг как накрыло... Я же знаю язык!

Это, действительно, требовало уяснения, ведь немецкий, как русский, входил в обязательный набор из пяти международных. Русский, немецкий и ... Тут Вольф споткнулся в размышлениях, потому что не мог вспомнить три других. Помнил, что знал их, но сейчас даже названия в голове не отыскивались, только ощущение присутствия, выражаясь наукообразно.

Несуразность осознания знакомого, забытого и мгновенно вспомненного языка вытеснила из Вольфа намерение устроить подосланным девицам жёсткий прессинг с последующим требованием прекратить театр. Да, он ждал появления кого-то доверенного от воротил игрового бизнеса, он хотел триумфально вернуться в цивилизацию! Но что-то корявое, грубое вдруг вклинилось в его изящную версию. И это что-то крылось в поведении девушек.

Не так они себя вели. Слишком естественно. Их мимика вопила, нет, не так – вопияла! - о полном обалдении и таком же полном непонимании происходящего. Посредственная актриса так не сыграет. Но сразу две классных актрисы, да в таком юном возрасте? Фантазии Вольфа на такую безумь не хватало.

- Андрей, я с ума схожу, что ли? – повысила голос Ирина. - Почему...Что со мной? Я только что не помнила немецкого! И ты, ты тогда тоже не сразу вспомнил русский!

В монолог влилась вторая девушка:

- Russisch? Oh, Scheiße! – она вострепелась, затем топнула ногой и повелительно гавкнула. - Sprich Deutsch!

Вот чего Андрей Григорьевич терпеть не мог и никогда не допускал, это чтобы на него кричали. Тем более сейчас, когда его мозг находился в раздразе – старый и молодой в одном - когда ему требовалось время на осмысление несуразности, такой несвоевременной нестыковки реальности с версией «подставы». Поэтому он не стал отвечать Ирине и блондинке, а командным рёвом урезонил их:

- Цыц, курицы! Не хер вопить! Ты, - он ткнул пальцем в блондинку. - Не нравится русский - вали на все четыре стороны. Надоест, сама придёшь! Ты, - и повернулся к Ирине, - не смей повышать голос! Надумала тут конспирологию разводить! Заткнись, и со мной, или тоже вали к чертям собачьим!

Окрик подействовал. Девушки умолкли. Ирина послушно вцепилась в предложенную руку, и русская пара направилась к выходу, демонстративно не обращая внимания на возобновившиеся вопли блондинки:

- Hey, hey, komm zurück! Sag mir, wo bin ich, wie bin ich hierhergekommen? Ich erinnere mich an nichts ...

- Сейчас, ага, только шнурки погладим, - негромко откомментировал Вольф.

Его самолюбие тешилось, смакуя нюансы мизансцены. Похоже, Ирина совсем не в курсе явления второй тёлки. И взревновала. А блондинка, похоже, сгруппировалась или тупа от рождения. Командовать вздумала, ага. Значит, Андреев рёв вразумит девицу, образумит в стиле "фейсом об тейбл".

У ручья Вольф окончательно уверился, что угадал про Ирину. Та не просто умылась, нет, она разделась и искупалась, демонстрируя ему безупречное тело. А затем походкой фотомодели вышла, остановилась у одежды в позе Афродиты, загадочно и призывно улыбаясь. Андрей не выдержал, быстро разоблачился сам, окунулся, выскочил на берег и повалил девушку на траву.

На всякий случай он оглянулся, проверяя, где блондинка? Не заметил её, а дальше... Он много чего наывтворял, кувыркаясь и парно с Ириной работая языками. Но бдительность к Вольфу вернулась быстро. Им не хватало только обгореть на яростном солнце, поэтому,

быстро одевшись, они вернулись в полумрак коридора, где обнаружили блондинку над грудой жареного и вяленого мяса. Придирчиво обнюхивая каждый ломоть, та от некоторых откусывала кусочек, но тут же выплёвывала. На полу валялись недожёванные ошмётки. Вольф возмутился:

- Was machst du, dumme Kuh? Mag es nicht - nicht essen! Komm schon, geh weg!

Глядя на него снизу огромными голубыми глазками, блондинка заявила, не двигаясь с места:

- Schinken, - затем ангельским голоском выдвинула требование вызвать сюда директора медцентра, а напоследок рявкнула. - Laden Sie den Chef ein!

- Что ты городишь? Сама ты хамка! - вмешалась Ирина.

- Ты, тупая корова, - на русском повторил Андрей, - отвали от нашего мяса. Я не хам, а начальников у меня нет. Я тут не обслуга, чтобы перед тобой лебезить. А ты тут пока – никто, и звать тебя – никак!

- Wie redest du mit mir? Weißt du wer ich bin? Sprich Deutsch!

- Щаз! Ты совсем тупая, даже русского не знаешь? А так не хочешь?

И возмущённая Ирина выдала длинную речь, где объяснила блондинке глубину заблуждения, указала на ничтожный статус той и отсутствие шансов на выживание, если немка тотчас не признает старшинство русской пары. Во главе с Вольфом, естественно.

Немка поняла, поднялась на ноги, упёрла руки в боки, совсем как боевущая хохлушка перед пьяным мужем. А затем ответила. Из её немецких слов следовало, что она совершенно не понимает, кто и зачем подменил ей прежнее, пятидесятилетнее тело, пока она лежала без сознания после автомобильной аварии. И сделал это вместо того, чтобы оказать помощь и отправить в больницу. Она, Берта фон Лееб, намерена вчинить этому медицинскому центру и его владельцу миллионный иск.

Ирина театрально расхохоталась, показала пальцем себе за спину, где в конце прохода светилась степь. Когда немка уставилась туда, подруга Вольфа нанесла Берте добивающий удар:

- Для начала хотя бы прикрой свои мощи, смотреть тошно, Маутхаузен настоящий! Ты не в Германии, фрау. Поэтому заткнись и

делай, что велит Андрей! Здесь, кроме нас, нет никого. Усекла?

После этих слов немка вздрогнула, закрыла лицо руками и зарыдала. Она плакала истово, громко и слезливо, роняя слёзы на пол. Ирина, подбоченись, ждала, когда Вольф поддержит её. А тот молчал, постигнув истину. Простую и страшную, как всякая неприкрытая правда.

Как он раньше не понимал, что тут не Земля? Отсутствие Луны. Незнакомые созвездия. Странные, непохожие на земных – копытные. Хищник из кошачьих, непохожий на земных. Незнакомые кусты, травы. И полное отсутствие птиц в небе. Только стрекозы. Всё он увидел в первый день и в первую ночь. Увидел, но не свёл воедино. А теперь всё само сошлось, убив наповал единственным разумным выводом:

- Это не Земля. Меня бросили сюда не коварные игровики, а инопланетяне.

**

Следственный комитет Новосибирска

Марин Владимирович Таянов слушал доклад следователя Кичигина. Подперев голову кулаком, он сидел, прикрыв глаза. Кто его не знал, мог бы подумать, что спит человек, но нет, старший советник юстиции бодрствовал. Просто в такой позе ему лучше думалось, а обдумать предстояло многое.

Судя по результатам предварительного следствия, уже наработанным Иваном Кичигиным, смерть адвокату Вольфу, предположительно, причинил модуль-транспортировщик Академии Наук. Каким способом, с применением каких инструментов, способов и использованием каких физических факторов – это дело десятое, пусть эксперты истину устанавливают. А следователю по особо важным делам и его начальнику, то есть Таянову - им предстоит выходить на уровень союзного начальства.

Получать одобрение или выволочку и ставить вопрос о создании специальной оперативно-следственной группы. Марин Владимирович надеялся, что Кичигина оставят старшим, потому что тот глубоко врылся в тему. Ставить другого, это как менять дирижёра в сыгранном симфоническом оркестре. Сравнение, наверняка, меломанам покажется некорректным, зато оно точно выражает суть.

- ... в настоящий момент эксперты изучили шлём виртуальной действительности, разработанный для игровой капсулы, и установили, что он значительно отличается по характеристикам от типового, поставляемого ранее...

- Минутку, Иван, - приоткрыл глаза начальник следственного отдела, - а почему шлем доработан? Министерство здравоохранения и министерство стандартов разрешали такую доработку?

- Не разрешали. Сегодня буду допрашивать разработчика.

- Программиста нашли?

- Который кибера перепрошил? Ищем. Оперативники сузили район поисков до Сибири. Где-то поблизости он.

Таянов убрал кулак от подбородка, встал, резко развёл руки в стороны, отчего негромко, но дружно хрустнули мелкие суставы позвоночника. Подхваченный в военной молодости остеохондроз, как ни борись, как ни лечи его, продолжал мучить старшего советника юстиции, особенно, во время длительных заседаний.

- Сиди, Иван, - начальник жестом вернул следователя на стул, - я разомнусь, затекла спина. Так ты считаешь, здесь действовала группа? И не против Вольфа конкретно, а совсем в ином направлении? То есть надо выделять дело о смерти адвоката, как частное, и пахать, танцуя от Академии, от её зонда...

- Да.

- А вот Демир твоя, та требует доработать версию с наследниками. И она права. Почему ты никого из них до сих пор не допросил?

Кичигин поежился. Ему не хотелось копаться в упомянутой версии. Откуда взялась уверенность, что там полная пустышка, он не знал. Но вот не хотелось, и всё тут! Это ведь опрашивать человек двадцать, не меньше, потому что адвокат Вольф в личной жизни оказался матёрым производителем. Шестеро детей! От трёх жён. Семнадцать внуков. Десять правнуков. И одно единственно завещание, написанное двадцать лет назад.

Сколько воды с тех пор утекло, сколько новых наследников народилось! И пытаться найти среди них того, кому выгодно было прикончить столетнего патриарха – как перебирать стог сена в поисках иглы. Но поди поспорь с начальством. И с контролёром. Марин Таянов и Тангюль Демир друг друга стоили, и, хотя между собой пока не цапались, но высокое напряжение между ними следователь Кичигин

замерять бы не рискнул. Такая искрища шибанёт, что запросто испаришься.

Однако долго молчать на реплику или упрёк начальства нельзя. Иван Семёнович решил сначала пожаловаться на прокурора Демир. Так выказала своеволие, равное вмешательству в расследование:

- Она Ахата Нургалиева допросила. Сама. Мне что, принимать запись как легитимный допрос? Или рапорт подать о вмешательстве?

Таянов кивнул:

- Прими. Захотелось девочке показать себя. Чего вредничаешь?

- Понял, приму, но мне что, молча утереться, когда она на моём поле пасётся? Нет уж, я с ней погавкаюсь! На наследство Мазепу отправлю. Или стажёра какого?

- Сам решай. А рапорт подай. Завтра Демир прижму. Будет фордыбачить, сообщу союзному начальству. За самовольство ей тоже вазелин понадобится.

**

часть вторая

Неизвестная местность. Момент истины

- Инопланетяне! – ужаснулся Вольф.

Молча. Переживая версию, в которой всё сошлось, всё сложилась непротиворечиво. И отсутствие привычных созвездий на небе, и неизвестные степные хищники, и странная серая конструкция, и молодость, доставшаяся им, троим, хорошо пожившим землянам. Даже такая странность, как мгновенное опознавание забытых и вспомненных языков – работала против игровиков, но за «чужих», давших и это умение.

- Что с тобой? - Ирина тронула за рукав. - Андрей? Эй! Не молчи!

- Ты знаешь, - произнёс Вольф, глядя ей в глаза, - до меня дошло. Только сейчас дошло... Я думал, что я клон, что на Земле, но в пустынном месте, что меня мурыжат специально, чтобы уговорить на защиту клонирования... Это же подсудное дело! Я тебя держал за подставу от сообщества игровиков, ну, владельцев игровых корпораций. Думал, тебя подсунули, чтобы... Думал, что разоблачу тебя... А когда появилась Берта, заподозрил и её...

Он глубоко вздохнул, восполняя воздух, потраченный на выкрикнутое откровение. Ирина смотрела на него с выражением ужаса. Берта – с непониманием. А Вольф ожесточённо признавался в недавней, такой глупой, ненужной никому подозрительности:

- Я был уверен, что игровики следят за мной здесь. Надеялся, они поймут, что я не купился на подставу, ждал, они вот-вот сдадутся... И вывезут нас из этой чёртовой степи... А сейчас до меня дошло, что всё совсем не так... Не так! Понимаешь, всё не так! Мы не там! Посмотри сама, подумай, откуда мы взялись в новом месте, в диком мире?

Бледная Ирана огляделась. Вольф указал рукой в степь, потом постучал кулаком по серой стене коридора, потом – нарочито переигрывая до откровенного стёба – по собственному лбу:

- Да, я вёл себя как дурак, думая, что умный, что ушлый такой адвокат, ради которого игровики затеяли обалденно сложную игру... А всё оказалось гораздо проще и намного страшнее... Плевать, что меня реплицировали, вырастив новое тела и вложив бывшее сознание из

ментограммы. Я бы радовался, что помолодел, но ведь мы не на Земле! Хрен знает где, но не на нашей Земле! Чёртовы инопланетяне! С лица Ирины сползла маска стервы, надетая для Берты. Вольф замолчал, видя, как горестно складываются брови девушки. Зрачки поплыли в разные стороны, закатились. Ноги Ирины подсклизились - она стала оседать, как подтаявшее эскимо. Андрей успел подхватить её и уложить на пол, попутно рывкнув на Берту:

- Быстро в командирскую рубку, вон там! Возьми с кресла пакет с одеждой! Мухой!

Хотя приказ был отдан на русском, немка стремглав метнулась по коридору, притащила требуемое. Расстегнув ворот куртки, Андрей осторожно похлопал Ирину по щекам.

- Хорошо бы нашатыря, или водой в лицо брызнуть, - посоветовала Берта.

- Где их взять, - отмахнулся Андрей, - даже паршивой банки нет, не в чем из ручья воду черпнуть, не то что сюда принести.

Он отвесил вторую оплеуху, более звучную. Подействовало – веки Ирины затрепетали, ресницы дрогнули, поднялись. Бледность сошла с лица, оно покраснело. Рывком приняв сидячее положение, девушка спросила:

- Андрюша, как же так? За что нас?

- Так это правда, что ты сказал? - уточнила Берта.

- Да. Уверен, - подтвердил Андрей. – Это чужой мир.

- Обалдевохен зи дойч, - выдохнула немка странное ругательство.

И тут до Ирины, а затем до Вольфа дошло:

- Ты знаешь русский? - хором удивились они.

- Да. Сначала не понимала, а потом разом вспомнила. Я же его с детства знала. Дед с семьёй репатриировался из Казахстана. В конце еще того века.

- Сколько тебе лет? - деловито уточнила Ирина. - Там было, в Германии. И чем ты занималась?

- Пятьдесят. Ведущий химик-технолог концерна "Хёхст". А вы?

Ирина замялась. Вольф помог:

- Мне было сто, работал адвокатом. В маленьком сибирском городке. Ладно, потом поговорим обстоятельно. Пора позавтракать и строить планы на дальнейшую жизнь. Она у нас будет долгая, интересная...

Приобняв девушек, он слегка подтолкнул их в сторону капитанской рубки, с тоской думая, что надолго его напускной весёлости не хватит. Положа руку на сердце, Андрей Григорьевич мог признаться, что перспективы видятся ему исключительно в чёрном цвете. Ну, не привык он рассчитывать на чудеса. Не приучила жизнь.

Подробно, в деталях рассказав, как он потерял и как обрёл сознание, что сделал, изучая "сарай", и что нашёл при обыске, Вольф потребовал такого рассказа от девушек. Ирина, как оказалось, заснула под наркозом перед пластической операцией по подтяжке лица. Берта свалилась в кювет на заброшенной просёлочной дороге. Подушка безопасности в личной «Тесле» почему-то не сработала.

- Да, Берта, тебя, может быть, спасли от смерти. А меня просто украли из той жизни, - Ирина размазала слёзы по щекам. – Ладно хоть очнулись мы молодыми.

- Значит, всем мы находились без сознания, - Вольф старался перебить уныние девушек, сводя разговор к теме репликации. - А новые тела?

- Я немного смыслю в генетике, - кивнула Берта, - тело вырастить можно из одной клетки. Но получится тупой и злой клон, без разума и интеллекта.

- Не совсем так, агрессивность у клонов теперь не формируется... Если правильно развивать его при закладке... А интеллект, он, вообще, штука обретаемая. Обучение соответствующее, и все дела! Помните древние опыты по гипнопедии? Знания надиктовали, вот с личностью я не соображу, как им удалось... – подзадорил её Андрей.

- Ментограмма. Снять не проблема, и на животных, и на людях проверено. Вписывали в мозги клонов, получалось неплохо, орангутаны откликались на имена. Но чудовищная агрессивность клонов портила всё!

Все трое смолкли, задумались. Вольф искал в себе желание убить девушек – иной проверки на агрессивность придумывать было некогда – и не находил. Ему нравились обе, молодым организмом он желал покрыть каждую. Убивать не хотелось. Девушки, вероятно, проверяли на агрессивность себя, и тоже не нашли признаков, если чуть не хором заявили:

- Я лично чувствую себя нормальной!

- Вот ещё один аргумент в пользу чужих. Они сумели обойти опасность вживлённой агрессивности при репликации, - грустно улыбнулся Вольф.

- А это точно не наша земля? Как в этом убедиться? И если это другой мир, то зачем мы в нём? Не просто же так? – вернулась к больной теме Ирина

- Девочки, у нас такая куча проблем нарисовалась, что долго думать некогда, - Андрей Григорьевич взял руководство в свои руки, - надо в темпе устраиваться. Ваша основная задача на сегодня - попытаться вскрыть все помещения. Как? А хрен их знает. Вот я со злости кулаком саданул по пульта, а он возьми и сработай. Так и вы поступайте. Делайте что в головы взбредёт, хоть кусайте, целуйте, бейте головой, пойте рок или псалмы, молитесь, камлайте с угольками, ковыряйте ножами... Но откройте двери!

- А ты?

- А я пойду на разведку. Там, у горизонта, видите? Похоже на лес.

- Зачем? - удивилась Берта.

- Нужно делать оружие. Копьё, лук, стрелы, дротики. В степи я этого не найду. И вообще, пора устраивать жизнь. Дом строить, запастись продукты. Иначе сдохнем с голоду и холоду...

Ирину волновало совсем иное:

- С тобой ничего не случится? Ты уверен? Без тебя мы пропадём.

Вольф пожал плечами:

- Надо. А долгие проводы - лишние слёзы.

Он проверил, как держатся тесаки в ножнах, убедился, что шнурок для добывания огня лежит в кармане, что несколько ломтей жарено-копчёного мяса находятся в другом. Обнял Ирину, поцеловал в губы, отчего плоть немедленно восстала. Берта, поджав губы, махнула рукой.

**

Утро в Новосибирске

Кичигин ненавидел кухню. В смысле, помещение для приготовления пищи, а не еду. Как раз с едой он дружил. Среднеазиатская кухня, китайская, испанская, мексиканская, балканско-кавказская, древнегерманская, о! Ветчина, пастрома, бастурма, сардельки, сосиски, жареные колбаски, петрочаны, кебабы, эскалопы, бифштексы и прочие изделия из мяса – были страстью следователя.

Разве такую вкуснятину можно приготовить дома, из полуфабрикатов или даже свежего мяса? Нет. Не руками Ивана. Превосходный едок, как повар он стоял в самом низу квалификационной таблицы.

Поэтому питался следователь на улице. Благо точки общественной кормёжки в городе исчислялись не сотнями, а тысячами. Так ему казалось, во всяком случае. Завтракал Иван в кафе «Маша и Медведь», которое принадлежало семье Пришвиных. Маша прекрасно готовила мясо, а Миша – варил кофе и сочинял травяные чаи.

- Привет, правоохранитель, - улыбнулся хозяин, а хозяйка добавила, на мгновение мелькнув в зале, - доброе утро, Ваня.

- Накормите?

- Нет, однако, голодным оставим, - традиционно пошутил Пришвин. - Тебе как, стейк средне жарить? Или эскалоп будешь? Сегодня свининка нежнейшая. А можно бараньи ребрышки, ты давненько их не заказывал.

Кичигин слушал перечисление мясных блюд и захлёбывался слюной. Готовили в «Маше и Медведе» изумительно, особенно, на гриле или на открытом огне. Чему Иван всегда поражался. В тайге ведь такой же огонь, разве что не угли, а дрова, но почему у него в итоге получался жёсткий комок пересушенного мяса, а у Пришвиных – ломоть, сочащийся соком и тающий во рту?

- Ребрышки, - выбрал он.

Традиционный салат, стакан томатного сока, малосольные огурчики и квашеная капуста с ароматным подсолнечным маслом заняли свои места на столе. Неторопливо «разминаясь» перед мясным блюдом, Кичигин наблюдал, как заполняется обеденный зал. Сибирская молодёжь, как и он сам, давно отказалась от собственноручных завтраков и обедов, предпочитая профессионально приготовленную еду.

В СМИ муссировалась тема отказа от кухонь в новострое. Журналисты ссылались на опросы, но проектировщики и строители отстаивали привычный канон. Дескать, был в советское время период, когда пищеблоками в квартирах пренебрегли, а практика доказала ошибочность кухонного минимализма. Потому что полноценная семья, с минимальными тремя детьми, должна питаться дома. Совместные

обеда и ужины, тем более праздничные застолья и являлись тем цементом, что соединял родителей с детьми в единое целое – в родню. Которая не напрасно содержит один корень с Родиной.

Гибельные для наций предложения «общего жития», выдвинутые наивными большевиками и развитые до идиотизма – в насмешку, не иначе? – Стругацкими в форме интернатов для детей, по счастью, не были реализованы. И семья оставалась неприкосновенной, базовой моделью общества. Особенно, когда традиционные детские дома ушли в прошлое, сменившись семейными. Где обеденный стол воплощал идею единения и равенства всех членов семьи.

Иван не исключал, что его жена – а таковая будет, что он, на помойке найден? – тоже захочет готовить сама. Почему нет? Мама ведь кухню обожала, постоянно баловала семью пирожками, блинчиками с начинкой, оладушками, голубцами. Что говорить про пельмени! Изготовление их, маленьких, с дырочкой внутри – превращалось в праздник.

Но пока жена не просматривалась даже в перспективе. Редкие встречи с одинокими дамами заканчивались утренним расставанием навсегда. Отпускные недели и вовсе пролетали впустую. Суженая, если и предусматривалась судьбой, упорно ходила другими дорогами, которые никак не пересекались с Кичигинскими.

- Получай ребрышки, - Маша водрузила перед Иваном чугунную сковороду. - Приятного аппетита!

М-м-м! Втянув носом обворожительный запах, он отключился от реальности. Вилка? Нож? Да вы что, как можно! Есть бараньи рёбрышки следует только руками, чисто вымытыми, конечно. Священнодействовать, захватывая зубами мякоть, сдёргивая её с косточек, и лишь потом пережёвывая. Если же попадался хрящик, он должен быть размолот с хрустом, чтобы этот упоительный звук проник в уши рядом сидящего и заставил того обмереть от зависти!

Сколько тех рёбрышек уместится на сковороде? Пять-шесть кусочков, граммов триста чистого мяса. Но удовольствие, полученное при этом дикарском способе поедания вкуснятины, с количеством съеденного не коррелируется. Иван блаженствовал, пренебрегая жиром, текущим по ладоням. Он изредка промокал его, благо Маша вместе со сковородой принесла небольшое полотенце, которое лежало на краю стола.

Никаких салфеток, заткнутых за воротник или положенных на колени! Западноевропейский изыск, придуманный веке в шестнадцатом, не годился для азиата, каким Иван Кичигин числил себя. Именно полотенце, лежащее на краю, он считал разумным компромиссом. Всё-таки в общественном месте не эстетично утираться рукавом и капать мясным соком на брюки.

Естественно, ни о чем таком Иван не думал, пока наслаждался едой. И смотрел он, в основном, в сковороду или на стол, выбирая, чем заесть очередной кусочек баранины. Поэтому, когда напротив него появилась женская фигура, он недоумённо воззрился на незваную и неожиданную гостью. И едва не подавился.

- Госпожа Демир? – только и вымолвил, вставая. - Что вы тут делаете?

Действительно, появление прокурора в кафе, завсегдатаем которого был следователь Кичигин, к рядовому событию не отнесёшь. Гостиница, в которой та остановилась – в другом конце города. Здание Следственного Комитета - там же. Зачем и как Тангюль Демир отыскала Ивана?

Спрашивать не пришлось. Госпожа прокурор объяснила сама:

- Случайно. Я по утрам езжу по городу, знакомлюсь. Планово. Каждый день в новое место. Зашла выпить кофе, а тут вы, и так вкусно едите, что я не смогла пройти мимо.

- Вкусно ем? – затупил Кичигин.

У него даже аппетит пропал. Хорошо, что рёбрышки почти кончились, а то и настроение бы упало ниже плинтуса. С чего? Да вдруг ощутил неудобство оттого, что незнакомая и – что греха таить! – неприятная ему женщина видела, как он жрал, чавкал, утирал губы тыльной стороной руки. Иван с раннего детства воспринимал еду как процесс интимный, где отступления от ритуала возможны лишь перед близкими людьми.

В офисе, под бронёй, роль которой играли отглаженная рубашка с галстуком, официальные брюки и неизменно чёрные оксфорды, отполированные бархоткой до блеска, следователь Иван Семёнович Кичигин мнил себя неуязвимым. А здесь, в мятых джинсах, балахонистой футболке и расшлёпанных кроссовках он ужаснулся, как женщина, застигнутая ухажёром у мусоропровода, в домашнем халате, с бигудями в голове. Врасплох.

- Извините, не хотела вам мешать, - то ли Тангюль поняла причину неловкости, то ли расхотела кофе, но вышла из кафе.

- До свидания, - пробормотал Иван, опускаясь на стул.

- Кто это? – за плечом возникла Маша.

- Да так, сослуживица...

- Красивая. И фигурка точёная, - отметила хозяйка кафе, обходя стол. – Не моё дело, Ваня, но на тебя она смотрела с удовольствием.

Кичигин мотнул головой, отвергая услышанное. Не могла прокурор Демир смотреть на него иначе как с антипатией. Её вечные придирки, мелочная критика и прищур, как у охотника перед ответственным выстрелом – какое тут удовольствие? Разве что предвкушение удачной добычи? Это вполне возможно. Но Маше говорить он ничего не стал. Попросил кофе. Выпил. С отвращением посмотрел на застывший в сковороде жир. Всё-таки кондиционер в обеденном зале работал на совесть, несмотря на перманентную августовскую жару.

- Спасибо, дорогие мои, - попрощался он с Пришвиными, принимая назад кредитную карточку.

Из чистой предосторожности следователь Кичигин предпочитал расплачиваться либо наличными, либо кредиткой. Как-то не доверял он мобильнику. Пусть продвинутые пользователи распоряжаются банковским счётом через сеть, отдавая гаджету голосовые приказы на перевод даже мелких сумм. Мало ли что придумают очередные гениальные хакеры. Перехватят голос, запишут и воспользуются. Позорно будет, если обворуют следователя-важняка.

С такой несвойственной ему трусливой мыслью Иван Семёнович Кичигин вернулся домой, принял душ, переоделся, вызвал елак к подъезду. Пора было ехать на работу. И встречать прокурора Тангюль Демир во всеоружии.

**

Неизвестная местность. Схватка с прайдом

Дойдя до ручья, Андрей Григорьевич напился вволю, обернулся, посмотрел на две фигурки у "сарая", помахал им и скорым шагом направился к горизонту. По его прикидкам, идти предстояло километров десять, максимум, пятнадцать. По ровной степи - часа полтора. Или два. Бежать, трусить или двигаться волчьим скоком Вольф не собирался. До ночи он так и так обернётся, а выкладываться,

напрягая хилое пока тело - смысла нет. Силы могут понадобиться в самый неожиданный момент.

Так и случилось. Когда лес приблизился настолько, что отдельные деревья стали различимы в деталях, перед Вольфом из травы поднялся зверь. Лев не лев, но хищник, из кошачьих. Покрупнее немецкой овчарки. Почти такой, с которым пришлось выяснять отношения у "сарая". Ростом пониже, не длинноногий.

Из осторожности Андрей Григорьевич остановился и оглянулся. Очень своевременно. Сзади и с боков его окружали такие же хищники. Их головы песочно-коричневого цвета заметно выделялись на фоне зелёной травы. Андрею Григорьевичу стало страшно. Нет, не так:

СТРАШНО.

ЖУТКО.

В паху всё судорожно поджалось, сердце замолотило, дыхание участилось. Буйное воображение нарисовало картину, как эта зубасто-когтистая компания разом нападёт на него, повалит и станет рвать. Память тотчас воскресила сцену пожирания львами живого буйвола, одну из тех, какие телевидение крутило в стереограммах "Нешнл джиографик".

- Мне конец! Порвут! Сожрут! – простонал Вольф, отступая к лесу.

Завершая фланговый охват, кошачий прайд не спешил, окружал размеренно. А передний зверь - стоял на месте. Наверное, в его задачу не входила лобовая атака жертвы, которая слабой не выглядела, а ростом превосходила. Будь Вольф загонщиком, он бы тоже предпочёл напасть на жертву сзади, где у той нет глаз и острых рогов.

Но сейчас жертвой намеревались сделать его, а это никуда не годилось! Подстёгнутый страхом Андрей Григорьевич мгновенно просчитал все варианты обороны, а потом рванулся на одинокого зверя, который преграждал путь к лесу. Рука выхватила тесак из ножен. Отчаянный рёв вырвался из груди человека. Как в тот раз, ночью:

- Убью твар-р-рь! Р-р-р-разорву!

Ошеломлённый неожиданным поведением жертвы, передний хищник присел, потом отбежал. Вольф наддал. Зверь отступал боком, оглядываясь и держа дистанцию метров в десять. Андрей продолжал

орать, хотя дыхание уже стало неровным. Он бежал, задыхаясь, обливаясь трусливым потом, и успел-таки к дереву на опушке.

Прислонившись спиной к мощному стволу, Вольф унимал одышку и ждал, как поступят степные хищники. Те собирались вокруг, поодиночке, медленно подступая и отступая, чтоб отвлечь, рассеять внимание жертвы. Один, самый смелый, приблизился метра на три и глянул на Вольфа круглыми жёлтыми глазами, оценивая и примеряясь.

Андрей принял стойку кибя-дачи и поднял клинок на уровень плеча. Страх прошёл, сменившись обречённостью. Он знал, с одним зверем справиться можно, если не падать духом, а биться. Как говорится, не на живот, а на смерть! Даже глубокие царапины, даже укус в любую часть тела, кроме шеи - не смертельны. Но когда все шестеро набросятся на него - финита ля комедия! Множество когтистых лап мигом распустят человека на лоскутки! Не говоря уж про клыки!

Вольф пережил свой первый страх перед дракой в сопливом детстве. Его, детсадовца, идущего домой, остановили два более взрослых пацана. Один схватил за чуб, а второй ударил кулаком по носу, пустив юшку. И молча ушли по своим хулиганским делам. Плачущий Андрейка рассказал всё отцу, получил лёгкий подзатыльник и вопрос: "А чего сам-то не ударил?" Ночью ему приснилось, как он стал сильным и скрутил злобному хулигану голову на сторону, аж шея хрустнула.

И с тех пор Вольф дрался до последней возможности, пусть не до победы, чаще до невозможности биться, но не сдавался никогда. Как-то его, к тридцати годам заматеревшего до полутяжа, окружила стая гопников. Обкуренным ублюдкам пришла идея попинать чистенького интеллигента. Так бывает. Наверное, с ленинских времён культивируемая неприязнь «люмпена» к образованному «интелиго» сработала. Или кредиткой поживиться захотелось. Или мобильником, в то время личная привязка в них перепрошивалась на раз.

Тогда, прижавшись спиной к стене, Вольф изловчился схватить ближайших противников за грудки, подтащить к себе и мотать, как сломанных кукол, прикрываясь и отбиваясь их телами от остальных. Редкие удары, пролетавшие через такую защиту, особого вреда Вольфу не причинили - разбитая губа не в счёт - а стая гопников притомилась

настолько, что помалу рассосалась. Измотанные убрались последними, когда он швырнул их тела на асфальт.

Сейчас Вольф рассчитывал на два фактора. Звери ещё не знают, что ножи существенно удлиняют руки человека. Значит, первые атаки он отобьёт с максимальным вредом для них. И второе: весь прайд напасть не сможет - тесно. Максимум, трое одновременно кинутся. С боков и спереди, а значит: колоть того, кто прыгнет спереди, и рубить, кто кинется сбоку.

Он успел поднять тесаки к груди. Первым напал самый крупный зверь. Прянул понизу, к ногам. Тактически правильно - свалить добычу или отвлечь, чтобы другие успели, добрались до горла. Не сработало. Вольф быстро, коротко рубанул по коричневой башке. Лезвие скользнуло по черепу, снося ухо и часть скальпа. Жалобно взыв, смельчак отскочил и выбыл из строя. Второй не оценил изменение обстановки, прыгнул, целясь в горло.

Андрей закрылся локтем, а вторую руку выбросил вперед в фехтовальном приёме. Когтистый таран впечатал человека в дерево и вышиб дух, но повалить не сумел. Одна лапа разорвала куртку, вторая не успела распрямиться, запястьем толкнулась в плечо. Зубы сошлись на предплечье, но кость не перекусили. А лезвие этот момент уже проникло в мощную шею. Зверь поперхнулся, забрызгав Вольфа кровью, судорожно дёрнулся и боком отскочил, помешав другим пойти в атаку.

Укушенная рука отяжелела. Пришлось положить клинок на плечо, чтобы не тратить время, замахиваясь. Андрей распрямил ноги, опёрся спиной на ствол. Он ждал нападения, но здоровые хищники, четверо - словно утратили решимость. Они хаотично перемещались, порывались в сторону человека, однако часто отвлекались на раненых собратьев.

А человек с располосованной когтями грудью только сейчас осознал, почему и зачем отправился в этот авантюрный, скверно подготовленный поход. Он убежал от проблем. Психологических. Тех, что остались в «сараях». Чтобы огрести здесь новые, гораздо более серьёзные. Которые поставили его на грань жизни и смерти.

Степные кошки, каждая размером и силой с земного леопарда, приняли, видимо, решение и заняли позиции для атаки. В центре

образованного ими полукруга обмер от страха человек, из ран которого медленно сочилась кровь.

**

Протокол и видеозапись первого допроса разработчика игровых капсул

Дата: 16. 08. 2123 года.

Время: 14:22.

Место: кабинет следователя Кичигина, Новосибирское отделение Следственного Комитета.

Допрос подозреваемого Мухортова Геннадия Артемьевича, рождения 25.07. 2092 года, ведёт следователь Иван Семёнович Кичигин.

Запись допроса производится штатным видеорегистратором кругового обзора № 3901276, дата последней поверки 13. 05. 2123.

Присутствуют: подозреваемый и следователь.

Видео-аудиозапись:

К. Представьтесь, пожалуйста.

М. Мухортов Геннадий Артемьевич.

К. Адрес места жительства?

М. Новосибирск, проспект Гагарина двести шестнадцать, квартира три.

К. Место работы?

М. А то вы не знаете!

К. И всё же, назовите место работы.

М. Лаборатория новых систем игровой корпорации, ведущий инженер, образование тройное высшее, системотехника, программирование, инженерия биотехнологий, стаж шесть лет... Разработчик игровых капсул. Ещё что надо?

К. Пока достаточно. Геннадий Артемьевич, вы подозреваетесь в умышленном изменении оборудования игровой капсулы и внесения в неё приспособлений, несанкционированных институтом стандартов и Минздравом. Пока не подтверждено, что владелец капсулы, Вольф Андрей Григорьевич, скончался от вреда, причинённого указанным оборудованием, вы лишь подозреваемый. Но как только это будет доказано экспертами...

М. Запугиваете?

К. Нет, ставлю в известность о перспективах. В надежде на сотрудничество. Вы ведь Уголовный Кодекс не изучали? А там указаны санкции за убийство, за причинение смерти по неосторожности и так далее... Плюс или минус к возможному наказанию даёт, и зависит только от вас, поведение подозреваемого. Если вы сотрудничаете со следствием, то есть со мной, то наказание будет меньше...

М. В смысле, сотрудничаю? Закладываю коллег, доношу на близких, оговариваю начальников и подчинённых?

К. Не так. Когда вы чистосердечно раскаиваетесь в содеянном и помогаете устранить причинённый вред. В вашем случае – честно объясняете, как и почему в капсуле оказалось несертифицированное оборудование, кто приказал его разработать, помог смонтировать и продать под видом обычного, сертифицированного. Я сумел объяснить, что значит сотрудничество?

М. (задумчиво) Да. А что конкретно рассказать?

К. Для начала, кто разрабатывал сертифицированные капсулы? Кто - капсулу покойного Вольфа? Почему она отличается от типовой? Цель установки дополнительного оборудования? Кто давал задание на разработку дополнительного оборудования? А дальше посмотрим.

М. Да никто не задавал, мы сами разработали. Там доработки-то... Стандартный игровой шлем – жесткий, с плоскими контактами, а наш - с удлинёнными электродами. Как на массажной щётке для волос, женской... Наш размыкается на две половины, он эластичный, и, как ёжик, внутрь электродами закрывается. Время записи в игровом режиме – час, полтора для особо тормозных...

К. И всё? Не верю. Чтобы обработать и записать ментограмму, нужен мощный процессор!

М. (пренебрежительно) Ой, о чём вы? Процессор капсулы запись с лихвой тянет! Вот и вся доработка. А зачем мы её делали? Понимаете, у нас в универе... Вы, кстати, наш заканчивали? Нет? Жаль. В общем, был у нас кружок, только не смейтесь, назывался очумелые ручки...

К. В кавычках, полагаю?

М. Ага. Мы там в порядке бреда творили приколы к общеуниверситетским программам. Вы когда-нибудь читали старых

фантастов? Ефремова, Азимова, Бредбери, Парнова? Ага. И Стругацких тоже?

К. Геннадий Артемьевич, ближе к капсуле. Читал я, не читал, какое это имеет значение...

М. Имеет. Мир Полудня, если бы вы знали, содержит классную идею, как программисты постебались над академиками, лишь слегка подправив условия для Великого КРИ...

К. Коллектор Рассеянной Информации, как же, помню.

М. Вот именно! Загадка задней ноги, да? И мы стебались в том ключе. Ну, детали опущу. Ловили нас, конечно, одного даже отчислили, он потом восстанавливался.

К. Вернитесь к капсуле, пожалуйста.

М. Да я как раз к ней и веду. Короче, два года назад получаю я привет от «Очумелых ручек». И там подробно расписано, как мы могли бы доработать... Обратите внимание, доработать, а не навредить, проект сдвига матрицы... Вы в курсе, что это?

К. Геннадий Артемьевич, я в курсе, но меня интересует капсула, которую вы изменили, не имея на то права. И которая, весьма вероятно, послужили либо причиной, либо условием кончины знаменитого адвоката. Вольфа. Знаете, кто он такой?

М. (подавленно) Знаю. Игроман козлячий, сам себя контролировать не мог, так нормальным игрокам такой облом через суд пробил! Четыре часа, ха! Да за это время только разогреться можно, адаптацию пройти, а он?

К. Итак, капсула. Кто дал задание изменить её?

М. Ну, я про это и говорю. Загорелось мне продвинуть проект сдвига, то есть смещения матрицы, чтобы эпохально получилось, чтобы, если удачно, то Анаксагору и Аррениусу нос утереть. Понимаете, это вам не техногенная панспермия, это (кричит в голос) сознательное расселение!

К. Панспермия? Какое отношение имеет к ней игровая капсула?

М. (снисходительно) Эх, нет в вас, гуманитариях, полёта мысли! Следите за рассуждениями. Если отправить в иную галактику биологический материал и укоренить его на землеподобной... не обязательно такой же, но подобной планете, то в той галактике разовьётся такая же форма жизни, как и у нас, на Земле. Понимаете?

Такие же люди, как мы! И если сдвигом матрицы можно посетить всю Вселенную, то она вся будет заселена людьми!

К. (скептически) Глобальная задумка. А капсула тут при чём?

М. Ментограммы снимать. Существующая методика громоздкая и несовершенная. Нам удалось упростить процесс ментографирования и ускорить в сотни раз. Ларчик-то просто открывается. Надо лишь не усыплять человека, а напротив, заставить энергично работать головой. Что и происходит в игре. (возбуждённо) Виртуальный мир он чем хорош? В нём время течёт быстрее. Мозг, соответственно, работает быстрее, ведь ему не требуется тратить энергию на физическое тело. Вы же знаете, что шимпанзе сильнее нас на десять-двадцать, что ли, процентов, потому что на работу мозга столько, как мы, энергии не тратит...

К. (сорвавшимся голосом) Ещё раз и медленно. Вы что, доработали капсулу, чтобы с её помощью записывать ментограммы в процессе игры?

М. Да.

К. А задание вам выдал кто? Кто скрывается под маской «Очумелых ручек»?

М. Не знаю. Да и разве это важно? У нас не было принято подписываться под идеей прикола. Они всегда были обезличены...

К. Но здесь не прикол. Здесь конкретное предложение, равное диверсии. Вы отдаёте... отдавали себе отчёт, что проект, на который вы покусились... Который вы извратили... (взволнованно) Нет, это ни в какие ворота! (шум наливаемой в стакан воды, хлопок дверки холодильника)

М. Что вы так волнуетесь? Ничего же не произошло! По задумке «Очумелых ручек» мы, наоборот, помогли проекту. Смотрите, масса комплекта, который закладывался в расчёты изначально... А, что за комплект? Образец ткани исходняка и его ментограмма, тупо снятая во сне – это ячейка. Масса её - почти сто граммов. А записанная нами ментограмма, архивированная на флешке – всего тридцать!

К. (откашливается) Поясните, пожалуйста. Вы заменили все ячейки, которые Академия загрузила в трюмы исследовательского корабля?

М. Почему все? Насколько мне известно, я только про людские ячейки, снято более пяти тысяч ментограмм...

К. Пять тысяч? Как вам удалось записать такое количество и взять у каждого образец ткани?

М. (молчит).

К. Геннадий Артемьевич, мы сотрудничаем, или как?

М. Ладно. Начистоту, так начистоту! Доработанных капсул было выпущено около трех тысяч, с каждой списали как минимум одну ментограмму, мы же на взрослых ориентировались. Дети, у них ни опыта, ни образования, зачем их писать? Я думаю, что ещё и случайных людей ментографировали...

К. Что значит, случайных?

М. Ну... Для «Ручек» мы ещё десять шлемов сделали, в мобильном варианте... (с надрывом) Что вы на меня так смотрите? Что, это тоже преступление?

К. Пока не знаю. Поясните, что значит – мобильный вариант шлема?

М. (со вздохом) Такой же как в капсуле, только процессор в нём самом. Можно, если человек в отключке... Или спит... Снять ментограмму в пассивном режиме. Часа за полтора-два...

К. Кто, кроме вас, принимал участие в разработке и производстве несертифицированных капсул?

М. Я один. Разрабатывал отдел, но ответственность – на мне. А производство, так там тьфу, делать ничего не надо почти. Изготовление и сборка – процесс автоматизированный. Я сменил робота программу, и все дела.

К. Да... Натворили вы дел... Как вы связывались с «Очумелыми ручками»? Напишите мне вот здесь... А подписывались как? Условный знак или пароль был? Если я или наши специалисты выйдут на них, никто не заподозрит, что это не вы? Надеюсь, что вы не ошибаетесь. И не обманываете меня...

М. Да толку-то врать теперь! Всё, зонд ушёл в Андромеду, его не вернуть. Знаете, а я не жалею, что вместо сотни животных клонов туда отправились люди. Представьте, по новой земле, там, в другой галактике, будут ходить земляне. Я, кстати, себя записал первым, а что? Имею право!

К. Вы, да, имели право отправить себя. Но решать за других? Рискованно. Тут надо не раз и не два обдумать всё... Да, наломали вы дров...

М. Насчёт Вольфа – шлем и процессор не виноваты. Это безболезненно и незаметно...

К. Пусть решают эксперты. Полагаю, для первого раза вы наговорили достаточно. Геннадий Артемьевич, распишитесь вот здесь, что претензий по ходу ведения допроса у вас нет. Завтра в десять вам будет удобно зайти ко мне?

М. Позже можно? Я работаю...

К. Я тоже работаю, если вы этого не заметили. Итак, завтра в десять жду вас. До свидания! (официальным тоном) Допрос закончен в четырнадцать пятьдесят шестнадцатого августа две тысячи сто двадцать третьего года.

**

Неизвестная местность. Лес

Вольф, с располосованной груди которого текла кровь, прижимался спиной к стволу и паниковал. От кровопотери, от отчаяния, что окружён множественным врагом. «От нервов», как мудро обобщает земная присказка.

Раненая рука наполнилась болью. Андрей устал. Звери стояли полукругом на расстоянии прыжка, но тянули время, не нападали. Безухий сидел за их спинами, иногда тряс головой. Кровь на нём уже запеклась. А вот второму, раненому в шею - тот лежал – становилось всё хуже. Он часто кашлял, чем волновал прайд. То один, то другой кот покидал атакующую позицию, подходил к компаньону, нюхал, возвращался. Словно сомневаясь, как поступить.

И надумали. Каждый из полукруга по очереди имитировал приступ, намереваясь утомить жертву постоянным напряжением. С пяток атак оказались ложными, но вот смельчак почти цапнул человека за ногу. Ненагруженную, переднюю в стандартной стойке. Андрей дёрнулся назад, удачно махнул тесаком, тот чиркнул по щеке кота.

Нападения прекратились. Возможно, прайд решил, что человек слишком серьёзный противник, отнюдь не газель. Или по иной причине. Медленно, оглядываясь, словно сожалея об упущенном шансе, звери отступили в степь. Последним, то и дело ложась, уходил раненый в шею. Его кашель и перханье долго доносились из степи.

И лишь когда все подозрительные звуки растворились вдали, человек позволил себе расслабиться и сползти спиной по стволу, не выпуская клинки из рук.

Выигранная схватка за жизнь потрепала Андрея. Куртка на груди топорщилась косыми разрывами, сквозь которые проступали аналогичные разрывы тельника, пропитанного кровью. Морщась, он обнажился до пояса и осмотрел раны, насколько смог. Предплечье уцелело - клык лишь порвал кожу, да на лучевой кости проступил громадный синяк. Рану под левой ключицей, недоступную для осмотра, Андрей осторожно ощупал. Та тоже оказалась мелкой, тянула на большую царапину. Колено вообще не пострадало.

Перевернув тельник спиной вперёд, чтобы засохшие лохмы не бредили подсыхающие царапины, он оделся и внимательно огляделся по сторонам, не делая ни шага. Везение тоже имеет пределы, и напороться на лесного хищника после степных - Андрею совсем не улыбалось. По счастью, живность присутствовала лишь в размере местного бурундука или белки. Этот грызун, рыжего цвета и с пушистым хвостом, скакал по соседнему дереву, откуда скандально ругался на Вольфа.

Примирительно махнув ему здоровой рукой, человек быстро срубил прямой ствол толщиной в руку, сделав нечто промежуточное между посохом и дубиной. Острый конец мог послужить копьём, а тупой, от комля, вполне был способен разmozжить небольшую дурную голову. Барсука там, лиса, волка. Земных размеров, конечно. Остыв за работой, Вольф вдруг осознал, из какой передраги сумел выпутаться живым. И какую глупость спорол, выйдя в поход без подготовки. Свою дурь он оценил весьма критически:

- Кретин. Кто мешал надеть вторую куртку? Сплести щит из веток? Нарвать бинтов из нижнего белья? А если бы зацепили серьёзно? Видать, и впрямь, бог благоволит к дуракам.

Углядев неподалёку купу лиственного подростка, который соревновался в стройности стволов, Вольф решил ими и ограничиться. Он свалил штук десять, отсёк ветви и верхушки, чтобы длина жерди получилась не меньше трёх метров. Тесак и в этой работе не подвёл, за счёт тяжести и остроты он прекрасно врубался в сырое дерево.

Но слабость молодого тела сказывалось все чаще - утомлялось оно слишком быстро. Да и укушенная рука побаливала. На то, чтобы подтащить все заготовки к толстому разлапистому дереву, нижние могучие ветви которого шли почти горизонтально, ушло почти десять

минут. В том, старом, но мощном теле, Вольф даже в сто лет справился бы с жердями раза в два, а то и три быстрее.

Сидя на траве и тяжело переводя дух, он загляделся на лежащее неподалёку дерево. Длиннохвойное, как земная сосна, оно валялось на границе степи и леса, высоко задрав корни, выданные из земли, скорее всего, давним ураганом. Корни? Андрей Григорьевич вгляделся в один из них. Который торчал в сторону, слегка изогнутый, точь-в-точь большой английский лук.

- Почему нет? Захвачу, - согласился Вольф с мелькнувшей задумкой и после недолгой возни отрубил желанную кривую, с запасом по длине.

Переведя дух, он взобрался на горизонтальную ветвь толстого дерева и устроился поудобнее. Есть хотелось с такой силой, что живот терзало голодными спазмами. Полоски копчёного мяса ушли за милую душу, без воды и без соли. Срезав ножом тонкую веточку, Андрей поковырялся в зубах, извлекая жилки, неподдающиеся перекусыванию и оттого прочно застрявшие. Для достижения полного комфорта понадобилось аж три зубочистки. Глядя на лезвие тесака, которое удивительно долго держало заточку и не тупилось, Андрей Григорьевич поразился: "Классный нож. Рембо такой и не снился!"

Вспомнив о фальшивых подвигах древнего, но востребованного у пацанвы киногероя - попробовал открутить задник рукояти своего тесака. Удивительно, но Вольфов нож имел тот же секрет - открученная заглушка повисла на внутреннем креплении, обнажив тонкую трубку и кнопку под ней. Нажав которую Андрей получил струю огня и завопил:

- Твою мать! А я искал зажигалку!

Второй тесак оказался с такой же секреткой. Проклиная свой идиотизм, Вольф беспечно спрыгнул с ветки, едва не подвернув ногу. Спасли бахилы, которые жёстко держали голеностоп, а превращались в мягкую тряпочку, лишь покидая ногу. Обругав себя за суетливость, Андрей Григорьевич пошёл к ручейку, примеченному сверху.

Напившись ледяной воды не только досыта, но и впрок, он ещё раз осмотрел лес. Отсутствие ёмкости для воды напрягало его с первого дня. Подвернись сейчас заросли взрослого бамбука, он не задумываясь посвятил бы оставшееся время вырубанию из самого толстого ствола нескольких бочонков. Но надежды не сбылись. Лес

больше походил на его родную сибирскую тайгу, чем на джунгли или сельву.

- Ну и ладно. Для первого раза заготовок вполне достаточно, - удовлетворённо погладил Вольф ошкуренные стволики.

Немного передохнув, он забрался на толстое дерево и за верхушки повесил на высокой ветке пять жердей, чтобы те хорошо просохли к следующему визиту. Шпагат ушёл весь. Потом спустился, надел скинутую на время работы куртку. Примерился, похмыкал, но оставшихся пять жердей - жаба, как принято называть жадность, оказалась присуща и новому телу - взгромоздил на шею. Хоть и самых лёгких, но пять же, а не четыре, как намеревался вначале. Заготовка для лука оказалась лишней. Разве что тащить в руке? Перекладывая из одной в другую?

Так и не приняв решение о кривой деревьях, Андрей прилёг, чтобы отдохнуть и настроиться перед походом. Солнце стояло ещё довольно высоко. "Сарай" темнел малюсенькой точкой впереди. Шкандыбать предстояло долго, ведь на скорый шаг сил не доставало. Где-то под ложечкой - по слухам, душа располагалась именно там - поднывало.

Вольф боялся. Боялся новой встречи с прайдом, да ещё, не приведи бог, с другим, полноценным. Честно признаваясь себе, что в недавней схватке ему, дурню, чертовски повезло, Андрей Григорьевич, тем не менее, выбора не имел. Ведь возвращаться домой надо? Да. Иной дороги по степи нет? Нет, как и выбора.

- Значит, иду! Проверить ноги, отлить, попить, нагрузиться, и - вперёд!

Так он и поступил, снял бахилы, носки, босиком пошёл к воде по шелковистой, прохладной траве. По пути с удовольствием помочился на кустик, потом сполоснул руки, лицо, шею, намочил голову. Долго вытягивал в себя прохладную воду, представляя себя верблюдом. Потом с сожалением вернулся к обуви, сел, взялся за бахилу... И вдруг хлопнул себя по лбу с досадливым возгласом:

- Если человек дурак, то это навсегда! Вот ведь готовая ёмкость!

Босиком Вольф припустил к ручью, зачерпнул бахилой воду и убедился, что та прекрасно держится в раздувшемся, как брезентовое ведро, голенище. Ах, если бы его озарило раньше, у "сарая"! Два эластичных сосуда для воды можно было повесить на шею и не

терпеть жажду в походе. Но сейчас Андрею пришлось опростать бахилу, чтобы обуться. Босым идти через степь он не рискнул бы ни за какие коврижки.

И вообще, обратная дорога могла оказаться опаснее. Прайд вполне способен напасть снова, а деревья за спиной уже не будет. Понимая это, стратегию боя от обороны Вольф продумал основательно. Помочь ему должны были жерди. Он заострил комлевые концы, чтобы с размаху вбить их в землю как можно глубже, один рядом с другим.

Получится стенка. Жиденьякая, но спину прикроет. Звери ведь не догадываются проверять, насколько прочно стоят жерди? Нет, и нападать будут уже не со всех сторон. А по бокам и перед собой Андрею придется отмахиваться. Тесаки, как показал недавний бой, наносят болезненные раны. В умелых и сильных руках могли бы и убивать.

"Ага, сильные и умелые, - ирония заставила криво улыбнуться. - Задохлик я, если честно. Качать надо мышцу, - и некогда сильный Андрей Григорьевич мысленно дал наказ молодому телу. - Не трахаться с Ириной, а отжиматься и пресс качать, понял, Андрюша? Каждую свободную минуту! - и после недолгого размышления добавил. - Так и будет... Если от прайда сегодня отмахнусь..."

**

Следственный комитет Новосибирска

Начальник следственного отделения барабанил пальцами по столу. Тангюль Демир водила по столу пальцем, рисуя видимые только ей картинки. Следователь Кичигин смотрел в потолок, держа паузу. Первым не выдержал Марин Владимирович:

- Ты настаиваешь на отдельном производстве дела Вольфа?

- Да. Если его смерть и связана с ментографированием, то косвенно. А саботаж при снаряжении экспедиционного корабля в галактику Андромеды – отдельное и очень крупное дело. Один я его не потяну.

- Иван Семёнович, - мягким голосом вступила прокурор Демир, - зачем вам вести дело о саботаже?

Таянов медленно, как сытый медведь, поднялся из-за стола, распрямился, потом с грохотом обрушил немаленький кулачище на столешницу и рыкнул:

- Господа Демир, хватит! Я не позволю третировать нашего лучшего следователя. К сведению, решение о подследственности принимает начальник отделения. Начальник, а не привлечённый прокурор, пусть даже с направлением Международного Суда! Вопросы есть?

Тангюль мило улыбнулась:

- Какие вопросы! Я полагала, что следователь по особо важным делам, - тут её ехидство просто зашкалило, - доведёт до конца первое и самое важное дело, дело о насильственной смерти адвоката Вольфа, и лишь затем примкнёт к специальной оперативно-следственной группе. Как у вас, русских, говорят? Кто везёт, на того и валят? Валите на Кичигина, пусть надрывается, я не возражаю.

Чтобы прокурор не услышала, Кичигин буркнул себе под нос:

- Хрен ты угадала, Вольфа я всё равно сброшу...

Начальник отделения услышал бурчание и гулко хлопнул по столу ладонью:

- Хватит! Вместо того чтобы собачиться по мелочам с надзорной инстанцией, - он обозначил кивок в сторону Демир, - поделись планами.

- Ищем, кто кроется за «Очумелыми ручками». Пока ясно лишь, что имеем дело с опытным противником, который умеет прятать концы. Наши технари отследили его до Европы, оттуда к Сибири, а дальше – увы. Он опять шмыгнул в Китай, там несколько сетей, и попробуй, отыщи следы. Гений, натуральный. Как он умудрялся так работать через отдалённые серверы – одному богу известно...

- Так уж и гений, - высказала сомнение прокурор Демир.

- Не я, Абалмасов сказал. Он со своей группой искал следы программиста, который заряжал модуль Рифеева. Спец редкостный, он лет пять назад создал червя и посадил его в Центральноафриканский транспортный терминал, который в итоге парализовал работу чуть не на сутки. Что интересно, позже в директорат терминала пришло анонимное сообщение, где говорилось, что это месть за испорченный отпуск...

Тангюль усмехнулась:

- Обратите внимание, Марин Владимирович, ваш важняк опять тонет в океане незначимых деталей, вместо того, чтобы акцентировать

поиск злоумышленника и подталкивать экспертов на осмысленные действия, а не перебор случайных вариантов...

Кичигин победно взглянул на туранку:

- Вы не понимаете специфику оперативной работы, а берётесь поучать! Благодаря правильно выбранному алгоритму поиска группа Артемьева почти вычислила автора послания. Наши туристы, сибиряки, за полгода до этого проиграли судебный иск против терминала. Кстати, очень похоже, что наш деятель работал на «Очумелые ручки» ...

Теперь уже Таянов задал уточняющий вопрос: - Про «Ручки» подробнее, - что Иван пообещал сделать чуть позже, чтобы не растекаться мыслью по древу.

- Так вот, он в Африке не со зла отчудил. Оказывается, ему свойственно чувство справедливости. Извращённой, но справедливости. Из-за поломки эскалатора сибиряки опоздали на рейс и потеряли день отдыха, а негры выплатили только стоимость доплаты на следующий самолёт...

- Кто мститель, выяснили? – заинтересованно глянул на важняка Таянов.

- Пока нет, проверяем состав тургруппы и их окружение. Это уже чистая техника. Либо сам программист, либо его близкий человек на негров обиделся, тут к бабке не ходи...

- К бабке не ходи? – брови туранки изумлённо взлетели ко лбу.

- Выражение такое, общеизвестное, - отмахнулся Кичигин, - в смысле, не надо гадать, догадываться... Так я продолжаю?

И продолжил. Что разработчик игровых капсул ничего нового не сообщил, что сотрудники его отдела даже не подозревали о незаконности гибкого игрового шлема. А главное, что несколько экспериментов показали – есть символическая, но таки да, реальная опасность при ментографировании во время игры. Для лиц со слабым сердцем. Каким был покойный Вольф.

- Значит, кибер-модуль вырубил адвоката станером, взял биопсию, ширнул амфетамином, чтобы тот взбодрился и полез в игру. Плюс, кибер врезался в игровую сеть, включил режим ментографирования, вот сердчишко Вольфа и не выдержало. Убили его, фактически, - подытожил Таянов выступление Ивана.

- Рифеев и Мухортов, получается? – продемонстрировала способность думать прокурор Демир.

- Возможно, не только они. Марин Владимирович, передать бы дело Вольфа кому, а? Хоть стажёру, - взмолился Кичигин. - Ну, нет ведь уже ничего сложного там!

Начальник сделал ладонью неопределённый жест. Вроде бы согласия, а вроде бы и нет. Иван Семёнович попробовал поймать его взгляд, чтобы прочесть подробности ответа в мимике, но попытка провалилась. Таянов уже смотрел в окно, где летний вечер уступал ночи.

В голове начальника следственного отделения роились разные мысли, привычно распределённые подсознанием по разным уровням, сообразно сложности дел. Смерть адвоката Вольфа, и впрямь, ощущалась даже не на втором-третьем, а где-то далеко, рядом с предстоящим квартальным отчётом.

Марин Владимирович никому и никогда не признался бы, что случайно раскопанное дело о волонтаризме молодых учёных интересовало его, как никакое иное. Вчера, просматривая запись допроса Мухортова, он задал поисковику: «Анаксагор, Аррениус, панспермия». И устыдился своего невежества в теориях происхождения жизни.

Замысел молодых космогонистов по вселенскому расселению человечества поражал дерзостью и последствиями. Их не на скамью подсудимых, а на божничку усаживать надо. Такой размах по плечу настоящим Творцам! Пусть Землю они не создавали, но заселять готовые планеты тысячами Адамов и Ев – покруче семидневного творения!

Восхищение восхищением, но должность начальника следственного отделения обязывала Таянова контролировать работу важняка Кичигина. Тот, уныло, с демонстративным вздохом упёр палец в последнее замечание наблюдательницы от Международного Суда:

- Для вас, Демир. По наследникам. Согласно завещанию ...

- Не надо продолжать, Иван Семёнович, - неожиданно попросила Тангюль, - понятно, что эту версию можно отбросить. Если всем и каждому потомку оставлено чуть больше, чем ничего, то выгоды в смерти Вольфа никто искать не станет. Поделитесь лучше ещё раз своими мыслями насчёт аспиранта Рифеева.

Теперь настал черёд Кичигина удивляться. Он бросил взгляд на лицо госпожи прокурора, надеясь, что та шутит. Но нет, её симпатичное лицо выражало неподдельный интерес.

- Я в прошлый раз говорил, что он мало похож на организатора всей этой затеи с подменной ячеек на человеческий материал. Сами посудите, как он мог бы руководить таким сложным процессом, если прямого доступа к Искину не имеет. Его доступ ограничен контролем действий транспортного модуля. За время подготовки зонда Рифеев один раз был на Луне, когда его боксы загружались в трюм. Да, в логистике он дока, но проверка документации показала, что никаких самовольных действий он не производил.

- Не доказано, что не производил, - возразил Таянов. - Кибер-модуль ему подчинялся. И стереть подозрительные файлы без возможности восстановления, да еще с помощью толкового программиста твой Рифеев мог запросто. Сейчас он, да, выглядит чуть ли не жертвой отдалённого воздействия, о котором не подозревал, якобы...

- ...потому что сверить фактическую поставку с бумажной нет возможности, - продолжила прокурор Тангюль, - так как зонд уже отправлен. Но я уверена, что Рифеев был в сговоре с неустановленным руководителем этой «Очумелой ручки».

- И вот ещё, Иван, почему вы не проверили гараж Академии? Если кибер-модуль числился там, там проходил профилактику, то почему там ему не могли залить дополнительные программы. И манипуляторы дополнительные, где ему цепляли, не там ли?

Кичигин опустил голову. Ему и впрямь, нечего было сказать в оправдание. Очевидные и животрепещущие факты, которые добавлялись каждый день, как-то сами собой оборачивались первоочередными задачами. Те заслоняли, отодвигали на задний план такие простые задания, как осмотр помещений транспортного департамента Академии, опрос техника Аристарха Иванова, который проводил профилактику транспортных киберов. Или опрос Ахата Нургалиева, малолетнего соседа покойного Вольфа. Который провела Демир, незаконно, но полезно для следствия.

- Я «Ручками» занимался... Хорошо, направлю оперативников, пусть проверят, - смертельно усталым тоном следователь дал понять начальству и контролёрше, что принял критику. - Вряд ли что важное

найдут, но галочку поставлю. И Рифеева, раз вы настаиваете, с подозрения снимать не буду. Если суд даст разрешение, то зарядим слежку на его мобильник...

Его слова перебила мелодия звонка, опрометчиво поставленная на громкую связь. «Болеро» гениального Равеля – отрезок после модуляции – разбил тишину свой энергичной ритмикой. Извинившись, Кичигин ткнул пальцем в ухо и отключил звук.

- Да ответь ты, ответь, - разрешительно махнул рукой Таянов, - вдруг важное что...

А Тангюль Демир улыбнулась. Сегодня она опять, в который уже раз показала русскому следователю, чертовски упрямому, что тот постоянно допускает ошибки. Непростительные для профессионала. Мужчины, они все такие. Их мозги устроены неправильно. Они слишком много думают о себе и совершенно не умеют работать по плану. Вот она, женщина, ещё позавчера прочла максимум материала о панспермистах.

И вчера не выглядела душой, как Таянов. Или как Кичигин. Который открыто признавался то в незнании космогонии, то киберлогики, то... Да постоянно демонстрировал тупость и необразованность. Сейчас, например, не сообразил, что перед совещанием надо переводить мобильник в интимный режим. Как сделала она, и сумела ответить тёте стандартным сообщением, не привлекая ничьего внимания. В отличие от недотёпистого «важняка», который заваливал кого-то вопросами:

- ... вышли? С трёх направлений сразу? Филипп Матвеич, вы гений! А кто? Только точка выхода... - Иван Семёнович оживал с каждым ответом. - А где? В транспортном департаменте? В гараже? Минуту...

Он прервался и глянул на Таянова. Тот поймал взгляд и кивнул:

- Говори.

- Абалмасов вычислил программиста, который заряжал Рифеевского кибера. И кто неграм червя запустил, в порядке мести за испорченный отпуск, - Иван заметил, как прокурор Демир отыскала запись на листке, подтвердил, - да, он самый. И нашли-таки конец ниточки. Здесь он, здесь, в Сибири! А выходил с ремзоны транспортного департамента Академии. Наш он, наш! Я сейчас оперативников подтяну, и пойдём с ним знакомиться!

- Мы тоже идём, - хором заявили начальник и контролёрша.

**

Неизвестная местность. Лес. Степь. Дорога назад

Верно сказано, что без пользы оно - гадать, как всё обернётся. И всё же ничто другое в голову Вольфа не шло. Он, гружённый жердями как вьючное животное древности, верблюд или лошадь, а не человек разумный, медленно брёл под палящим солнцем в сторону "сарая".

Тот постепенно вырастал, превращаясь из мелкой точки в кляксу. Осталось пройти меньше половины пути, как нарисовался прайд степных хищников. Песочно-коричневые головы объявились все враз, поднявшись из травы, покрывавшей небольшой бугорок.

- Чёрт! Приплыли... - прошипел Андрей.

Он сбросил жерди, уронил туда же заготовку для лука и положил руки на тесаки. Если звери встанут, расходясь для обхвата - придётся наскоро строить оборонительный "забор".

- Успею ли я их вбить? – глянул он на жерди.

Прайд выжидал, своей кошачьей медлительностью действуя на нервы. Четыре башки с двумя ушами и одна корноухая смотрели на Вольфа из травы, не сходя с места. Он потел, смотрел на кошек, не двигаясь, пытаясь транслировать им свою уверенность в победе. Получалось скверно - мешало раненое плечо.

- Ну? Я долго вас ждать буду? – рыкнул он в сторону прайда.

Кошки промолчали. Время тянулось, как жевательная резинка, мятная, которая так хорошо освежала рот в той жизни, прошлой, оставшейся на Земле. Вольфу хотелось пить, как в первый день на этой жаркой планете. Корноухий лёг. За ним спрятались в траву остальные. Андрей взвалил жерди на плечи, чтобы идти дальше. Четыре коричневые головы поднялись, проводили его взглядами.

- Уф-ф-ф... Пронесло... - Вольф облегчённо перевёл дух, когда, оглянувшись очередной раз, не заметил зверей.

И радостно засмеялся, вспомнив бородатый анекдот насчет "и меня тоже". Прайд не напал, но стимул дал столь знатный, что Андрей Григорьевич едва не бежал. Замедлил он шаг, только оказавшись рядом с "сараем".

- Ура, пришёл!

Ирина и Берта, целуя и тормоша, налетели на него. Андрей бы обрадовался этому, но усталость оказалась так велика, что он

немедленно отпросился у девушек – попить и умыться. Те поняли, деликатно вернулись в коридор, чтобы не мешать усталому мужчине сходить в сортир. Лишь затем он отправился смыть пот. И кровь. Забравшись в воду, Вольф долго глотал её, потом отмокал. Струп, запёкшийся на царапинах, мочить не стал. Схватка с хищниками казалась ему дурацкой, а не героической.

Но попытка провалилась. Тельник и куртка, продранные насквозь, выдали Вольфа с головой. Девушки немедленно его раздели, разноголосο поохали, переодели в новое, а потом потребовали подробнейшего доклада. Пришлось отчитаться. А потом идти к ручью, доедать последнее мясо, что осталось от добычи и запивать водой.

Предложение об использовании бахил как ёмкостей для воды - Ирина и Берта приняли с восторгом, тотчас же принесли их, наполнили и, завязав, укрепили на прочных ветках, воткнутых у пандуса. Иначе мягкие "вёдра" клонились набок и проливали воду. Сытый и донельзя усталый Вольф снисходительно смотрел на девичью суету. В рубке он вспомнил, что давал девушкам задание, а отчет до сих пор не получил, но силы уже иссякли. По сути, Андрей вырубился, едва устроившись в кресле. Последняя мысль походила на крылатую фразу из "Капитала", про призрак: «Голод бродит по сараю...»

- Что за дурь в голову лезет? - сонно спросил себя Вольф и решил впредь такими загадками не заморачиваться, на "горе от ума» времени не тратить.

Увы, не получилось. Проснувшись, Андрей в очередной раз получил подтверждение, что гордиться умом ему не след. Девушки опять продемонстрировали, что порядок бьёт класс. То есть – методичное обследование всегда выигрышнее быстроты и напористости.

- То есть как, всё открывается рукой? - не поверил Вольф, выслушав рассказ Ирины, дополненный вставками Берты. - Почему мне такая непруха?!

**

Новосибирск. Секрет транспортного департамента

Новосибирский Академгородок только назывался городком. Почти сотня квадратных километров, поросших сосной, чаще обыкновенной, а в новых районах сибирской, кедровой, и больше

двухсот тысяч населения - вполне заслуживали статуса полноценного города.

Многочисленные НИИ, университет, Правление Сибирского отделения Русско-Туранской Академии Наук и множество попутных службы образовали ядро, вокруг которого сначала стихийно, а потом и планомерно - разместились жилые кварталы. Близость к водохранилищу имела свои плюсы и минусы, но вопросы удобства и престижности заставляли научный и околону научный люд селиться в этом сосновом массиве.

Однако сейчас минибус и служебный электромобиль везли не жителей района и не экскурсантов. Суровые оперативники в сопровождении рядовых экспертов технической службы заполняли минибус, а в красивом чёрном мобиле ехали старший техник-криминалист Абалмасов, следователь Кичигин, его начальник Таянов и «надзиратель» от Международного Суда госпожа Демир.

Все четверо молчали. Абалмасов, потому что был недоволен – его оторвали от группы техников. Таянов, потому что молчун от природы. Тангюль, потому что с техником встретила впервые, к молчанию Таянова привыкла, а с Кичигиным они взаимно недолюбливали друг друга.

Воздух разочарованно свистел, не в силах помешать рвущему его мобиле, сосны по обочинам мелькали, как им положено при высокой скорости, а встречные огоньки за разделительной бетонной стенкой напоминали, что трасса довольно обитаема. Спустя полчаса дорожные знаки и разметка сообщили – впереди город.

Мобили сбросили скорость до разрешённой, сделали несколько поворотов и остановились у здания, довольно высокого, в половину роста ближайших сосен. На гладком бетонном фасаде, окрашенном в легкомысленный розовый цвет, красовалась надпись: «Гараж транспортного департамента С.О. Академии Наук».

- Странно, выглядит как новое, а построено почти полвека назад, - профессионально оценил здание Абалмасов.

- Может, недавно ремонтировали, - выдвинул свою версию молодой техник.

- Ты давай определяй, где его логово, - напомнил ему оперативник Мазепа.

- Да без проблем, - фыркнул тот, разворачивая стереозэкран, - смотри. Первый этаж, по центру. Видимо, конторское помещение. Если ворота открыты, то через них ближе. Если через дверь, то вон в ту, и влево. Идём?

- Так, на сухом берегу договоримся, - тормознул его второй оперативник, Лагутин. – Ты с Мазепой идёшь слева, я и Матвеич – справа. А вы, Марин Владимирович, Иван, и вы, - опер наклоном головы обозначил обращение к даме, - позади нас. И не лезьте впереди нас, мешать будете. Кто знает, какой он, ваш гений взлома. Уяснили? Тогда пошли!

Одетый в совершенно обыденный однобортный пиджак, изобретенный лет двести или триста назад, серую рубашу и мятые брюки, которые слегка прикрывали разношенные туфли условно черного цвета, он выглядел безобидно. Обычное лицо, поднятые на лоб солнечные очки - невзрачный обыватель, да и только.

А вот его напарник, Мазепа, пижонил. В несчётно-очередной раз модные зауженные брючки, майка с логотипом «Динамо», туго обтягивающая могучие плечи и плотный животик, залихватски повернутая козырьком назад динамовская же бейсболка придавала оперативнику совершенно несерьёзный вид стареющего фаната, а кроссовки-дутьши, имитирующие мячи – довершали картину.

Техники, хилые на фоне сыщиков, ничьё внимание привлечь не могли бы и при желании, а вот троица, идущая позади всех, смотрелась колоритно. Тангюль Демир успела в кабинете сменить неизменный мундир на цивильное платье, чем заслужила от Таянова одобрителный взгляд.

И правда, её точёная фигурка с на удивление классическими пропорциями могла бы дать фору иной претендентке на мисс Союза, Европы, а то и Мира. Особенно удались ножки. Загорелые, а может, облачённые в новомодные малозаметные колготки, они эффектно цокали средневысоким каблукком по бетонной отмостке. Иван, шедший сзади, увлёкся приятным зрелищем и даже забыл, что смотрит на неприятельницу.

- Вы меня прожжёте взглядом, Кичигин, - прошипела Тангюль, войдя в гараж и останавливаясь. – Идите впереди!

- Мог бы даме и руку предложить, - в тон ей добавил Таянов. – Типа ухаживаешь. Я стар, а вы прекрасной парой смотрите.

Врал он, что стар. Или набивался на комплимент, мог бы сказать Иван, но не сказал. Зачем? В любом случае это проигрышно. Начальство или сочтёт за лесть или не поверит. Марин Владимирович при его росте почти в два метра смотрелся могучим утёсом, мох на вершине которого вполне заменяли остатки волос и легкая небритость.

Сам Кичигин выглядел обычно. Стильно. Отлаженная рубашка с галстуком в тон, платочек в кармашке, брюки с бритвенно острыми стрелками, и ослепительно начищенные оксфорды. Денди. Как никто и никогда в следственном отделении не одевался и не обувался.

Да что в отделении! В городе, а то и в области он пока не встретил себе подобного! Отчего ощущение собственной значимости никогда не оставляло Ивана надолго. Наверное, поэтому он вдруг совершил глупый – или умный? Или странный? – но неожиданный поступок.

- Прошу вас, обопритесь о мою руку, - ляпнул Кичигин и согнул левый локоть крендельком.

Тангюль покраснела. Или это показалось Ивану? Она помедлила несколько длинных мгновений, потом обвила его предплечье своей рукой:

- Спасибо. Так, действительно, надёжнее.

Тем временем оперативники с двух сторон подошли к стандартной конторской выгородке, которая примыкала к дальней стене обширного стояночного зала. Десятиметровая высота гаража скрадывала объём, но метров пятьдесят, если не больше, в длину и столько же в ширину - были плотно заставлены разнообразными механизмами и кибер-модулями.

И полное безлюдие. Лишь на одном участке - вдоль ближней стены, отведённом под ремзону, щедро увешанном кранбалками, тельферами, утыканном станками и роботами явно ремонтного назначения - копошились люди.

- Вам кого? – спросил солидный мужчина в сером одноразовом комбинезоне.

- Вы из технадзора? А что так поздно? – удивилась девушка в зелёной футболке, которая оттеняла серость такого же комбеза, спущенного с плеч.

- А кто у вас тут за старшего будет? – вопросом ответил Лагутин.

- По гаражу или каргодоставке? – надевая лямки комбинезона, уточнила девушка. – Доставка если, то на второй этаж. А гаражник,

это вон там, - ткнула она измазанной перчаткой, в средней комнате, Иванов. Аристарх, - крикнула она неожиданно сильным голосом, - тут тебя хотят!

Мазепа уже подходил к выгородке, когда оттуда к нему метнулся светлый комок и раздался грозный лай. Так гавкает собака, когда готова напасть, если незнакомец сделает ещё шаг. Техники, шедшие рядом с оперативником, шустро прыснули в стороны. Один запнулся и упал. А Мазепа отскочил, пригнулся, в руке его оказался предмет, похожий на оружие.

Сверкнуло, сухо треснул выстрел.

**

Неизвестная местность. Доступ в кладовые

Берта гордо подбоченилась:

- Уметь надо! Идем, сам попробуешь.

И впрямь, достаточно было лишь приложить к любой двери, кроме медотсека, раскрытую ладонь на уровне пояса, как створка отъезжала в сторону. А дверей таких оказалось много, десятка два. Девушки не стали рисковать, вглубь помещений не проходили. Просто шли, открывали, рассматривали интерьер, помечали на схеме и шли дальше.

- А схему кто сделал? - Вольф снова удивился точности и детальности чертежа. - Берта, ты просто талант. И всё без линейки? Да... Ну что, проверим наши закрома?

- Наши ли? - слабо усомнилась Берта.

Вольф, зная трусоватость чересчур цивилизованных европейцев, ухмыльнулся:

- Если ты от своей доли отказываешься, то я беру её на себя. И ответственность за присвоение чужой собственности - тоже. Так тебе легче? Вот и славно.

Осмотр первого же помещения занял у них массу времени. Вскрывая пластиковые коробки ножом и ничего не понимая в содержимом, троица упорно и методично перебирала всё, лежащее в прочно закрытых горизонтальных шкафах. Надписи незнакомым языком, а порой и пояснительные рисунки — мало что говорили омоложенным новосёлам.

Хотя порой Андрей Григорьевич ловил в себе догадки о назначении того или иного предмета, но делиться ими с девушками не

спешил. Не выдержал он лишь в одном случае, когда упакованный аппарат, освобождённый от упаковки, явил однозначно толкуемую схему на боковой панели:

- Это кулер или что-то подобное!

- Объясни, - сощурилась на него Ирина.

- С чего ты взял? - поддержала её Берта.

- А вот, - торжествуя ткнул пальцем Вольф, - видите, стакан и струя воды в него?

- Допустим, - кивнули девушки. - Но где брать воду? Откуда подключать?

Андрей Григорьевич честно признался, что не знает. Зато верхняя панель очень похожа на солнечную, это раз, и на ней выштампован круг с лучами, в котором опознать солнце на ощупь обязан даже слепой.

- Так что я понёс его наружу.

- погоди, а как он работает? - удивилась аккуратистка Берта. - Вдруг сломаешь?

- Тут ещё есть, - отмахнулся Вольф, - а этот проверю. Методом научного тыка.

И пока хохочущая Ирина объясняла слишком онемеченной русской немке сущность метода, Андрей выволок установку на солнце, установил неподалёку от пандуса и вернулся в склад. Потрошение складов продолжалось до полудня, когда оголодавшие девушки потребовали от Андрея:

- Надо добывать еду!

- Я не смогу, - признался тот, - рука болит и грудь. Газели разбегутся, пока я из засады встану.

Это было правдой. Сегодня раны причиняли гораздо больше неприятностей. Они ныли, а синяк на левой руке расплылся по всему предплечью. Даже сжимать руку в кулак Андрею приходилось с внутренним стоном. Ирина страдальчески сморщилась, когда он пожаловался, а Берта задумалась. После долгого молчания она предложила:

- Ловушка для рыбы. Знаешь, как сделать?

- Какую? - удивилась Ирина, пока Андрей обдумывал ответ.

- Как корзина, плетёная. Только я не помню точно, как папа её делал.

- Ты про мордушку?! - радостно воскликнул Вольф. - Вот я дурень! Да без проблем. Девочки, пошли к забоке. Ножи взяли. Будете рубить прутья на оплётку, а я каркас скручу.

работа закипела. Давно и прочно забытые, казалось бы, знания о плетении из лозы всплыли из памяти Андрея Григорьевича сразу вслед за словами Берты о ловушке из прутьев. «Морда» выглядела не корзиной, а, скорее, напоминала амфору, у которой горло завернули внутрь, а в днище проделали дырку и заткнули пучком тонких веток. Кривобокость - ерунда, если три часа, затраченных на плетение, оправдались полностью. Откупорив ловушку на берегу, Вольф вытряс десяток серебристых рыбёшек размером с ладонь и два ножа, которые играли роль грузов, удерживая плетёнку на дне.

- Не умеете потрошить? - удивился он, когда девушки растерянно выслушали его приказ о чистке улова. - Это же просто!

И показал, лихо соскоблив чешую, вспоров брюшко и выдрал кишки из самой маленькой рыбки. Девушки искололи пальцы и порезалась, разбираясь с уловом, зато с аппетитом съели нежное белое мясо, запечённое «на рожнах».

- Откуда ты всё знаешь? - поинтересовалась Берта у Андрея, ополоснув руки и вернувшись к догорающему костру.

- Что именно?

- Как плести, охотиться, чистить рыбу, жарить её... - перечислила немка, а потом подытожила. - Вообще всё, как мне кажется.

Ирина с любопытством смотрела на Вольфа, который даже засмущался от неожиданного комплимента. Он никогда не задумывался, насколько много и хорошо знает и умеет что-либо. Ему казалось естественным его желание, одноимённое детскому киножурналу советских времён: "Хочу всё знать!"

- Да как-то оно само запоминается. Я же деревенский, а там поневоле всему научишься.

- А я трактор водить умею, - похвасталась Берта, - папа научил. Он на "Беларуси" и на комбайне работал.

Вольф обрадовался и быстро свернул на обсуждение проходимости разных колёсных тракторов. И он и Берта не преминули отметить факт «оживления» соответствующей спящей памяти. Они увлеклись, заспорили о полном приводе, помечтали, как бы славно

вспахать целину, засеять пшеницей, собрать урожай и поесть, наконец, хлеба!

Почувствовав себя лишней, Ирина помрачнела, поднялась и направилась к "сарая". Андрей и Берта автоматически пошли следом, продолжая спорить. Возле "кулера", простоявшего на солнце больше десяти часов, Вольф остановился, потыкал пальцем в значки, истолкованные как сенсоры, и, действительно, получил струю прохладной воды в ладонь:

- Работает! - радостно завопил он, брызгая в девушек. - У нас есть чистая вода!

Те испили по пригоршне. Берта похвалила парня за догадливость, а Ирина помрачнела ещё сильнее. Показав на багровый закат, она истолковала насыщенность его цвета как предвестник бури и предложила занести аппарат внутрь. Немка усомнилась в скором изменении погоды, Андрей возразил в похожем ключе. Ирина резко развернулась и ушла.

- Кажется, она обиделась, - высказала предположение Берта.

- На что?

Немка пожалала плечами. Недоумевающий Андрей оросил траву недалеко от входа, ещё раз посмотрел на багровый закат без единой тучки, тоже пожал плечами и отправился в командирскую рубку. Натруженная плетением лозы левая рука ощутимо болела. "Как бы не загноилась", - спохватился он, только сейчас подумав о полном отсутствии иммунитета у этого тела, выращенного, скорее всего, в абсолютной стерильности.

Берта уже сладко посапывала. Ирина лежала в своём кресле, глядя в потолок. Вольф шёпотом пожелал ей спокойной ночи и даже отшатнулся, услышав:

- Спокойной? Издеваешься?

- Ты что, Ира?

- Гарем собираешь? - прошипела девушка. - Кобель. На меня, как жену, не рассчитывай! Ни как вторую, ни как старшую, понял? Я — единственная.

И отвернулась.

**

Новосибирск. Академгородок

Сверкнуло, сухо щёлкнул выстрел. В просторном помещении гаража это прозвучало несолидно, однако впечатление произвело на всех сразу. Девушка в зелёной футболке завизжала. Солидный мужчина в сером комбинезоне вскрикнул:

- Нет, не надо!

Мазепа резко шагнул вперед, ногой отбросил неподвижный светлый комок, что-то негромко и очень зло сказал, потом обернулся к Лагутину:

- Наш шутник в своём репертуаре.

Кичигин в момент выстрела сделал шаг, заслоняя госпожу Демир. Но Таянов тоже сделал шаг и тоже желая заслонить её. Разница в массе, мало не в два раза, сыграла против Ивана. Он отлетел в сторону, словно мяч после мощного пинка. И неудачно, с хрустом пластика и звоном сбитого на пол металла, а также болью в локте, боку и копчике - приземлился на полуразобранного киберга.

- Ой! – снова пискнула девушка в зелёной футболке.

- Ну надо же! – огорчился солидный мужчина, помогая Кичигину встать на ноги.

- Извини, Иван, - сокрушённо всплеснул руками Таянов.

И только Тангюль Демир ничего не сказала. Она вынула из малюсенькой сумочки початую упаковку влажных салфеток и протерла щёку и лоб Кичигина, испачканные в какой-то фиолетовой и очень липкой смазке. А потом, справившись с лицом следователя, также молча принялась оттирать грязь, испачкавшую его брюки. Не везде, только на колене и бедре. Попытки Кичигина прекратить чистку Тангюль игнорировала. Закончив бесполезную, на взгляд сыщика, работу, она сунула похудевшую упаковку ему в руки и сказала:

- Зад, если что, можно тоже оттереть. Но это лучше делать, сняв брюки.

- Да плевать, - дернул плечом Иван, не то чтобы жалея испорченную одежду, а переживая об утрате лоска.

Туфли он всё же протёр, восстановив первозданный блеск.

Тем временем оперативники вместе с техниками уже вели разговор с Ивановым. Девушка в зелёной футболке и солидный мужчина защищали того, горячо доказывая что-то и активно жестикулируя. Когда Демир и Кичигин, закончив «чистить пёрышки», вошли в конторку, Таянов ввел их в курс дела:

- Этот развесёлый молодой человек, которого зовут Аристарх Иванов, придумал шутку. Он перепрограммировал кибер-уборщика, чтобы тот лаял и кидался на посетителей. Незнакомых ему. Когда тот бросился на Мазепу, наш бравый сыщик его и пристрелил. Кибера. А сотрудники гаража уверяют, что никакой опасности кибер не представлял и уничтожать его не следовало.

- Здравствуйте, Аристарх, - недружелюбно молвил следователь. – Вы меня помните? Когда я допрашивал Рифеева, вы пришли сказать, что его модулю предстоит пройти профилактику. Вспомнили?

- Да.

- Вот и прекрасно. Марин Владимирович, допрос проведете вы или мне делать?

- Не допрос, зачем невинного человека пугаете, - Таянов сделал первый ход в качестве «доброго следователя». - Кратко опросите, предупредите о проведении обыска. Понятые есть, удачно. Абалмасов, поставь камеры видеорегистратора.

И Кичигин вдохновенно исполнил партию «злого парня». Очень убедительно. После увертюры о Кодексах, Уголовном и Уголовно-Процессуальном, прозвучала ария о статьях и сроках, которая быстро сменилась дуэтом, в котором Иванов уже пел соловьём.

Техники по ходу сыпавшихся из «гаражника» откровений проверяли их достоверность, демонтировали важные и нужные носители информации из серверной, в которую, как оказалось, была превращена конторка. А ошалевшие от удивительных открытий понятые, серьёзный мужчина и девушка в зелёной футболке, уважительно и даже с опаской поглядывали на своего начальника.

Прокурор Демир и старший советник юстиции Таянов слушали исповедь Аристарха Иванова очень внимательно. Тангюль вынула из своей крошечной сумочки камеру и записывала показания на неё, хотя служебный видеорегистратор Кичигина обеспечивал круговой обзор.

- ... я сделал это сознательно. Чтобы доказать. А вам бы понравилось, если за невинную шутку вас отчисляют их университета? Другим всего лишь штраф, а меня пинком под зад! Потому что профессора Ляхова задело, что его опыт я обозвал халтурой. Да я не обозвал, а доказал, что он халтурщик. А обозвали его потом, на учёном совете, уже после меня...

Аристарх жаловался, сетовал на невезение, на отсутствие вакансий для него, на желание принести стране пользу, а Кичигин слушал его и – вот странно? – ощущал в себе желание посочувствовать задержанному. В технике Иванове он видел нечто родное, близкое по духу. Его, следователя, также терзала невозможность сделать нечто большое, серьёзное, что не только принесёт ему, Ивану Кичигину, славу, но и обернётся пользой для всех.

- ... академик Изяславин неправ. Я ему свои соображения письмом отправил, надеялся, уж такого калибра учёный поймёт, а он даже не ответил. Понятно, заелся старый пень, что ему какой-то лаборант? Да все они одним миром мазаны, эти академики. Глобально мыслить им уже не по плечу! У нас ведь беда какая? Пока учёный докажет права на самостоятельную тему, он утрачивает дерзость мысли. Что это такое, посылать зонд в другую галактику, и с чем? Оцените убогость – с животными, жвачными животными! Коза, овца, разве они носители интеллекта? Человек, вот кто должен первым ступить на землю новой планеты. Причём я не говорю, что человек – венец цивилизации и конечный, лучший образчик разумной жизни! Фигня! Человек должен сотворить наследника, я не знаю, в каком образе, но пригодном для обитания в космосе...

Исповедь Иванова остановил Абалмасов:

- Всё, мы закончили изъятие. Протоколы подписаны. Можно заканчивать.

- Хорошо, - согласился Иван Семёнович. – Аристарх, на сегодня хватит. Вам придётся проехать с нами.

- Вы меня арестуете?

- Зачем? Вы же не собираетесь убегать, как я понял. Просто мне удобнее, если вы поживёте в нашей служебной гостинице. Нам предстоит долго и плодотворно беседовать. Недели две, а то и три.

Говоря это, Кичигин встал и ходил по конторке, собирая камеры кругового обзора. Поднимая ту, что стояла на полу, он непринуждённо нагнулся. И когда Аристарх нервно хихикнул, следователь недоумённо уставился на него. Иванов, смущённо прикрывая рот, хохотнул громче.

- Что?

Смешок раздался сзади. Следователь обернулся туда. Таянов сдерживал улыбку. Тангюль зажимала рот, как девчонка. Позади заржал один из молодых техников, потом Абалмасов.

- Матвеич, да в чем дело?

Уже спрашивая, Кичигин понял причину. Да, он совершенно забыл, что в недавнем падении собрал на себя всю грязь ремонтного участка. На автомате Иван завёл руку назад, тронул брюки и ощутил лоскут, который, видимо, свисал на манер хвостика. Под общий смех он покраснел и сделал очередную глупость – отступил к стене конторки, скрывая пострадавший тыл. Этот его маневр вызвал уже гомерический хохот. Следственная группа и понятые ржали так самозабвенно, что Иван заразился весельем. Хихикнул, хохотнул, посмотрел на утирающую слёзы Тангюль и заржал не хуже остальных.

Это же и правда, смешно, когда обычно щеголеватый следак и вдруг блистает грязными, рванными штанами, в которых светится голая жопа?!

**

Неизвестная местность. Попытка самолечения

Вольф никогда не понимал логику женщин. Не понял и сейчас. Чувствуя себя несправедливо обвинённым, он долго вертелся в кресле, пытаясь уснуть. Не получилось. Да и прокушенная рука разболелась не на шутку. Андрей не мог найти удобного положения. В итоге он тихонько вышел наружу и принялся бродить у входа, пытаясь хоть как-то отвлечься. Голова пылала, предплечье дергало болью в такт пульсу. Поднятая вверх и уложенная на макушку рука болела гораздо меньше - парень так и ходил, в дурацкой позе, если глянуть со стороны.

Всё указывало на воспаление, которое ещё можно было купировать мощной дозой антибиотика и жаропонижающего. Только где его взять в этой степи? Вряд ли аптечка, которая, несомненно, имеется в иноземном "сараяе" - будет похожа на земные, помеченные красным крестом и красным полумесяцем.

Переживая за себя, так некстати болевающего, и за девушек, которым без него придётся туго, Вольф вдруг задумался о медицинском кабинете. Оттуда вышел все они, омоложенные, выращенные заново - созданные из нескольких клеток или даже из цепочки ДНК. В фантастической литературе такие приспособления назывались медицинскими капсулами и представляли собой некий комплекс для лечения и оздоровления, вплоть до выращивания потерянных органов. Особенно, конечностей. Если уже второй день

никто новый там не создан и создаваться не будет, то нельзя ли использовать ту ванну для лечения?

- Почему нет? - пробормотал парень. - Зайти и лечь. Автоматика сработает. А нет, так всё равно попробовать стоит. Методом тыка. Прямо сейчас.

решительно направился к двери, которая прежде не открывалась, приложил ладонь примерно в центр - девушки установили опытным путём, что сенсор находится в окружности диаметром с полметра. Ничего не произошло. Вольф сместил ладонь ниже. Вправо. Влево. Вверх. Никакого эффекта. Молодое тело требовало ускорить поиск, но мудрый Андрей Григорьевич точно знал - суета в поиске не помощник. И он методично исследовал стену, пока не наткнулся на нужную точку. Примерно на метр от пола и полметра от створки - ощутимо теплая область размером как раз под ладонь.

Тотчас сбоку раздался шелест, на пол коридора пролился яркий свет - дверь медицинского кабинета распахнулась. Изумлённый Андрей быстро вошёл в него, не отрывая взгляда от капсулы, в которой очнулся несколько дней назад. Затемнённый колпак почти полностью скрывал её содержимое, но общие формы более густой темноты соответствовали форме и габаритам крупной человеческой фигуры.

- Ага, занята! Значит, завтра у нас пополнение. Похоже, мужик. А в той кто?

Вторая капсула выглядела пустой, во всяком случае, никакой фигуры Вольф там не заметил, хотя жидкость точно была. Пока он рассматривал саркофаги, которые являлись основной частью медицинского кабинета, послышалось тихое гудение механизма, и дверь закрылась. На стене засветилась надпись, и знакомый женский голос что-то произнёс, точнее - спросил.

Вольф теперь воспринимал фонемы без удивления, он уже понял - владельцы "сарая" и земные люди во многом должны быть схожи. Скорее всего, эйдономия и анатомия землян окажутся идентичными инопланетянам. А раз так, то расшифровка чужого языка и письменности - вопрос времени. Но сейчас его волновала возможность быстрого излечения.

Андрей Григорьевич решил не мудрить, а приказать. Автоматика "сарая" должна различать интонации? Скорее всего - да. Тогда она

обязана подчиниться. Поэтому он громко сказал, придав голосу твёрдость:

- Мне надо излечиться. Я хочу лечь в капсулу.

Крышка пустой капсулы просветлела, но не поднялась. Там, в купели, в жидкости желтоватого цвета, действительно было пусто. Голос что-то сообщил. Вольф снял одежду, сложил стопкой на пол - он не сомневался, что лечиться предстоит нагим. Снова приказал:

- Мне нужно излечиться! Открой капсулу!

Голос вновь что-то сообщил, прозрачная крышка потемнела. Андрей Григорьевич выругался, торопливо оделся, нашёл теплый круг на стене, приложил туда ладонь и вышел из медицинского кабинета несолоно хлебавши. Рука болела так, что думать о сне не приходилось. Пришлось положить её на голову - в таком положении она хотя бы не пульсировала болью, а ныла себе и ныла.

Вольф бродил по разведанным девушками комнатам, дивился прочности креплений стоящих там контейнеров. Трюмы, так он назвал складские помещения, были забиты очень плотно, до упора. И все контейнеры фиксировались где плёнкой, где лентами, где упорами. Порой ему удавалось взрезать упаковку, заглянуть в коробку, ящик, втайне надеясь, что вот сейчас увидит спасительный красный крест или красный полумесяц, вскроет вожделенную упаковку и примет спасительные таблетки.

Но время шло, а никаких аптек не обнаруживалось. Усталость нарастала, крепчала и, наконец, оказалась сильнее боли. Вольф привалился к какому-то контейнеру и уснул.

**

Протокол и видеозапись третьего допроса Мухортова Г.А.

Дата: 20. 08. 2123 года.

Время: 09:15.

Место: кабинет следователя Кичигина, Новосибирское отделение Следственного Комитета.

Допрос подозреваемого Мухортова Геннадия Артемьевича, рождения 25.07. 2092 года, ведёт следователь Иван Семёнович Кичигин.

Запись допроса производится штатным видеорегистратором кругового обзора № 3901276, дата последней поверки 13. 05. 2123.

Присутствуют: подозреваемый и следователь.

Видео-аудиозапись:

К. Представьтесь, пожалуйста.

М. Да ладно вам! Знаете же, что Мухортов Геннадий Артемьевич.

К. Так положено. Зачем вы просились на допрос?

М. Иван Семёнович, скажите, это правда, что в моей капсуле умер человек? Из-за перегрузки во время ментографирования?

К. По заключению судебно-медицинского эксперта гражданин Вольф скончался от самопроизвольной остановки сердца. Что именно из-за ментографирования - тут не сказано...

М. Разрешите? (допрашиваемый читает заключение)

К. Прочли? Убедились? Я не имею привычки обманывать подозреваемых. (открывается дверь кабинета. Входит прокурор Демир). Допрос остановлен в 9:20.

Д. Здравствуйте. Я не помешаю?

К. Помешаете. Подозреваемый попросил встречи со мной, утверждая, что желает сделать заявление...

М. Кто это?

Д. Наблюдатель от Международного Суда, старший советник юстиции Тангюль Демир. Вы возражаете против моего присутствия на допросе?

М. Нет. Так даже лучше. (набирает в грудь воздуха) Я заявляю, что раскаиваюсь в своих действиях, которые привели к смерти человека...

К. (торопливо) Допрос возобновлён в 9:22, в присутствии наблюдателя от Международного Суда госпожи Демир.

М. ...человека, Вольфа Андрея Григорьевича из-за дополнительных нагрузок во время снятия ментограммы... (шумно сглатывает слюну, вздыхает)

Д. (иронически, с заметной долей издёвки) С чего вы вдруг так расчувствовались, гражданин Мухортов? Я смотрела два прошлых допроса, там вы откровенно хвастались своим незаконным изобретением, гибким шлемом, особенно, мобильным вариантом, с встроенным процессором?

М. Я не хвастался. А шлем делал не я один, а моя группа. И он, действительно, новое слово в технике ментографирования, как и запись во время игры. Но если бы я знал, что из-за него может умереть человек...

Д. Какой вы нежный! Какой заботливый! Раскаялись, что один старик умер в капсуле? А вам известно, что ваши мобильные шлемы использовались на территориях Северной и Южной Америк, на Ближнем Востоке, в Индостане и в Африке? Незаконно! И там ментограммы снимались не в капсулах, не в больницах, а невесть в каких условиях. Может быть, на раненых и умирающих, на попавших в аварии, на пострадавших в катастрофах! (кричит) Почему вы не подумали встроить в шлемы вместе с процессором ещё и автомат вызова спасательных служб? Вы раньше не догадывались, что ментографирование – это сложная процедура, и без медицинского контроля проводить её опасно?

К. (резко) Госпожа наблюдатель! Прошу не оказывать на допрашиваемого психологическое давление. Он хотел сделать заявление. А вы ему мешаете!

Д. (резко) Вы меня учить будете, как разговаривать с подозреваемым? Он должен знать, что натворил, за что отвечать придётся, а вы тут в реверансах приседаете!

К. Допрос прекращён в 9:27. (встает, открывает дверь) Конвой! Последите за допрашиваемым. Госпожа Демир, прошу вас выйти со мной на несколько минут. (вытесняет прокурора из кабинета)

М. (охватив голову руками, раскачивается на стуле, потом шепчет сам себе) Неужели и там люди умирали?

К. (входит вместе с прокурором Демир) Допрос возобновлён в 9:36. Геннадий Артемьевич, какое заявление вы хотели сделать следствию?

М. Я знал, кто скрывается за «Очумелыми ручками». По манере писать сообщения догадался, сразу. Потому и согласился на его предложение. Он, может, и не один там... Да скорее всего, точно не один, такой объем работы одному не потянуть. Это же сложно, увязать десяток кибер-модулей по всему миру так, чтобы они вовремя доставили ментограммы и замороженные ткани, потом отправить на Луну...

Д. И кто он, организатор преступления?

К. Геннадий Артемьевич, кто?

М. Иванов, Арья. Мы в универе учились вместе, а потом его поймали на взломе программы одного фуфлыжного учёного, а тот деканом был. Арьку и отчислил...

К. Как вы установили, что именно Аристарх Иванов руководит деятельностью «Очумелых ручек»?

М. Да сразу понял! Ну, не совсем сразу. Где-то со второго сообщения. Там он оговорился очень знакомо... У Арьки бзик, он любит косить под дворянскую старину, даже фехтованием занимался, на шпагах. И когда на него стих находит, он так вот кучеряво говорил или пишет, сразу и не повторишь. (декламирует, закрыв глаза) Видя недостаточное радение лиц формально ответственных, я предлагаю принять участие в дополнительной подготовке исследовательского зонда, и всё это благо нашей отчизны, о коей надлежит постоянно заботиться подлинному патриоту и благородному человеку...

Д. Что за бред?

К. Где этот текст?

М. Я его стёр. Я вообще всю переписку удалял сразу, у нас так принято было. Чтобы никто случайно не на шпионил. Мы не дураки, у нас целая система защиты была разработана...

К. Вы заявляете, что по контексту и стилю письменных сообщений опознали Аристарха Иванова, как представителя «Очумелых ручек»?

М. Не только. Арька – это человек талантливый. Он всегда отличался глобальностью замыслов... И тщательной проработкой деталей. Знаете, как он декана Ляхова свалил? Уже после того как тот его выгнал? Я тоже помогал ему вычитывать и проверять проект. Арька только поменял номенклатуру заказа, там потом работы было бы на пять минут, перенастроить киберов. И задумался, а на фиг, вообще, такие навороченные киберы, если в проекте для них нет никакой работы, почти. Они же строительные? У них производительность чудовищная, а декан их три штуки заказал. Мы и копнули, где в окружении декана и на кафедре есть большие земляные работы.

К. Вы опять отвлекаетесь, Геннадий Артемьевич...

М. Да вы дослушайте! И Арька нашёл. Декан, оказывается, отстроил себе коттедж. А землю решил за счёт универа облагородить. Типа, исследование провести, установить оптимальные сроки восстановления плодородия некультивированной суглинистой почвы при использовании подлежащих гранито-гнейсов.

Д. Опять бред! Как это характеризует Иванова?

М. (угрюмо) Можете не верить, но Арька возмутился, сообщил о фактическом воровстве Ляхова в ректорат. Ему не поверили, за оговор профессора обозвали всяко, признали поведение недостойным и отчислили. А потом уже, когда Ляхов отказался от проекта, его втихаря сняли за попытку использования служебного положения в личных целях. Кроме его участка нигде не было испорченных суглинков на гранитном основании.

К. Возможно, благородные мотивы у Иванова и были, но вмешательство в комплектование зонда, который отправлен в дальний космос, это не шутка. И тайное ментографирование в неприемлемых условиях, я имею в виду ваши мобильные шлемы – это уже преступление против жизни и здоровья человека. Спасибо вам за заявление.

Д. Кроме Иванова вы никого из руководства «Очумелых ручек» не знали?

М. Нет. Но уверен, что кроме меня он привлёк немало людей.

К. Допрос окончен в 9:57.

**

Неизвестная местность. Явление морского пехотинца

Пробуждение началась со света, который пробился сквозь веки. "Спасли, - обрадовался Андрей Григорьевич, - значит, ничего страшного". Он шевельнулся, проверяя тело. Боль отсутствовала. Совсем. Даже привычная, в давным-давно сломанных остистых отростках позвоночника. Даже в варикозных узлах на многострадальной правой икре. Даже в желудке, всё чаще напоминающем о полуголодном студенчестве, когда солёная килька и подсохший хлеб неделями служили единственной едой.

Такое обширное "безболье" порадовало. Зато лопатки и затылок ощутили неудобство жесткой подложки. Во всём этом было что-то знакомое. Андрей Григорьевич открыл глаза. Серые стены? Рассеянный свет над головой? Он точно это уже видел. Недавно. Где?

- Ч-ч-чёрт! Я же в складе заснул!

Он вспомнил о своих ночных блуканиях, вспомнил боль, терзавшую прокушенную руку. Закатал рукав, потом разделся, осмотрел себя, насколько удалось и удивился. Недавние раны, полученные в схватке с прайдом местных степных кошек, не исчезли, но основательно подсохли, перестали гноиться. Твёрдые коричневые

струпы на руке сломались при нажатии, но сукровица из-под них вытекла прозрачная, здоровая.

- Температура спала за ночь? Чудеса...

Натягивая одежду, Андрей побежал к медицинской комнате. Ему хотелось присутствовать при выходе омоложенного новичка, чтобы сразу ввести того в курс событий. Но первая капсула уже пустовала, зато в тёмных недрах второй капсулы угадывалась человеческая фигура.

- Тот уже вышел, а здесь, значит, новый формируется? Чудеса...

Проём распахнулся, выпуская его в знакомый коридор. Снаружи был в разгаре погожий день, судя по яркости выхода. И девушки, вне всякого сомнения, занимались приготовлением пищи. Почему нет? Вытащить мордушку, встряхнуть и выпотрошить рыбу им вполне по силам, а раздуть огонёк, а крайнем случае - воспользоваться зажигалкой они точно сумеют. Голодный Андрей вознамерился бегом рвануть туда, как вдруг смутное беспокойство овладело им. Что-то было не так, а он на это не обратил внимание. Что?

- А, фигня! - Молодое тело махнуло рукой на беспокойство и снова направилось к выходу.

Но старый адвокат Вольф, повидавший многое на своём веку, мгновенно одолел взбалмошного молодого парнишку, обуреваемого гормонами, притормозил и стал думать последовательно:

не так? А вот что - голосов не слышно. Совсем. Почему? Молчать обе не умеют, только собачиться или чирикать о девичьем. А голосов не слышно... Если ушли вместе, то куда и зачем? Надолго от "сарая" они не отойдут - забоятся. Сходить к ручью за рыбой - максимум полчаса. Значит, должны обе уже быть здесь. Почему тихо? А если это из-за меня? Ну да, Ирка вчера психанула. Ночью меня не было. Могла она забеспокоиться? Могла заподозрить, что я ушёл отсюда, в лес, скажем. Насовсем? Могла. И если сегодня из купели вышел мужчина, то они могли уговорить его пойти на поиски меня, болезного... Тогда придётся их догонять и возвращать!"

Молодое тело отреагировало привычно, выплеснув громадную порцию адреналина в кровь. Жар бросился в лицо Вольфу, мышцы встрепенулись в готовности что-то сделать, а сердце заколотилось в темпе буги, если не "Полёта шмеля". Но Андрей Григорьевич не

позволил глупому мальчишке суесться, довёл пассаж рассуждений до конца:

"А если тот, кто вышел из капсулы - мужчина, то он, как и я, обуреваем гормонами! Ни фиги себе, - обдало Вольфа мгновенным ужасом воспоминания, - он же обрадуется беззащитным тёлкам, как не знаю кто... Та-а-ак... И чем это им грозит? Худшее - оттрахает сначала одну, потом вторую... Даже последняя сволочь их не убьёт, оставит для сексуальных забав. А почему я считаю его подонком? Он может быть вполне приличным человеком..."

Эти рассуждения не мешали Вольфу осторожно и тихо двинуться в сторону командирской рубки. Обнаружив комнату пустой, Андрей открыл шкаф с ножами и огорчился. Двух не хватало.

"Хреново... Этот вооружился на совесть. Значит, реальный вояка. Или бандит..."

И Вольф остановился в тени коридора, не выходя наружу. На первый взгляд, в лагере всё было спокойно. Небольшой костерок горел, ветер доносил запах печёной рыбы, девушки сидели рядышком, что-то обсуждая. Высокий негр ковырял землю ножом, делая какое-то углубление. Вот он поднял голову, крикнул приказным тоном. Расстояние помешало понять суть, но америкэн инглиш Вольф опознал.

Берта поднялась, подошла к негру. Тот сунул ей какой-то длинный и узкий мешок, что-то гавкнул, указав на ручей. Интонация и жест не оставляли сомнений - это приказ. Андрей скрипнул зубами. Негр выглядел гораздо крупнее, чем нынешнее хилое тело Вольфа. Чёртов афроамериканец, как навеличивали негров политкорректные белые США и объединенной Европы - слишком походил на отребье Северной Америки.

Побывал земной юрист Андрей Григорьевич Вольф в США, стране желанной для многих русских. Не туристом, а приглашённым гостем. Не понравились ему бывшие приятели. Оштатились, американизировались, утратили русский менталитет – это одно, а вот что сама страна потеряла присущий ей, якобы – если верить писателям – азарт, сильно отвратило Вольфа от Америки.

Американцы с рождения до смерти вели себя, как малое дитя, чуть что вопящее: «Няня, на помощь!» Надеялись на государство в виде полиции, службы 911 и ещё чего-то, он не запомнил.

Встречались, конечно, считанные экземпляры, в которых бурлили жизненная энергия, но тех клеймили «адреналиновыми наркоманами». И вообще, у Вольфа сложилось впечатление, что полиция не любит слишком активных людей, которые могут постоять за себя сами.

Перед возвращением, убивая свободные полдня в Нью-Йорке, он отправился гулять, куда глаза глядят. В каком-то безлюдном месте шайка молодых негров потребовала у него бумажник. Безобидный на вид седой турист расшвырял грабителей, как кегли в боулинге.

Те поднялись, вооружились "выкидухами" и "бабочками", но невесть откуда появилась полиция и ухитрилась задержать одного бандита. И поверила черножопому, что русский пытался ограбить бедолагу. Ну да, на старике ни царапины, а у негритоса – ссадина на скуле...

Воспоминание промелькнуло, оставив после себя недовольство нынешним слабым телом Вольфа:

- Хрен я этого одолею. Он посолиднее. И руки длиннее. И масса больше... - вслух подытожил Вольф.

Похоже, беседа с собой молодым входила у адвоката в привычку. И ведь, действительно, проговаривая всё вслух, он соображал быстрее. Негр тяжелее. Длиннорукий. Значит, надо взять что-то солидное, дальнобойное. Что?

- Да жердь! Я же, как принёс, их за сараем сложил! Если близко к черножопому не подходить, то и ткнуть успею и отмахнуться!

Мастером восточных единоборств Вольф не был, но однажды попробовал бой на шестах. Был безжалостно бит, поэтому кое-что полезное из болезненного спарринга вынес. Научился крутить шест не хуже вертолётного винта. Бамбучина, вообще-то, так себе фигня, лишь для тычков в корпус и обманных ударов. Никакого сравнения с оглоблей или заборным колом.

Соображая, как будет биться с негром, Вольф перебирал заготовки. Выбрав самую гладкую, крутанул в одной плоскости, провёл тычок, удар вперёд, назад. Кивнул сам себе:

- Годится. Не колыт, но уравнивает наши шансы.

Сдвинул оба ножа назад, почти на ягодицы - чтобы не мешали. Жердь - в правую руку, посередине. Мысленно проверил готовность к драке и возможному поражению. Сам себе ответил: «Готов!» И

спокойно направился к негру, ожидая, когда тот оглянется. Чёрный среагировал на взгляды девушек похвально быстро:

- Who is this man?

- Хозяин этого места, - тоже на английском ответил Вольф, тотчас же переходя в наступление. - Что ты здесь делаешь? Как тебя зовут?

Негр явно растерялся. Его лицо стало серым, он огляделся по сторонам, то ли оценивая обстановку, то ли прикидывая, куда бежать. Но довольно быстро пришёл в себя и прорычал:

- Ай эм Робин Кинг!

**

Кафедра космогонии Новосибирского университета.

Общение с академиком Изяславиным складывалось сложно. Александр Андреевич, видимо, настолько привык царствовать на своём, академическом уровне, что просьбу Кичигина об аудиенции, посланную через личного референта, отверг. Посоветовавшись с начальником, Иван вызвал академика к себе, повесткой. Тот не явился.

Оскорблённый службист Таянов дал не менее рассерженному Кичигину разрешение доставить Изяславина силами полиции. Обрадованный возможностью показать спесивой научной - и не только, а вообще - элите силу закона, начальник полиции послал на кафедру не просто наряд полиции, а взвод ОМОНа.

Академика доставили в кабинет Кичигина бережно, без синяков, но в плотной упаковке из двух медведеобразных бойцов. Остальные организовали коробочку и нешуточно напугали всех, кто встретился им на пути во время доставки непокорного гражданина из университета.

- Товарищ следователь, задержанный доставлен, - бодро козырнул Ивану старший лейтенант, и подмигнул, показывая большой палец.

- Спасибо, товарищи бойцы, за оперативность, а то уже неделю за ним гоняюсь, - ответил Кичигин, подмигивая в ответ. — Минуту подождите за дверью, и, если я вас на помощь не позову, можете быть свободны.

Отпущенный Изяславин разразился потоком угрожающих слов тотчас же, как последний омовец покинул кабинет. Иван жестом предложил присесть, сел сам и прислушался. Минимум, что ему грозило, по словам академика, это лишиться погон и оказаться в

тюрьме. До максимума Изяславин добраться не успел, закашлялся, сорвав голос.

- Выговорились, товарищ академик?

- Воды! – попросил тот, грозя Ивану сухим кулачком.

Испив стакан холодной минералки, Изяславин немного успокоился и продолжил перечислять кары наглому следователю уже ровным голосом. Затем с интересом прислушался к звонку на мобильник Кичигина. Иван догадывался, что за академика будут ходатайствовать, но уровень его приятно поразил.

- Тебя предложено уволить, - весело прогудел Таянов, - и знаешь кто за бедолагу Изяславина вступился? Сам губернатор!

- Мне собирать вещи? – с вызовом уточнил Кичигин, заранее зная ответ.

- Чтобы я прогнулся? – деланно возмутился начальник. – Обижаешь. Как менты с ним обошлись, красиво? Ну, я и не сомневался. Начальник полиции уж очень доволен, благодарил за возможность по их мозолям потоптаться. Давай, Ваня, попрессуй науку, чтобы место своё знали!

Изяславин торжествующе поглядывал на следователя в течение короткого разговора. Дождавшись окончания, встал, намереваясь выйти:

- Получили? Впредь будете знать, как своевольничать. Прощайте! Никаких до свиданий!

- Куда вы? – осадил его Кичигин. – Я вас не отпускал.

- Так вам же звонили? И приказали отпустить. Я же слышал, вас уволили за самоуправство!

- Сядьте!

И следователь Кичигин с удовольствием прочёл заслуженному деятелю наук краткую лекцию, в которой выдержки из закона о Следственном Комитете перемежались пересказом статей Уголовно-Процессуального Кодекса.

- ...никто, даже мой начальник не может приказать мне, как поступать, если я следую букве закона. Он может отставить меня от дела, назначить другого следователя, но принимать решение за меня? Нет, - на торжественной ноте закончил Иван.

И всполошился. Изяславин вдруг утратил величавость, которая прежде не диссонировала с его маленьким росточком. А тут – словно

мороженое на жаре – оплыл, скособочился, сунул руку под пиджак, к сердцу.

- Вам плохо? Ещё воды?

- Нет. Не надо. Сейчас, иньектор сработает... Вот и всё... Я в порядке, - распрямился на стуле академик.

Его лицо порозовело, бордовость губ сменилась нормальным цветом, глаза остро глянули из-под лохматых бровей. Теперь он выглядел не помятым гномом из детских стереомультиков, а просто пожилым человеком, очень опрятно одетым. Иван Семёнович даже позавидовал умению так носить одежду. Он и сам умел стильно – не модно, а именно стильно! это большая разница, кто понимает – подобрать рубаху, костюм, обувь и аксессуары, начиная с авторучки, часов, и заканчивая заколкой для галстука. Но такая свобода обитания в хорошей одежде пока была ему недоступна. Видимо, стаж одевания маловат.

- Извините меня, как вас? Иван Семёнович, я был неправ, игнорируя ваши приглашения.

- И вы меня извините, Александр Андреевич. Я сожалею, что приказал доставить вас силами полиции. Возможно, мне следовало повторно записаться на приём... - искренне покаялся Кичигин, чувствуя некую вину перед пожилым и нездоровым, но активно работающим человеком.

- Да ладно, будем считать, что померялись письками, - неожиданно остро пошутил академик и первым захохотал, по-птичьи запрокидывая голову назад, - и ваша оказалась длиннее!

Отсмеявшись, они почувствовали облегчение, как большинство интеллигентных людей, когда взаимно извинятся, столкнувшись в дверях, например. Нелепо? Как знать, ведь сказано же, что ничто не стоит так дёшево и не ценится так дорого, как вежливость.

- Итак, чем могу быть полезен?

- Вы хорошо помните проект сдвига матрицы?

Изяславин покровительственно улыбнулся и популярно объяснил, почему сдвиг, он вовсе не сдвиг, а перемещение, что матрица – не матрица, а совокупность неких волн, частиц и ещё хрен знает чего, называемого эфиром.

- ...но суть проекта вы поняли верно. Перемещение материи в иную область вселенной. Я уверен, что последний зонд мы отправили

точно в галактику Андромеды. Если всё пойдёт по плану, то автоматика вернёт зонд примерно через полгода-год. И мы получим несравненные с прежними результаты...

- Я должен вас огорчить. При расследовании скоропостижной смерти адвоката Вольфа нами установлены случаи саботажа при подготовке упомянутого вами зонда. Проще говоря, к Андромеде отправился не совсем тот груз, который вы запланировали.

Академик не поверил. Он заговорил быстро, горячо, доказывая, что автоматизированная система комплектования и загрузки, разработанная и многократно опробованная, обкатанная до безупречности – исключает сбои. Кичигин слушал перечисление фамилий руководителей подпроектов, академиков либо маститых профессоров, и с грустью думал, насколько же доверчивы – до наивности! – умные люди. Вот этот академик даже подумать не мог, что некий мальчишка, разобиженный или амбициозный, вмешается в его продуманный до мелочей проект, чтобы извратить или разрушить дело всей жизни.

- Увы, Александр Андреевич, факты говорят сами за себя. Вот, послушайте.

И включил воспроизведение допросов Аристарха Иванова. Начиная с первого, в гараже. Позже, часа через полтора, дошла очередь до исповеди Мухортова, разработчика нового шлема для ментографирования в игровой капсуле. Изяславин смотрел и слушал, по ходу говоря что-то в диктофон. Утомившись, он попросил пощады:

- Мы можем продолжить разговор завтра? Мне надо проверить, читал ли я предложения этого, как его? Иванова. Я почему-то их не помню...

- Конечно. Завтра так завтра. Но не позже. При всём уважении я должен провести допрос, а сегодня мы его даже не начали.

- Допрос? – вяло удивился академик.

- Да. Стандартная процессуальная форма снятия показаний со свидетелей, пострадавших и подозреваемых...

- И кто я?

Кичигин замялся. Врать не хотелось, а говорить правду – тем более. Изяславин и без того сегодня получил предостаточно новых ощущений. Но тренированный ум академика сделал вывод из заминки следователя:

- Пострадавший и подозреваемый, понятно. Пожалуй, вы вправе так думать. Халатное отношение к своим обязанностям куратора проекта вы мне пока вменять не стали, хотя сам я это теперь уяснил... Во сколько мне завтра приехать?

Согласовав удобное для Изяславина время и пожав ему руку, Иван долго сидел, тупо глядя в одну точку. Интеллектуальное превосходство академика так явственно ощущалось во время беседы, что буквально размазало его. И сейчас следовательно по особо важным делам требовалось собрать себя в кучку. Иначе он не смог бы заниматься делами, которые лишь назывались важными. Рядом с Дальним Космосом они и на «делишки» не тянули.

Опять клубилось внутри Кичигина глухое, не высказываемое, но ощутимое чувство напрасного прожигания жизни. Что он, следовательно, полезного для человечества сделал? Внесут ли когда его имя на страницы Всемирного справочника?

И будет ли написано там что-либо кроме дат рождения и смерти?

**

Неизвестная местность. Приручение морпеха

Наверное, негр рассчитывал напугать белого юнца своим видом, потому что напряг все мышцы, приняв позу культуриста, стоящего на подиуме перед судьями. Скорее всего, в прошлой жизни он серьезно занимался бодибилдингом, но сейчас, в новом теле с неразвитыми мышцами - это выглядело так уморительно, что Вольф расхохотался.

- Я морпех! - пафосно воскликнул негр, чем ещё больше напомнил Андрею старый, ещё школьный анекдот.

лучники, выйдя на стрельбище и пустив стрелу, так же горделиво представлялись. Первый, попавший в яблоко на голове судьи, сказал: "Ай эм Вильгельм Телль!", второй: "Ай эм Робин Гуд!", а третий, угодивший стрелой в лоб судье, извинился: "Ай эм сорри". Вот адвоката на смех, точнее, на ржач, и пробило с такой силой, что он бросил жердь и утирал слёзы.

Негр опешил. Ну, никак он не ожидал такой реакции. Бросаться в драку на человека, который тебя не испугался, который не проявил агрессии? Для этого надо быть полностью отмороженным, а морской пехотинец таковым не являлся. И он несколько обиженно спросил:

- Что смешного?

Вольф утёр слёзы:

- Я не над тобой, - и тут же закрепил слабые ещё, но уже не вражеские отношения, - сейчас объясню. Хорошо, что ты морпех. Нам такой и нужен. С девушками познакомился? Вот и славно. А меня зовут Вольф. Можно Эндрю.

И уже обращаясь ко всем, громче:

- Как у нас с едой? Кстати, девочки, я выздоровел. Так что пора заниматься неотложными делами.

Немного позже, уплетая печёную рыбу, Андрей Григорьевич выслушал историю Робина, который уснул в армейском госпитале, куда попал после неудачной потасовки, а проснулся уже здесь. Берта с Ириной объяснили удручённому морпеху, куда он попал. Тот растерялся окончательно. Какое там "качать права"! От переживаний Робина не отвлёк и озвученный Вольфом анекдот, над игрой слов которого всласть посмеялись девушки.

**

Протокол и видеозапись допроса Аристарха Иванова

Дата: 27. 08. 2123 года.

Время: 09:00.

Место: кабинет следователя Кичигина, Новосибирское отделение Следственного Комитета.

Допрос подозреваемого Аристарха Ильича Иванова, рождения 14.03.2091 года, ведёт следователь Иван Семёнович Кичигин.

Запись допроса производится штатным видеорегистратором кругового обзора № 3901276, дата последней поверки 13. 05. 2123.

Присутствуют: подозреваемый и следователь.

Видео-аудиозапись:

К. Представьтесь, пожалуйста.

И. Аристарх Иванов.

К. Аристарх Ильич, сообщаю вам, что на основании показаний других членов вашего сообщества «Очкмелые ручки», а также исходя из фактов, полученных следствием, вы являетесь подозреваемым в создании преступной группы. И вероятным руководителем. Вам известно, чем это грозит?

И. Да. Вы меня в прошлый раз просветили. И кодексы я тоже прочитал, в камере сидя.

К. Это не камера, а номер в служебной гостинице.

И. Да как ни назови, а не дома.

К. Тут вам никто не виноват. Зачем вы пытались установить связь с абонентами в Северной Америке, Ближнем Востоке и Африке?

И. Я же объяснял! Они должны вернуть мне мобильные шлемы! А не снимать дополнительные ментограммы! Генка задрал уже нытьём – вдруг они ещё кого убьют!

К. Генка, это Мухортов?

И. Да. С чего он решил, что ментографирование убивает?

К. Есть доказанный случай, что после снятия ментограммы человек скончался.

И. Вы про Вольфа?

К. Про него.

И. (неуверенно) Может, наоборот, мы его спасли. И там, (неопределённо машет рукой вверх) в Андромеде, он жив и здоров благодаря снятой ментограмме.

К. Гипотетически. (гневно) А практически – ваша банда убила человека!

И. Я не думал, что так получится. Я хотел как лучше, чтобы человечество владело галактикой...

К. Ладно. Давайте займёмся насущными делами. Итак, что вы можете показать по части контактов с другими участниками вашей группировки?

И. Про Мухортова вы знаете. Он гений, если что надо сочинить, отладить, на коленке сделает. Левша с золотыми руками. И с золотой головой. Не знал, что он сентиментальный такой. Надо же, как близко к сердцу принял смерть Вольфа... Переживает, как по родному...

К. А вы нет?

И. Все мы когда-то умрём. Главное, не впустую прожить. Ваш Вольф вон как прославился! Поэтому его хоть недолго, но будут помнить. А кто вспомнит о Генке, о Ваське или обо мне? А вот если человек укоренится в Андромеде, вы представляете, какой прорыв будет!

К. Мечтаете о мировой славе? Идя по трупам?

И. Мечтаю. Все мечтают. Даже вы. Только помалкивают. А я говорю честно, да. Хочу быть знаменитым, но не как скоморохи, которые на эстраде выделяются. Чтобы человечество меня запомнило. А трупами меня попрекать не надо. Ивана Грозного в

учебнике честят наравне со Сталиным, с Петром Первым, с Гитлером, а он людей убил меньше малого. Зато как страну поднял!

К. Вернёмся к теме. Как вы установили связь с заграничными контрагентами, которые поставляли вам ментограммы и образцы тканей?

И. Я же рассказывал! Вы что, не записываете?

К. Ещё раз повторите.

И. (сокрушённо вздыхает) Всё просто. Я вошёл в систему Академии, это просто, когда изнутри. Из транспортного департамента, я имею в виду. Вошёл, прописал себе права админа, но так, чтобы штатный администратор меня не видел, а потом зарегистрировал себя как заместителя Изяславина. И всё. Разослал от своего имени письма с просьбой прислать пробы тканей и ментограммы, якобы, для проведения сравнения. Что, трудно найти подходящую тему? Все ответы и материалы шли в транспортный терминал, в доставку, а я через Васьки Рифеева доступ рулил...

К. С его разрешения?

И. Буду я у него спрашивать! Он в каргодоставке подрабатывал, а там только безрукий не впишется.

К. Но вас могли в любой момент разоблачить. Кто-то обратился бы к Изяслаvinу вживую, на любом симпозиуме, а он невкурсах. Проверит, и всё, вы спалились.

И. Вы, товарищ следователь, речь свою не коверкайте понапрасну. Наш сленг вам не к лицу, и я на такие штучки не ведусь. Своим вы не станете.

К. Хорошо, буду говорить на своём жаргоне. Как вам удавалось избежать разоблачения, когда иностранные коллеги спрашивали академика Изяславина о письмах, которые вы отправляли от его имени?

И. Дважды его референт справлялся у Искина по этой теме. Искин отсылал запросы мне, а я переводил стрелки на темы, прошедшие Учёный Совет. И всё. Деньги копеечные, я своими платил, так что бюджет не пострадал.

К. А те ментограммы, что из Африки и от арабов? Кто их снимал, кто отсылал?

И. Там ещё проще. Я взял отпуск и смотался в Оман и Абиссинию. Заплатил врачам муниципальных больниц, научил

пользоваться шлемами. Там до сих пор идут мелкие войнушки. Договорился, что будут снимать ментограммы у людей образованных, которых они под наркозом оперируют. Да сколько они там прислали, даже сотни не набралось! А европейцы согласились без оплаты ментограммы снимать, в травматологиях. Я их замотивировал, типа, сравнение делать будем, по качеству. Мол, на будущее. Ой, немцы, вообще, страна непуганых идиотов! Французы, те ещё покапризничали, а эти – сами предложили, и да, сняли полторы тысячи...

К. Вам известно о смертных случаях при снятии ментограмм?

И. Кроме Вольфа? Нет. А что, были?

К. Я вас спрашиваю.

И. Не было.

К. Допрос закончен в 10:00. Аристарх Ильич, один вопрос не для протокола?

И. Что?

К. При задержании вы сказали, будто посылали академику Изяслаvinу личное письмо с предложениями. Копия сохранилась? Мне интересно, что вы ему предлагали...

И. В переписке, наверное. Не письмо, а дополнения к его программе. Страниц на двести. Да он их и смотреть не стал. Кто я и кто он? Чихал он с присвистом на лаборантов, когда к нему другие академики в очередь месяцами стоят.

К. Вкратце можете сказать, что вы предлагали и как? В какой форме?

И. А самому прочесть лениво? Ну, ладно... Как в любой научной работе, обзорно изложил перспективы, перечислил возможности, обозначил цели в той галактике и во вселенной в целом. Критикнул его проект за робость замысла... Скорее всего, письмо застряло на уровне референта. Кто же рискнёт нести шефу обидное предложение. Дурак я, надо было мне его домой послать, в закрытую личку. А я обиделся...

К. Как-то странно вы обиделись. (молчание). Ладно. Спасибо за честный ответ.

**

Неизвестная местность. Проблемы перенаселения и единоначалия
Спустя неделю в "сарай" теснилось уже пятнадцать человек. Судя по темпу, в котором медицинская комната поставляла новичков, та

вышла на рабочий режим. Каждые сутки репликаторы добавляли колонии двух человек. Кончалась одежда и обувь. Коридор стал перенаселённым. Народ спал вповалку. И с едой возникли трудности. Три мордушки едва-едва обеспечивали минимальные потребности растущего населения, а копытные удалились от «сарая» километров на пять, так что о мясе приходилось лишь мечтать.

Первая четвёрка взяла на себя руководство лагерем репликантов. Вольф разбил прилегающую территорию на зоны, отвел место под отдельные гальюны, установил на берегу ручья вешки для раздельного умывания, для забора воды. Обозначил спальные зоны, показал, как соорудить шалаш. Поручил Ирине с Бертой заняться поиском злаков, съедобный корень в степи и в забое.

В сопровождении Робина те несколько дней ходили вокруг «сарая», постепенно расширяя окружность. Все найденный коренья запекали. Пробовали маленькими кусочками, ждали несколько часов, увеличивали дозу. Отравлений пока не было, но тех корнеплодов-то нашли совсем немного – одному досыта не поесть!

похожие на земные злаки - оказались разной спелости. Запомнив внешний вид самых твёрдых, девушки организовала их сбор. За день удалось набрать пару килограммов. Робин попробовал съесть по пригоршне. Позвал в помощь Андрея. Тот одобрил, разрешил поесть женщинам. После чего зёрна стали собирать усердно, даже создали небольшой запас. Как молоть – не додумались, просто замачивали в воде и жевали, словно коровы.

Чтобы не жить вовсе без мяса. Андрей сплел ещё пять мордушек. Назначил испанца Хосе ответственным за их проверку и обработку выловленной рыбы. Впроголодь, но колония пока питалась регулярно, дважды в день. А Вольф с Робинем придумывали способы охоты на копытных. Надеюсь, что из хорошо, до звона высохшего корня, получится охотничий лук, Андрей приступил к его обработке.

Осторожно соскабливая древесину и проверяя форму сгибания, он выравнивал оба плеча лука. Тетива, упрочнённая тройным плетением в месте наложения стрелы, зазвенела струной. Тщательно отобранные, скруглённые и слегка обожжённые в пламени стрелы, изготовленные из расколотой прямой жерди, лежали на обрывке оленьей шкуры.

Проблема с оперением – ну, не водилось на планете птиц, совсем не водилось! – заставила применить бумагу. Её пришлось вставлять в

расколотый хвостовик, а потом обматывать шнурком раскол выше и ниже оперения. Получилось скверно, но что это значило по сравнению с отсутствием наконечников!

Опрос населения показал, что готового лучника нет. Пришлось Андрею изучать искусство лучного боя, или как называлось это умение на старой Земле? Испытания выглядели солидно. Закрепив на колу квадратный кусок давно истрёпанной оленьей шкуры из первой и единственной добычи, Вольф наложил стрелу, поднял лук на вытянутой руке, зацепил тетиву двумя пальцами, как видел в кино, и потянул её к носу.

Пальцам стало больно, тетива выскользнула и швырнула стрелу примерно в направлении ручья. Там она и пропала. Долгие поиски ничего не дали. Пришлось брать другую. Эта пролетела ниже мишени. Потом выше. Потом правее. Снова правее. А тетива била по предплечью. Больно, хотя и терпимо. Вольф вспомнил о накладке на руку. Для простоты обмотал предплечье футболкой. Где-то на третьем десятке попыток стрела попала в шкуру, сорвала с кола. Но на пальцах уже образовалась мозоль, какие в молодости возникли при игре на гитаре. Андрей сделал печальный вывод:

- И здесь нужна долгая тренировка. Скверно. Может, с копьями будет проще?

Вольф с Робинсом совершили пару рейдов в лес, наготовили и принесли в лагерь ещё вязанку жердей, как заготовок для копий. Попутно нашли десятка два камней, более-менее плоских, подходящих для растирания зерна, и десяток круглых – для варки супа. Берта поделилась вычитанным способом, индейским, когда раскалённые камни бросают в кожаный мешок с водой, вынимают, снова греют и так, пока вода не закипит и каша не поспеет.

Морпех сумел прочно закрепить тесак на древке и каждый день устраивал тренировки по метанию полученного копья в цель. У всех мужчин, включая его самого, получалось скверно. Попробовали привлечь к добыче мяса женщин. Загонная охота, когда копытных пытались гнать на лежащего в засаде Робина - закончилась провалом. Зато удалось отогнать прайд степных львов от полусожранной туши и устроить праздник живота.

Бунта удалось избежать. Новые женщины подчинялись безропотно. Испанец тоже помалкивал, видя, как Робин, Ирина и Берта

демонстрировали лояльность Андрею. Языком общения оказалась смесь английского и русского, с небольшой примесью немецкого. Один испанец, две итальянки и четыре арабки вынуждены были осваивать эту смесовую речь. Но разнородная колония не желала спланиваться, распадаясь на группки.

Хуже всего вели себя мусульманки-арабки, реплицированные друг за дружкой. Они сразу замкнулись в себе, передвигаясь только вчетвером, даже в туалет. Ели, сидя спиной к остальным, не развязывая головные уборы, которые сделали из обрезанных маек. Выглядели они безлико и страшновато, как ниндзя, потому что опознать, кто из них кто, можно были лишь по глазам, которые единственные из лица не укрывались импровизированным никабом.

Берта с Ириной, вспомнив знаменитого товарища Сухова из вечного фильма «Белое солнце пустыни», обращались к арабкам совокупным именем: «Аватиф, Хикма, Лулу, Маса». Мужчины - Хосе, Робин и Андрей - старались не приближаться к мусульманкам, а итальянки откровенно презирали тех:

- Дикарки. Не так просто из них террористок готовили. И воняет от них. Не моются, что ли?

С появлением поляка, украинца и двух французов, атмосфера в колонии стала предгрозовой. Тревогу забил морпех. Оказывается, Збигнев и Остап, за пару дней выстроили собственную иерархию, подмяв франков. Испанец Хосе, судя по синякам на лице, в группу войти отказался. Пристав с угрозами к Робину, хохол с поляком получили болезненный урок, Андрей даже вступить за друга не успел.

Подоспевшие на шум Ирина с Бертой потребовали немедленного разбирательства. По факту, вся колония уже собралась у входа в «сарай» неровным полукругом. Збигнев с компанией начали первыми:

- Мы здесь все равны, все неправы, все заброшены сюда насильно, против нашего желания. Чтобы не умереть с голоду, надо работать в команде, а то никто не знает, что ему делать завтра... Эти, - поляк показал на четвёрку Вольфа, - обманывают нас. Сами жрут в три горла и пшеницу, и рыбу, а нас держат впроголодь. Нам надо выбрать другого главу нашего поселения. Кого вы хотите?

Остап поддержал приятеля:

- Долой узурпаторов! Предлагаю Збышека. У него есть опыт, он на земле работал помощником депутата Варшавского Совета.

Вольфа подвела земная адвокатская привычка «расшивать конфликты» миром. Он ошибся, вступив в переговоры:

- Хотите демократических выборов? Когда никто никого ещё не знает? Давайте подождём пару месяцев, решим проблему жилья, обеспечим себя едой, тогда и проведём голосование...

Збышек подал знак своей команде, то хором принялись скандировать его имя. Робин шагнул было вперёд, но Вольф сделал вид, что ничего особенного не произошло, удержал морпеха, повысил голос:

- У НАС ЕСТЬ СТИХИЙНО СЛОЖИВШИЙСЯ СОВЕТ! ОН УЖЕ РУКОВОДИТ ВСЕМ...

Остап оглушительно свистнул, сунув пальцы в рот. Берта запоздало дёрнула Андрея за рукав и зло зашипела в ухо:

- Что несёшь? Ты руководитель, ты!

- Вот именно! - гневно глянув на супруга, крикнула Ирина. — Вольф раньше всех появился здесь, он проводил разведку, он начал ловить рыбу. А Збигнев ваш - бандит!

Шум, крик, свист длились минут десять, пока четвёрка Вольфа и четвёрка Збигнева не убедились, что имеют паритет. Хосе, маленький испанец, встал между ними и убедил, что в устроенном бедламе собрание проводить бессмысленно. Стороны договорились обсудить тему выборов завтра утром. И все разошлись.

В рубке Вольф выслушал кучу упрёков — подставил всех нас и так далее... Обидные, но справедливые, они зацепили в душе циничного адвоката что-то неожиданно болезненное. Возможно, совесть. Ах, как не хотелось Вольфу принимать решения, нести за них ответственность! На той Земле он ничем не рулил, работал только за деньги, потом за большие деньги. И только на себя, даже выступая от имени общества. А тут?

«Зачем мне эта нагрузка, за которую благодарностей и выгод не обретёшь, зато пощёлки и плевки в спину — как у ёжика иголок!» - думал он, выслушивая от Берты и Ирины слушаая гневные требования навести в колонии порядок:

- Так дело не пойдёт! Что за драка? Что за балаган? Да кто он такой, этот Збигнев? Узурпатор нашёлся! Сегодня возьмёт власть,

завтра нас вон погонит, а вы тут в демократию играете? Мы первые, нам и рулить!

Вольф не выдержал давления, возразил:

- Демократия, чего вы хотите. Завтра проголосуют за совет, и...

- Ты опять? Какая демократия? – единым фронтом наехали на Андрея девушки, а Робин гулко откашлялся и поддержал их:

- Зачем? – отказался Вольф, и пояснил, почему на верховенство никогда не претендовал, опытным руководителем себя не считал, и присваивать себе право отдавать кому-то команды не желает категорически. - Максимум, на что я способен, это поделиться опытом, дать рекомендации. Ну, наметить план действий. Вы же сами это и делаете. Коллегиально...

- Нет, нужен президент! – категорично предложил Робин. - Главнокомандующий.

- Вот и команду. Ты сильнее всех, а в морду дашь без колебаний, не то что я. Вон, авторитет какой, в два раза тяжелее моего, - и показал на кулачище негра, действительно, с пудовую гирю размером.

Морпех расхохотался. Его чёрное лицо выражало такое веселье, что девушки тоже засмеялись. Один Андрей остался серьёзным:

- Чего ржёте?

- Нет, - возразил Робин, переставая смеяться, - я военный. Подготовить бойцов, наладить оборону, кстати, давно пора, вот это я могу сделать отлично. А руководить гражданскими – не моё.

- Тогда ты, - Вольф ткнул пальцем в Ирину. – Тебе любого понять и убедить, как нечего делать, товарищ психолог.

- С чего бы? - отмахнулась Ирина. – Экстремальные условия, мой дорогой, это вызов, на который обязан ответить мужчина. Он сильнее, он резче реагирует, он природой для этого и создан.

- Ты! – палец Андрея переместился на БERTУ. – Ты готовый руководитель. У тебя там, на химзаводе, в подчинении, небось, сотня была. И голова хорошо работает, всё помнишь, не то что я...

- Даже не думай. Я экономист, логистик, а не командир.

В рубке наступило молчание. Две женщины и негр смотрели на Вольфа без улыбки, ожидая ответа. На их лицах читалось убеждение, что тащить хомут управленца никто, кроме Андрея, не намерен.

- Самоотвод не примете? Ладно, убедили, никакой демократии. Будет вам тирания. Нет, деспотия!

И тут снаружи раздался женский визг, к которому добавились множественные женские крики:

- Спасите, помогите!

**

Протокол и видеозапись очной ставки А. Иванова, Г. Мухортова и
В. Рифеева

Дата: 28. 08. 2123 года.

Время: 09:00.

Место: кабинет следователя Кичигина, Новосибирское отделение Следственного Комитета.

Допрос подозреваемых ведёт следователь Иван Семёнович Кичигин.

Запись допроса производится штатным видеорегистратором кругового обзора № 3901276, дата последней поверки 13. 05. 2123.

Присутствуют: подозреваемые и следователь.

Видео-аудиозапись:

К. Представлять вас друг другу не надо?

И. (с натушной весёлостью) Мы ещё не забыли, кто как выглядит.

Р. Я этих двоих хорошо знаю...

М. Да. Это мои друзья, Иванов и Рифеев.

К. Нам надо уточнить некоторые детали вашего преступного сотрудничества.

И. (дерзко) Мы не преступники!

М. Арик, не спорь. Я убил человека.

Р. Генка, что ты мелешь? Не ты, а он сам умер. От старости.

К. Нет, господа подозреваемые, Вольф скончался после снятия ментограммы и – подчёркиваю мнение эксперта! – вследствие перенапряжения. Проще говоря, подстегнув его изношенное сердце инъекцией амфетаминов и добавив нагрузку, а игра требует энергичной работы мозга, вы довели человека до состояния, когда у него просто закончились силы. Загнали, как усталую лошадь.

И. Не мы, а кибер. И вообще, вся вина лежит на мне. Я программировал того кибера на вмешательство, мне и отвечать...

Р. Да шаз! Я отдал модулю приказ найти подходящую особь!

И. Парни, не надо меня выручать. Это мой шлем, моя капсула...

К. Не надо спорить, господа подозреваемые! Суд определит, кто в чём виноват, это его прерогатива. Мне надо выяснить, кто из вас был

организатором вашей группы. Судя по показаниям Мухортова, приглашение вступить в «Очумелые ручки» послал Иванов? Верно?

М. Да.

И. Верно, я решил, что так будет понятно. И заманчивее.

К. Кто и когда пригласил в группу вас, господин Рифеев?

Р. Никто. Я сам попросился. Когда я увидел, как Арька лихо программирует кибер-уборщика под овчарку, мы разговорились. Он сказал, что есть глобальный замысел, который изменит судьбу человечества. С этого и началось...

К. Уточните, Иванов вас уговорил, сагитировал принять участие в работе «Очумелых ручек»?

Р. Я предложил ему разослать приглашения от «Ручек», чтобы выбрать нужных нам людей из тех, кто согласится. Ведь тогда, в универе, были и просто балбесы, кому поприкалываться интересно. А тут надо было работать. Как Генка, всерьёз.

К. Вы встречались для обсуждения плана действий группы?

И. Несколько раз. Стратегия подмены была вчерне разработана мною, а в ходе обсуждения тактики мы сообща её доработали. И тут Васька, как спец по логистике, внёс свою лепту...

Р. Я же в каргодоставке работал, мне и карты в руки. Добавив компактзаводы по производству биодобавок, по добыче металлов, по мелкосерийному производству и другие, которых не было в загрузке, нам пришлось менять номенклатуру грузов...

И. ... а это никто, кроме меня сделать не мог. Чтобы незаметно для Искина. Как заместитель Изяславина, только я имел полномочия утверждать замену.

М. Не верьте ему, товарищ следователь! Он хочет всё взять на себя, а это не так. Перепрошивкой программ у кибер-доставщиков мы занимались вместе. Я ведь не только системотехник, но и программист нехилый. Арик в основном защиту от вскрытия наших программ писал, а я сами программы, ведь мобильный шлем – это разработка моего отдела. Пионерная!

И. Генка, нас спрашивают, кто организовал. Начал эту бодягу я, значит, и организатор я. А вы оба – пособники. Правильно, товарищ следователь?

К. Неправильно. Подельники. Пособник – тот, кто помогает или обещает помочь при подготовке преступления, укрывает преступника

и так далее.

Р. Нет. Организатором был я. Предложил работать от имени «Ручек», предложил разослать приглашения, потом отсортировал лишних...

И. Врать не надо! Я отсылал приглашения, я выбрал Генку. Одного из десятка, которые согласились. Значит, я организатор.

Р. Ты диспетчер, твое дело техническое! А загрузка шла через меня!

М. А я, значит, у вас подай-принеси был? Ну, знаете, мы так не договаривались! Я тоже руководил!

К. Господа подозреваемые, уймись! Суд решит, кто из вас кто. Давайте уточним, как вы производили изменение номенклатуры грузов. И откуда взялись компактзаводы. Вы так хорошо потёрли концы здесь, что наши эксперты только на лунной площадке нашли нужные записи. И пока не разобрались в них.

И. Да ничего сложного! Это типовые заводишки, которые в нашей планетной системе применяются. На астероидах, чаще всего. На Марсе тоже. На Юпитере. Парни доработали их в плане экологичности...

Р. Какие парни?

М. Ты ничего об этом не говорил!

И. (смущенно) Ну... Вась, ты всё равно бы зарубил их участие. Сам же говорил, что знают двое, то знает и свинья?

М. Я – свинья?

Р. (возмущенно, к Иванову) Ты! Как ты мог? Я же не о том, а о секретности! (к Мухортову) Это не о тебе. Я об Академии, чтобы никто отсюда не знал о нашей задумке, а он?

И. (оправдываясь) А они не наши. Два немца и китаец. Они мне в шахматы на желание проиграли. И отработали, как я попросил.

К. (в сторону, восхищённо) Вот авантюрист! А если бы проиграл?

И. (услышав). Было, проигрывал. Проги писал, отдувался. Но выигрывал чаще.

К. Господа подозреваемые, спасибо за сотрудничество. Допрос окончен в девять сорок две.

**

Неизвестная местность. Сепаратисты

Выбежав на визг и крики о помощи, Вольф увидел Остапа, который норовил содрать с одной арабки никаб, пока остальные визжали и хлестали хохла прутьями. Робин оценил ситуацию раньше и за шиворот оттащил агрессора от женщин:

- Как ты смеешь?

- Отстань, не мешай ухаживать, - вырвался из рук морпеха Остап.

- Эй, парубок, - гаркнул Вольф, - не распускай манипуляторы! В торец хочешь?

Робин шлёпнул кулаком в ладонь, демонстрируя готовность набить наглецу морду – а мог, мускулатуру успел нарастить нехилую. Да и Вольф выглядел намного сильнее хулиганов. И всё же Збигнев, подбежавший к Остапу, откровенно послал защитников:

- У вас бабы есть, а у нас нет. Нам и поугovarивать нельзя?

- Можно. Днём. И в романтической обстановке. Не группой.

Итальянки что-то защебетали. Потом перешли на русский. Оказывается, предвидя агрессию мужчин, они недавно попросили испанца Хосе охранять их. А тот сказал, мол, надо посоветоваться с Робинем, ушёл куда-то и до сих пор не вернулся. Морпех встревожился, упрекнул Андрея:

- Говорил тебе, они банда! И охранять лагерь надо. Один я не справлюсь. Не звери, так эти нападут, - он кивнул на банду Збигнева.

На призывные хоровые крики испанец отозвался не сразу, а появился, почему-то со стороны забоки. Оправданиям, дескать, в туалете, задержался, веры никто не дал.

- Струсил. Его понять можно, их них любой плюнет – он развалится. Не нравится мне Збышек, - сумрачно поделился тревогой Робин. – Все они не нравятся.

- Ты думаешь...

- Да. Сегодня спать не придётся. Прирежут они нас втихаря, и всё, остальные покорятся.

Испанец придвинулся ближе, горячим шёпотом заявил:

- Вы хорошие люди, я с вами. Давайте нести вахту попеременно.

Робин поддержал предложение Хосе. Вольф кивнул, огорчённо думая, как опасны волнения среди вооруженных - пусть и тесаками, но вооруженных же! – людей. И насколько же разно устроены люди. Даже здесь, в неведомых краях, на неизвестной планете, и на тебе –

появились четверо парней, готовых стать организованной преступной группировкой.

Да, «совет четырёх» - он усмехнулся, вспомнив, как его только что пропесочили за дурь - прав стопроцентно. Никакой демократии, пока социум не созреет, только диктатура! Диктатура честного и умного человека. И если его, Вольфа, считают таковым – он примет, он потянет эту ношу.

После скудного завтрака и принятия в общество двух новых членов Ирина предложила всем сесть полукругом на костровой площадке. Полукругом не получилось, народ разбился на три группы и нескольких одиночек. Арабки отдельно, Збышековы парни отдельно. «Вольфов совет» и Хосе – тоже отдельно, хотя почти сразу к пятерке примкнула новенькая девушка, русская.

Краткий доклад Берты о скором исчерпании ресурсов, хранящихся в рубке, общество встретило недовольным гулом. Более подробный отчет Ирины о складах «сарая», который теперь величался космическим челноком – перешёптыванием. А выступление Вольфа о его решении принять руководство на себя - полной тишиной.

Затем группа, куда вошли французы, сам поляк, Остап, и венгровичок, заявила, что отделяется и уходит - жить отдельно. Збигнев, как очевидный лидер, громогласно пояснил, что свободолюбивые европейцы не позволят москалям и американцам помыкать собой:

- Мы требуем справедливого раздела имущества, находящегося на челноке. Половину одежды, половину оружия и половину всего оборудования или запасов, которые будут найдены в будущем. И две мордушки мы заберём с собой. Хватит жить впроголодь! Конфедерация Новая Европа является мирным государством, но если что, способна защитить себя!

- Что вы несёте? Кто на вас напал, кто обидел, чтобы защищаться? – попробовал добиться ответа Вольф.

На что Збышек многословно вывалил бредовые упрёки России и Турции за некогда отнятые земли, убитых или угнанных в рабство поляков и полячек. Обозвал Вольфа представителем нации агрессоров, а на попытку указать на немецкие корни последовало обвинение в фашизме:

- Гитлер со Сталиным погубили Польшу! Мы не позволим вам закабалить Новую Европу!

Украинец Остап, согласно кивая, поддакнул лидеру:

- А за Крым вы мне ответите, когда наша конфедерация наберёт силу. Зацените, что мы не стали брать власть в свои руки, хотя могли бы. И хрен бы ты, Ондрейка, остался главным. Понял?

Выслушав вторую пламенную речь, произнесённую на неплохом английском языке, Вольф кивнул:

- Сами-то понимаете, что мелете? На Земле мы все вместе, в одном Союзе, и давно никаких территориальных претензий. Там вся земля ваша. Польша, как мечталось, от моря до моря, Украина –такая же, бескрайняя. Но это там, где мы были разными этносами, а здесь-то мы один этнос, общий. Мы земляне, парни! Какой ответ, кому?

- Москаль и здесь москаль, - выкрикнул и выругался Остап, - хуже жидяры мозги засирает!

- Не хотите жить вместе, и не надо. Скатертью дорога. Но контакты с нами поддерживать будете? Вдруг у нас что-то полезное появится?

- Только для контроля за находками в складах и для справедливого обмена, - гордо согласился Збигнев. - Когда мы устроимся и полностью обеспечим себя мясом, будет торговать с вами излишками. Потом, попозже, если кому-то из остающихся захочется к нам – милости просим. Примем на правах частичного гражданства. Женщинам, естественно, льготы.

Робин спросил Берту:

- Он бредит? Не согласен быть землянином!

Та пожала плечами:

- Говорят, что мы их предков когда-то убили и ограбили. Я такого не помню, но толку-то спорить? Для себя они правы. Лишь бы воевать не надумали. Мы ведь намного слабее. Смотри сам, из одиннадцати остающихся - мужиков всего трое. Вы с Андреем и Хосе.

Ирина возмутилась, крикнула на Остапа и Збышека:

- Идиоты, навывдумывали себе обидки детские! Да бога ради, сваливайте куда хотите! Но почему вы претендуете на половину всего имущества? Вас едва-едва треть! И кстати, мордушки общественными не являются, их сплёл Вольф!

Збигнев возразил:

- Нет, они уже стали общественными. И по справедливости нам причитается две, ведь вы остаётесь на всём готовом, а мы уходим.

Вольф великодушно махнул рукой:

- Забирайте. Я ещё две мордушки сделаю, это несложно. Каркас выведу, а дамы боковины заплетут. И что я раньше не додумался их на поток поставить? Но с имуществом ваш вариант не пройдёт. Берёте только то, что на вас уже есть, и ничего впрок. Мы не знаем, сколько ещё человек прибудет, что им, голышом ходить? Когда ревизию складов закончим, разберёмся, что нашли, тогда и будем делить.

Збышек попытался настоять на своём, но Робин, устрашающе вращая глазами, оскалился:

- Тебе сказано? Или в мятеж поиграем?

Численный перевес в мужчинах, конечно, был на стороне «Новой Европы», но толерантность прошлых жизней сказалась или уверенность противника – поляк отступил на шаг. Остап тоже отшатнулся, когда чёрнокожая громадина нависла над ним. Прочие европейцы просто трусили, чуть не бегом отошли подальше. Морпех развил успех, рыкнул, положил руку на тесак. Вольф подхватил заблаговременно положенный вдоль пандуса боевой шест – укороченную жердь, с которой выходил когда-то против Робина. Крутанул перед собой, догнал негра, прикрывая того слева. Збигнев побледнел, поднял ладони перед собой, растопырил пальцы, акцентируя жест:

- Всё-всё! Уходим.

- И немедленно! – дожал сепаратиста Андрей, а когда смутьяны ушли, скомандовал. – Не расходиться. Запомните, цель у нас – вернуться домой. А первая задача – выжить. Робин, ты отвечаешь за безопасность лагеря и за жизнь каждого колониста. На тебе охрана от зверей, сепаратистов и местных жителей, если такие здесь есть.

Морпех козырнул, принял уставную стойку, рявкнул:

- Слушаюсь, сэр!

- Вторая задача - не подохнуть с голоду. Берта, на тебе сбор зерновых. Решай, надо ли готовить пашню, как и когда засеять. Вечером доложишь, что мы имеем. Вниманию сборщиц... Эй! К вам обращаюсь, - Андрей подошёл к арабкам, которые о чём-то перешёптывались, хлопнул в ладоши, - кто сегодня соберет зерна меньше всех, еды получит тоже меньше, пока на треть. Завтра, если повторится – вполовину, а послезавтра – вовсе ничего...

Недовольные вопли закутанных в никабы женщин он игнорировал. Нашел взглядом испанца, который сидел за спинами итальянок, поманил пальцем:

- Иди сюда, последнее тебя касается напрямую. Ищи более уловистые места. Принесёшь рыбы меньше чем вчера – тоже будешь поститься.

Хосе обиделся, горячо заспорил, доказывая, что приказать рыбе он не может, но Вольф объявил собрание законченным, повернулся ко всей спине и ушёл в рубку. Ошеломлённые резким тоном колонисты разошлись. Ирина появилась в рубке спустя несколько минут. Проверила коридор, убедилась, что ей никто не мешает и тоном мудрой воспитательницы детского сада упрекнула друга:

- Ты перегнул палку, и санкции вводить не следовало бы...

- Будет, как сказал! Кончилась вольница. Сколько потопают, столько и полопают, - сердито ответил Вольф. - Несогласные пусть валят на все четыре стороны. Или к Збигневу, - а потом с непонятным самым ожесточением рывкнул, глядя на морпеха с подругой, заглянувшими в рубку. - И хватит меня воспитывать! Хотели руководителя? Вот и руковожу! Как умею!

Подруга с изумлением уставилась на Андрея, покачала головой и ничего не сказала. Берта одобрительно хмыкнула, а Робин хлопнул друга по спине и громогласно обозвал:

- Деспот, точно! Инаугурацию на когда назначишь?

**

Новосибирск. Следственный Комитет

Сумасшедшая муха, залетевшая ли снаружи в кондиционированную прохладу кабинета Таянова, или пробравшаяся внутрь на чьем-то плече, сейчас судорожно билась в стекло и привлекала внимание всех троих. Тангюль Демир, в неизменном синем мундире, следила за атаками летуны краешком глаза. Марин Владимирович с негодованием, поворачиваясь всем громадным телом. Кичигин, брошенный на передний край боя с наглой вторженкой, метался у окна, пытаясь вовремя хлопнуть стопкой печатных листов:

- Ты сядь, замри, зараза, - уговаривал он стремительную серую точку, которая с разлёта долбилась в окно, выбирая каждый раз новое место.

- Сам замри, - посоветовал Таянов. – Она реагирует на движение.

Иван последовал совету. Муха, сделав пару кругов по кабинету, снова пошла на таран. Наверное, получив сотрясение мозга, она упала на подоконник и затихла, лёжа вверх ногами. Бросив на неё стопку листов, Кичигин аккуратно придавил их ладонью, надеясь услышать похоронный хруст. Потом постучал кулаком.

- Отмучилась.

- Тогда докладывай, - разрешил старший советник юстиции.

- Следствие закончено. Все фигуранты опрошены, неясности устранены, на очной ставке все признались. Обвинительные заключения готовы. Остался открытым вопрос о роли Изяславина. Возможно частное определение о халатности, но не уверен, надо ли...

Тангюль встрепелась:

- Не уверен? Как это? Да ты...

Таянов хлопнул ладонью по столу, привлекая внимание:

- Стоп! Потом подерётесь, сперва скажи, кому что прочишь. Иванов?

- Статья тридцать пятая УК РФ, совершение преступления группой лиц по предварительному сговору. Иванов идёт как организатор и руководитель. Мухортову – соучастие и причинение смерти по неосторожности, а вот по Рифееву я бы ограничился просто соучастием. Не доказано, что кибер довёл Вольфа до смерти. Причина, всё-таки, в капсуле, в шлеме.

Прокурор Демир встала, одёрнула мундир и заявила о несогласии с наброском обвинительных заключений. Из её слов следовало, что предварительное следствие допустило едва ли не фатальную ошибку, классифицируя упомянутую троицу, как группу лиц, а не преступное сообщество. Тангюль на память цитировала статьи Уголовного Кодекса, приводила примеры из комментариев Верховного Суда, пока терпение Таянова не кончилось. Тот тоже поднялся из-за стола, опёрся кулаками, отчего столешница жалобно скрипнула и прогнулась:

- Всё сказала? Возьму на себя смелость напомнить, что в преступном сообществе определяющим является материальная заинтересованность. Кто из подозреваемых и какую заинтересованность проявил? Они хоть лиру, хоть рубль пользы извлекли из своей групповой деятельности, а? Не молчи, ответь!

- Нет, не извлекли, - выдавила из себя прокурор Демир.

- Тогда чего ты давишь на следователя? Вот, Иван, тебе урок. Будь решительнее. Делай, как сказал. А по поводу Изяславина я не понял. Есть тут халатность, невооружённым глазом видна.

Кичигин, путаясь в словах, попробовал объяснить, что загруженность академика оправдывает его невнимательность как куратора проекта сдвига матрицы, что загрузка зонда должна была проходить и проходила в автоматическом режиме, при участии Искина Академии, что предусмотреть злоумышление Иванова с подельниками никто не мог, что...

Но эти слова никак не могли выразить убеждённости следователя в том, что нельзя клеить на гениального космогониста ярлыки, пригодные для интеллектуально низкого обывателя. И что обвинение не поможет Изяславиному измениться, стать подозрительным, зато отнимет часть так важного здоровья, сократит и без того малый остаток его жизни.

Не смог, не убедил. Ни Таянова, ни прокурора Демир. Те пожали плечами, разрешили подумать до завтра. А потом начальник следственного отделения вдруг положил свои громадные ладони на плечи следователя и прокурора и задушевно так молвил:

- Ребята, бывают дни, редко, но бывают, когда надо отметить событие. Отец Леонардо да-Винчи отвесил сыну плюху, чтобы тот навсегда запомнил огненную саламандру. Я не рискну так поступить, но отметить завершение дела надо. И есть повод. Мы с супругой отмечаем жемчужную свадьбу. Вы приглашены, оба. Попробуйте не прийти. Обижусь.

Сжимая в руках приглашения, прокурор Демир и важняк Кичигин вышли из кабинета начальника следственного отделения. Отойдя довольно далеко, Тангюль спросила Ивана:

- Это что, ваш обычай?

- Да, у нас так принято. Серебряная, это четверть века вместе, золотая – пятьдесят, а жемчуг, если не забыл, тридцать. Дарить принято соответствие, то есть жемчужины. Хотя от гостей вроде нас, - он криво усмехнулся, подумав о своих годах, - подарки не требуются. Не родственники никаким боком, не друзья...

С ювелиркой Кичигин справился по интернету. Посыльный, живой курьер, не какой-то кибер-доставщик, принёс красиво упакованную коробочку, на верхней плоскости которой красовалось

изображение очень симпатичных жемчужин с причудливо изогнутыми серебряными крючками. Серьги. Вечером, подъезжая к указанному ресторану, Иван вдруг сообразил, что для серег нужны проколотые ушки. И засомневался. Ну вот чего бы не взять клипсы?

С напрочь испорченным настроением он резко толкнул обе створки распашной двери и едва не сбил с ног прокурора Демир:

- Ой, извини!

**

Неизвестная местность. Первый успех языкознания

Новую русскую девушку звали Анной. В той жизни она работала профессором филологии. Узнав об этом, Андрей за руку отвёл её в рубку, показал панель, на которой светились непонятные предложения, и поставил задачу:

- Кровь из носу вы должны соотнести речи, которые произносятся кораблём и тексты, которые пишутся на этой панели. Мы должны понять этот язык и овладеть им. Справитесь?

- Постараюсь.

- Неправильный ответ, - в духе коммунистических вождей давнего прошлого заявил Вольф, - стараться мало, надо непременно расшифровать язык. Шампольон вы или нет?

Анна уловила иронию, несмело улыбнулась. Андрей вздохнул, вспомнив, как сам осваивался в этом мире. Сейчас-то, когда рядом находились другие, уже пережившие подобный шок, люди, вновь появившиеся не впадали в депрессию.

Естественно, всем существенно помогала Ирина. Подруга лидера колонии, как она представлялась новичкам - госпожа Макарова-Вольф – бывшая в той жизни нейрофизиологом, тут показала себя неплохим психологом. В той части деятельности, которая касалась всех других, но не её. Гормональная безбашенность реплицированного тела зачастую побеждала навязанный ментограммой житейский опыт.

Во всяком случае, безоблачными назвать их отношения с Вольфом ни он, ни она не могли. Нередкие вспышки ревности, или слишком демонстративная забота о своём мужчине – порой приводили к ссорам, когда Андрей разворачивался и уходил в степь, желая встретиться с местным львом и отвести душу в схватке. Теперь-то, после регулярных тренировок и спаррингов его тело налилось силой, реакции стали молниеносными. Вот только кошачьи давно ушли подальше от

соседей, которые постоянно росли в численности. И слишком шумно притирались друг к другу.

Робин с Бертой демонстрировали поговорку про лёд и пламень. Они то светились радостью, ворковали как голубки, то скандалили так, что искры летели, после чего морпех подкатывал к какой-нибудь женщине, пытаясь получить компенсацию. Нечасто, но получал, в основном, от итальянок.

Шведка пока сторонилась всех, как мужчин, так и женщин. Арабки с мужчинами не общались, разве что молча подчинялись приказам Вольфа. Лица прятали, головы опускали и дружно хранили целибат. Видимо, попали сюда напрямую из строгих бедуинских племён. После ухода сепаратистов испанец Хосе стал пользоваться успехом у итальянок, хотя и выглядел робким подростком. Главное же, что он оказался многоопытным ландшафтным дизайнером, и отнюдь не белоручкой.

Поставленные им плетни существенно благоустроили территорию вокруг «сарая», обеспечив зонирование и минимальную защиту от мелких хищников. Более того, Хосе удалось сплести скамейки и длинный стол! Каждое утро, вооружившись тесаками, он и обе итальянки отправлялись в забoku рубить лозу. Потом бригада лозорубов подтаскивала охапки приготовленных прутьев ближе к стану, замачивала в ручье новые или заплетала отмокшие хлыстики вокруг вкопанных руками Хосе кольев, создавая стены будущего общего дома.

По проекту дизайнера, двойной плетень, схваченный перемычками и набитый глиной, должен был обеспечить непроницаемость стен для дождя. Вот с крышей вопрос пока оставался неясным. Ни камыша, ни соломы у строителя не имелось, а другой подходящий материал в округе испанец пока не обнаружил.

Берта позвала Робина и Вольфа, чтобы вскрыть очередной непонятный ящик. Большой. В последнем из складов они стояли плотно, в несколько ярусов. На этот раз в плотной пластиковой, да-да, явно пластиковой коробке размеров три на два метра находился некий механизм. Конусообразный, широкий в основании, ребристый, словно паук со сложенными лапами. И, что удивительно, к его верхней части липкой лентой крепилось нечто, весьма напоминающее земную

флешку. Отверстие для «флешки» нашлось под винтовой крышкой, там же, вверху.

- Инсталлировать? Воткнуть и пусть заработает...

- Чем ты думаешь, Вольф, - на русском урезонила Андрея немка, - а если это оружие? Военный робот. Ты его запустишь, и нам всем хана.

- Не хана, а трындец, - поправил Андрей. – Полный. Только почему именно военный? Я ни пушку, ни пулемёт не вижу. Явно гражданский кибер, только большой. Может, это сельхозтехника, откуда ты знаешь?

Робин жизнерадостно заржал, распознав знакомые слова. Особенно ему нравился «трындец» - за экспрессию. И он поддержал Андрея:

- Наши киберы имеют кодекс неприкосновенности людей! По Азимову.

Сразив начитанностью БERTУ, морпех сорвал флешку и резво сунул в разъём.

- Идиот! – взвизгнула девушка.

Вольф тоже отшатнулся от конуса. Но ничего страшного не случилось. Флешка не светилась, как было принято в земных компьютерах, ничто не мигало, не жужжало и не подрагивало в готовности. Механизм так и лежал в упаковке, мёртвый и неподвижный. Андрей даже огорчился немного. С момента его появления на этой земле минул почти месяц, а перспективы существования и выживания прираставшей численностью общины становились всё мрачнее и мрачнее.

Разведка кормовой базы велась по обеим берегам, интенсивно, с размахом, но отдачу приносила смешную. Пара кило зерна, два-три пучка фиолетового корнеплода, вкусом похожего на морковь – что это для двух десятков человек? Выручала рыба. Мелкая, похожая на пескарей, она ещё попадала в морды, но и её становилось меньше. Похоже, колония исчерпала ресурс ручья. И пусть после ухода сепаратистов вопрос с едой стоял не так остро, очередным утром Вольф озаботился подготовкой многодневной охотничьей экспедиции вниз по ручью.

Он стоял на берегу, приложив ладонь козырьком ко лбу, всматриваясь в горизонт, где клубились тучи. Или темнели горы? И тут на него набросилась Анна:

- Андрей! Я поняла! Я нашла ключ!

Она совала в лицо Вольфу листок бумаги с какими-то пометками и так громко, так радостно кричала, что всё свободное население «сарая» собралось вокруг неё.

- Люди, у меня получилось! Мы сможем прочесть, что написано и понять, что говорится! Смотрите, вот их алфавит! Гласные и согласные. Они, как мы, везде пишут вход и выход. В складе, над дверью! И на панели тоже вход! Но это другой вход, это интер! Это значит – ввод!

Андрей взял листок, всмотрелся в пометки. Понять что-либо из каракулей, начерканных в произвольном порядке, мог, наверное, такой же увлечённый языковед, но никак не обычный человек. И он вернул лист Анне:

- Ты молодец, умница! Просто прелесть! Беги, работай, чтобы завтра понять, что нам говорит медкомната. А потом будет общаться с компьютером, завтра. Да?

Счастливая девушка умчалась заканчивать, а, скорее всего, начинать настоящее изучение неизвестного языка, на котором предстояло общаться с космическим ботом.

Назавтра вскрылась очередная проблема. Точнее, вышла из медицинской комнаты. Звали проблему Ахат Нургалиев, который рыдал, сидя в пустой колыбели.

- Что с тобой? – участливо спросила Ирина, накидывая на плечи нагого новичка куртку. – Где болит? Как тебя зовут?

- Я домой хочу, а из капсулы выйти не могу, - шмыгая носом и содрогаясь в рыданиях, поведал Ахат.

Вольф, услышав знакомую фамилию, уточнил:

- Ты из Осинников? Адрес свой помнишь? – а получив ответ, печально констатировал. – Только этого нам и не доставало. Ты знаешь, кто это? Тринадцатилетний мальчишка.

- Ну что же, откроем школу, - легкомысленно воскликнула Ирина.

Новосибирск. Случай парного помешательства

Тангюль опять выглядела умопомрачительно. Казалось бы, ничего особенного, просто женщина сменила мундир на лёгкое вечернее платье, лодочки на шпильки, чуть иначе уложила короткую стрижку, а эффект? Жар полыхнувшего бензина, бочка ледяной воды, грохот

взрыва не поразят так мужчину, как внезапная женственность давно знакомой женщины.

Кичигин поймал челюсть, вернул каменное выражение на лицо, но лукавая туранка поняла, какое впечатление оказала на противника, и тотчас же перешла в наступление, развивая успех:

- Ты меня когда-нибудь уронишь и поломаешь. Будь любезен, доведи до Марина Владимировича живой, там я тебя отпущу.

И она, сирена, ифритка, пери - или как их там в турецких сказках называют, соблазнительниц? а, суккуба! - протянула лапку свою, в белой кружевной перчатке, к Ивану. Такая вся хрупкая, невесомая, как фея, как Дюймовочка. И он, замороженный её видом, околдованный её словами, послушно подставился, из своеговольного следователя по особо важным делам обратившись в покорного кавалера.

Пропал, совсем пропал русский парень! Так захотелось ему обаять эту бестелесную прелестницу, каким угодно способом, хоть нежить на руках, хоть петь серенады, арии, цыганские песни, лишь бы согласилась она посетить его квартирёнку для вечного тайнства, известного мужчинам и женщинам всех времён и народов.

А лукавая суккуба, прижимаясь к его локтю, дошла к чете Таяновых, принимающих поздравления, вынула из микроскопической сумочки круглую коробочку розовой замши, раскрыла и вручила со словами:

- На долгую жизнь, до алмазной свадьбы!

Ахнула восторженно жена Таянова, глядя на свёрнутую втрое жемчужную нитку. Негодуяюще мотнул головой Марин Владимирович:

- Зачем ты, Тангюль?

- Из уважения, - хитро улыбнулась прокурор Демир.

Собственный подарок Иван вручил неуклюже, стесняясь его дешевизны против только что предъявленной миру комбинации кулона и бус. Хотя серьги были приняты одобрительно, а мощная лапа Таянова и подмигивание, молодец, мол, угадал с подарком, следователь Кичигин постарался отделаться от перещеголявшей его спутницы:

- Перекусите, госпожа наблюдатель, - подвёл он её к фуршетным столам, - а я вынужден отлучиться.

- Куда, Иван? – огорчилась Тангюль, скорее всего, притворно. – И брось ты свой официоз. Неужели нельзя поухаживать за женщиной?

- Скоро вернусь, - отрезал Кичигин и скрылся в туалетной комнате.

Там он тщательно вымыл руки, справил небольшую нужду, снова вымыл руки. Смочил причёску, вернее, то что было ею две недели назад, после стрижки. Сейчас волосы отросли, неряшливо торчали над ушами, дыбились на макушке, а отдельные наглые волоски делали чёлку лохматой. Влага с ладоней не помогла. Да и кто из мужчин способен самостоятельно сделать укладку? Разве что альтернативно сексуальные? Так они, в большинстве своём, сразу меняли пол и в мужскую уборную не заходили.

Иван ещё раз посмотрел на своё отражение. Довольно молодой, стильно одетый мужчина хмурился, источая недовольство, словно открытая бутылка с уксусом – запах кислятины.

- М-да... С такой рожей на торжестве? Надо что-то решать. Свалить домой? Таянов обидится. Надеть улыбку? Ага, людей пугать, всё равно ведь не удержу, не лицедей же...

И вдруг его осенила блестящая идея: «А вот фиг тебе, Тангюль! Хочешь быть женщиной? Чтобы за тобой ухаживали? Так получи, по полной программе!»

Ивана заполнило веселое возбуждение. Он вспомнил себя молодого, когда без сомнений в неотразимости ухаживал за любой мало-мальски симпатичной девушкой в стиле легендарного поручика Ржевского. И крайне редко получал отказ. Так почему бы не отомстить туранке, не сыграть ловеласа, а потом, когда та будет согласна – будет ведь, старые штампы ухаживания работают безотказно? – доставить её к гостинице и холодно распрощаться. Что? Женщины такого не прощают? Ну и что? Он и не претендует на дальнейшие встречи!

К прокурору Демир подошёл уверенный в себе, обаятельный, весёлый кавалер, с ходу принялся ухаживать, кормить, поить и развлекать. Иван танцевал, нежно и твёрдо прижимая к себе суккубу, искренне возбуждался, обоня тонкий аромат духов. А как иначе, если, рассказывая очередной фривольный анекдот, приходилось шептать его девушке в ушко.

Да и, положив руку на сердце, туранка вызывала в Кичигине давно не реализованное желание интимной близости. И та «химия», не изученная психологами и сексопатологами, что возникает между мужчиной и женщиной, делала своё дело неспешно и обстоятельно.

Когда елак довёз Демир и Кичигина к её гостинице, Иван доиграл роль ловеласа почти до конца – открыл дверь, подал руку, помог девушке выйти из такси. Остался последний акт задуманной им и безукоризненно отыгранной драмы. Для Ивана – кульминация мщения. Для Тангюль – наказание за всё.

- Ты был неотразим, - глядя в его глаза своими, таинственно мерцающими, шепнула дама. – И добился своего...

- Ты была великолепно, - ответил Иван низким, специальным голосом, подпустив в него баритональные обертона, - но..., - и приготовился произнести оскорбительные слова: «Ты не в моём вкусе».

- Нет, нет, молчи! - воскликнула туранка умоляюще. – Не надо слов. Просто дай руку. Сказка должна закончиться в постели.

И что прикажете делать мужчине, если в женских глазах он видит слёзы? Переступить через себя? Отказать? А силы хватит?

Ивану не хватило.

**

Неизвестная местность. Ещё одна версия попадания

Вслед за Ахатом, с опозданием на половину дня, из медкомнаты вышел человек, который искренне обрадовался, увидев колонистов:

- Ура! Работает! Ай да я! Ай да молодец!

Попытка Ирины успокоить парня не увенчалась успехом. Суетливо одевшись, тот подбежал к обедавшим и закричал:

- Ну надо же, получилось! Всё получилось! Надо непременно сообщить! И пусть присылают ещё! И технику! И побольше! А я гений! Гений! И Арька прав!

- Здравствуйте, меня зовут Вольф. А как вас?

Андрей знал, что лучший способ отвлечь впавшего в эйфорический восторг человека – это задать ему тихий вопрос совсем не в тему. Так и получилось. Парень перестал голосить, схватил протянутую ему руку, сжал и принялся трясти:

- Я так рад, что у нас всё получилось! Здравствуйте! Если бы вы знали, как трудно было заменить ячейки на человеческий материал! Вы кто здесь, старший?

- Условно старший, - согласился Вольф, подхватывая новичка под локоть и разворачивая от обедающих колонистов. – Меня реплицировали первым, пришлось набираться опыта самому. А сейчас

нас уже много, часть здесь обитает, часть ушла дальше, собственное поселение организовать хотят...

Под тихую непрерывную речь Андрея новичок сбавлял громкость, реже восторгался собой и неизвестным Ариком, пока не успокоился окончательно. Тогда у него вдруг пробудился интерес к собеседнику. Он внимательно посмотрел в лицо Андрея и задал уточняющий вопрос:

- Как вы сказали, вас зовут? – и закричал, опять неистово, в полный голос. – Вольф? Тот самый Вольф? С которого всё началось? Ура! Раз вы живы, то Арьке и Ваське ничего не грозит! И мне тоже!

Ирина, исподволь поглядывавшая на новичка, оказалась рядом, переключила того на себя, незаметно, однако решительно отстранив Андрея:

- Ой, как интересно! Расскажите мне, что там с Арькой! И что Васька натворил?

- Вы их знаете? – удивился парень.

- Как вы Вольфа, так и я их. Или я не поняла? – включила дурочку Ирина.

- Ой, я же не представился, вот невежа! Мухортов, Геннадий Артемьевич. Можно Гена.

- А я Ирина Макарова. Только у нас фамилии пока не в ходу, нас всего ничего тут, по именам вполне понятно, кто нужен... - забалтывая новичка, девушка увела его в степь по натопанной тропинке.

Вернулись она часа через два, в разных состояниях. Если Мухортов излучал спокойствие и готовность к действиям, то Ирина едва сдерживалась, чтобы не броситься к Вольфу с потрясающими новостями. Но для начала ей пришлось покормить Гену, показать санитарный уголок, место для умывания, купания и пообещать, что через полчаса она вернётся.

В командной рубке Берта, Андрей и Анна обсуждали с Ахатом условия обучения. Мальчишка уже освоился с телом взрослого человека, разве что постоянная эрекция смущала его. Но детская психика оказалась намного гибче взрослых, так что трагедийные нотки из голоса юного Нургалиева исчезли напрочь:

- Да понял я, понял! Каждый день, три учебных часа, по вашему плану. А можно мне такой же нож? Почему я должен помогать арабкам? А вдруг кто нападёт? Хорошо, но что, нельзя отложить

учёбу? Сейчас же у нас каникулы, лето! Осенью и начнём. Нет? Почему? А если я не захочу?

Первым не выдержал Вольф. Он рыкнул на мальчишку:

- Почему? По кочану! Ты здесь никто и звать тебя никак! Пользы от тебя никакой, потому что ты ничего не знаешь! Здесь каждый старше тебя раза в два-три как минимум! И не обманывайся молодыми телами. Тебе твоё досталось как аванс, так что будь любезен подчиняться! А не будешь, так пошёл вот! В степь, и пусть тебя там львы сожрут, такого умного и красивого!

Несмотря на озабоченное состояние, Ирина едва не прыснула со смеху, глядя, как взрослый, вроде бы, парень, залился краской и едва не заплакал, когда Андрей толкнул его в спину, выпроваживая из капитанской рубки.

- Дядя Андрей, извините, я больше не буду. Если так, то буду учиться...

- Иди, Ахат. Не сердись, я погорячился. Дела у нас, видишь, репликатор перестал работать. А нас мало, каждая пара рук важна. Твоя тоже. Иди, потом поговорим как мужчина с женщиной. Найти Робина, скажи, мы его ждём.

Ирина прошла к пульту, встала между двух кресел, чтобы её видели все. Кивнула на вопросительные взгляды:

- Да, новости сокрушительные, если он не врёт и не фантазирует, как наши европейцы...

- Те такой бред несли, что только ой, - согласилась Берта, - откуда только нахватались? Мы, и всемирные агрессоры? Так что этот, новый?

Очень вовремя вошёл Робин. Морской пехотинец, хоть уделял тренировкам меньше времени, нежели Андрей, набирал форму гораздо быстрее. Его мышцы рельефно выделялись, да и силёнки он добавил много больше, чем Вольф. Вот и сейчас, сев рядом с формальным лидером на пол, негр выглядел большой и опасной пантерой. В отличие от Андрея, поджарого, длинноногого, как русская борзая.

- Не томи, Ира, - поторопила подругу Анна. - Кто он и почему так радостно орал?

- Утверждает, что на Земле был разработчиком игровых капсул, особенно, её игрового шлема. И что многих из нас ментографировали через такой шлем, попутно или заранее взяв генетический материал.

- Он работал на инопланетян? Брал по заказу или случайно? – уловил главное тренированный ум адвоката. – И почему попал сюда сам?

- Вот гад! Ну, я этому предателю! – взмахнул громадным кулаком Робин.

- Так это же здорово, - обрадовалась Анна, - он подскажет, что помнит по их языку! И расшифровка ускорится!

Ирина хлопнула в ладоши, привлекая внимание:

- Нет, нет, нет. Дайте договорить! Всё не так. Он утверждает, что наш «сарай» вовсе даже не инопланетный корабль. Это исследовательский зонд, по сути, обычный кибер-грузовик, который заброшен в галактику Андромеды...

- Охренеть... - с разными оттенками, но синхронно выдохнули все, даже морпех.

И было отчего. Концепция развития и выживания колонии, построенная на противодействии проискам неведомых, но коварных инопланетян, рухнула.

**

Предсмертная записка академика Изяславина

«Уважаемые коллеги, приношу извинения за мой поступок, но другого выхода я не нашёл. Близких у меня нет, и своим добровольным уходом я не причиню боль никому. Причина моего ухода – неизбывное чувство вины и желание освободить дорогу для более молодых, дерзких, каким я, увы, перестал быть как ни полвека ли назад.

Когда я узнал и осознал, что моя халатность в руководстве самым крупным, прорывным проектом Академии привела к смерти человека, то подверг анализу собственное поведение. С ужасом констатирую, что долгое пребывание на посту ректора, совмещённое с президентством в Международном Научном Обществе, превратило меня в хладнокровного чиновника, неспособного к восприятию новых идей.

Мы помним знаменитое изречение Бора о недостаточно безумной теории, которая поэтому не может быть истинной, но исповедуем ли такое поведение? Нет. И это главная моя вина.

Окружив себя барьерами и заслонами от научных посредственностей, жаждавших прорваться ко мне, я тем самым отсёк и творчески активных безумцев, который, как известно, двигают науку. Лишь после отправки зонда в галактику Андромеды мне стало

известно, что небольшая группа одарённых и смелых молодых учёных пыталась пробиться ко мне с дерзким предложением реализовать на практике теорию панспермии.

К сожалению, предложение не попало в мои руки. Увы, канцелярия и референт либо не знали слов Бора, либо не оценили безумность предложения. И молодые учёные на свой страх и риск вменялись в подготовку зонда. Я не могу осуждать их поведение, поскольку, будучи молодым, точно так же - ведомый собственной безумной теорией - поступил вопреки научному руководителю. И победил.

Возможно, если бы я не презрел тогда барьеры, стоящие на моём пути, сегодня теория сдвига матрицы не была бы реализована. Опираясь на жалкое пламя химических двигателей, мы до сих пор бы медленно ползали по Ближнему Космосу. Но мне удалось доказать верность безумной теории.

Я убеждён, что молодые космогонисты дождутся возвращения зонда из галактики Андромеды. Пусть даже их идея клонирования там человека потерпит крах, земной генетический материал получит возможность развиваться в новой галактике. Скептикам и оппонентам, которые с яростью давно развенчанных правозащитников и гринписовцев отстаивают право, неизвестно, существующих ли в галактике Андромеды иных цивилизаций, я отвечу:

Бойтесь, мы вытесним из других галактик какие-то автохтонные виды? А что они вытеснят нас, если опередят, вас не страшит? Нет уж, договариваться с автохтонами лучше с позиции силы, потому что агрессивность заложена в любое живое существо изначально. Это базовый инструмент успешной эволюции. Отказ от расширения среды обитания, то есть от биологической экспансии Вселенной - пагубен для человечества, как вида. За ним последует агония, пусть и растянутая на несколько столетий.

И наконец, главное, почему я ухожу. Моё поведение, как куратора проекта, утонувшего в бюрократических перипетиях и утопившего в них же гениальное предложение молодых космогонистов, привело к случайной смерти давнего знакомого. Я говорю об Андрее Григорьевиче Вольфе, моем ровеснике и нередком оппоненте. Он скончался во время снятия ментограммы в неподходящих условиях и без медицинского наблюдения.

Как сказано выше, я ощущаю себя помехой молодежи. И не только. Если бы я ознакомился с предложениями, то дал бы согласие на доработку проекта. И трагический инцидент не случился бы. Я сознаю себя косвенным виновником кончины Вольфа, посему принимаю ответственность и наказываю себя. Моё мнение о допустимости и полезности эвтаназии для психологического здоровья народа общеизвестно, и сегодня я реализую моё природное право уйти из жизни по собственному желанию.

PS. Предлагаю Учёному Совету рассмотреть деятельность Иванова, Мухортова и Рифеева как работу по соисканию учёной степени, а в случае невозможности - присвоить им звания «*doctor honoris causa*».

Подпись: академик Изяславин А. А.»

**

Неизвестная местность. Опасный эксперимент с флешкой веры словам Мухортова не дал никто. Тот вполне мог быть агентом инопланетян, посланным, чтобы успокоить колонистов. Главное, что мешало принять его утверждение за истину – язык, который звучал в «сараях». Его не знал никто из землян, даже сам Мухортов. Значит, это чужая, неземная речь!

В полном соответствии с опасениями Анны, расшифровка космического языка затормозилось на стадии фонетического анализа. Фраза, изрекаемая медицинской комнатой, значила: «Репликация гуманоида закончена. Активируется репликация следующей закладки». Примерно, судя по количеству слов. И всё. Безумная идея возникла у Мухортова, когда тот случайно узнал о проблеме:

- Дамы и господа, - дурачась, обратился он к активу, куда, в дополнение к четвёрке, входили Хозе и Анна, - а почему бы не обратиться к компьютеру с запросом?

- С каким? – дружно удивились все.

- С любим. И посмотреть, как он реагирует. По аналогии с нашими, будет или вопрос или предложение выбрать опцию.

- Как ты запрос дашь? – усомнился Андрей, но Берта уже подхватила и развила идею:

- Ха, да проще простого! Флешка. С которой Робин пошалил. На ней точно, что-то есть, что она запускает. Ищем на панели гнездо для неё. Воткнём и посмотрим. Диалог запишем, Анна подумает, на что

это похоже. Логика у чужих, надеюсь, похожа на нашу. И защита от дурака в компе должна быть. Даже от такого, как ты, Гена.

Мухортов шутку понял, не обиделся, а поспешил согласиться. Анна сомневалась. Ирина тоже. Зато Хосе и Вольф ратовали за попытку. Хай поднялся такой, что одесский Привоз мог отдыхать в сторонке. Каждый спешил высказаться, да с такой страстью, что Хосе и Робин чуть не схлестнулись в драке. Во всяком случае миниатюрный испанец воинственно подпрыгивал перед морпехом, доказывая, что у разумного человека всегда есть право на ошибку.

Американец выслушал испанца. Долго думал. Потом потребовал выслушать. Пришлось согласиться, ведь Робин впервые проявил осторожность, нехарактерную для обычно резкого и скорого на суждения морского пехотинца:

- Рисково слишком. Пример? Я никогда не водил вертолёт. И никогда не сяду в кресло пилота, пока не обучусь. Воткнём флешка, запустим чёрт знает что, а оно как жахнет! А?

Хосе принялся доказывать, что риск, особенно в их полуголодных условиях – не просто допустим, оправдан на все сто. Робин постучал по стене, потом по голове испанца. Хосе обиделся, закричал громче, обозвал морпеха трусом. После получасового ора Берте пришлось выдать одному и второму подзатыльники, чтобы унять и навести относительный порядок. Голосование показало, то авантюристов среди актива больше, нежели скептиков. Разъём нашли. Флешку воткнули. Он конуса со сложенными манипуляторами, паукообразного.

Панель активизировалась сразу. Она засветилась бегаящими огоньками, замелькала строками с такой скоростью, что прочесть их не удалось бы никому. На взгляд Вольфа, панель вела себя, как нормальный земной терминал, который при запуске компа прогоняет систему с присущей ему скоростью, совершенно не заморачиваясь способностью оператора уследить за сменой текста. Он же сам обрабатывает информацию, зачем ему человек для контроля?

Но вот мелькание текста прекратилось, огоньки упорядочились, слились в синюю полосу, которая стала удлиняться. Доползла до края панели, остановилась. Дополнилась текстом и озвучила его:

- Быр-быр-быр-быр....

- Система запуска... не знаю... тут предлог, что ли? ... готова ... к ..., наверное, к ... запуску? нет, к инициации, - с запинками, кое-как,

Анна перевела текст. – Фраза, я думаю, дублирует эту информацию. Что делаем дальше?

- Может, надо ввести ответ? – предположил Хозе. – Дать команду.
- Ой, зря торопимся, - проворчал морпех. – И тут нет клавиатуры.
- Есть клавиша, сенсорная. – возразил Андрей. - Ткни пальцем, Аня.
- Ткнула... Ой! Верно, пишется... - Анна склонилась над панелью.
- Ой, два слова загорелись! Ой, я их знаю. Тут - включить. И выключить. Как на приборных кнопках.
- Выбери - включить.

Найдя, как ей показалось, нужное, филологиня ткнула по нему пальцем. Текст мигнул. Погас. Флешка засветилась нежно-голубым светом. А на складе что-то завывало. Противно, прерывисто. Так в старых фильмах о войнах ревела тревожная сигнализация.

**

Новосибирск, следственный комитет

Иван Семёнович Кичигин страдал. Внешне это проявлялось слабо. Внешний наблюдатель, глядя на следователя, вряд ли догадался, что того мучает какая-то проблема. Задумчивый, да. Сидит безвылазно в кабинете, как бы работая с материалами, но часто прерывается, подходит к окну и стоит, прижавшись лбом к стеклу. И что? Может, так ему лучше думается.

Нет. Не думалось Ивану. В голове творился сумбур, лучшим определением которого стало бы слово «вьюга». После того как он сдал оба законченных дела – о причинении смерти Вольфу и о саботаже при отправке межгалактического зонда – сломалось нечто неопределённое в душе следователя. Да ещё непонятные отношения с наблюдательницей от Международного Суда! Бывшей.

Их роман длился трое суток. Не дней, а именно суток. Столько времени они не вылезали из постели. Таянов безропотно предоставил Ивана отгулы после краткого телефонного разговора:

- Отгулы? Зачем? Собрался куда?
- Надо, неделю бы. Не собрался. Но край как надо.
- А ты где? – и тут вспомнил Марин Владимирович, когда последний раз видел подчинённого, и с кем, после чего понял суть просьбы. – Всё, дальше не спрашиваю. Заявление на отгулы напишешь потом, по факту. Если что, позвоню сам.

Ночь и день потеряли границы. Тангюль оказалась девственницей, и обучалась неизвестной ранее стороне жизни со страстью неофитки. Иван поощрял энтузиазм ученицы нежностью, какой в себе не подозревал. А потом они разругались. Вдребезги. По существу пустяку. Туранка убеждала русского, что ему следует приложить усилия, чтобы превратиться из алмаза неогранённого в бриллиант. Иван же упёрся, заявив, что себя он и таким устраивает, а кому не нравится – свободны! И подчиняться диктату даже любимой женщины он никогда не согласится.

С одной стороны, хорошо, что Тангюль улетела в Царьград, где оба дела должен рассматривать Верховный Суд. С другой – опустел без вредной туранки следственный отдел Новосибирска. Некому стало входить в кабинет Кичигина, ехидно указывать на упущения, до которых просто руки не дошли или планом предусмотрены позднее. Не на кого стало смотреть Ивану. Исчезли стройные ноги, тонкая талия, причёска каре и голос. Временами звонкий, порой – ледяной, шершавый, как слежавшийся на берегу водохранилища песок, а единожды – нежный, страстный.

Иван Семёнович стукнул кулаком по подоконнику в манере своего начальника. Слабее, конечно. С двухметровой горой, чьи кулаки больше головы следователя Кичигина, равняться, конечно, невозможно. Таянов запросто столешницу однажды пробил. А Иван только звук из сосновой доски вышиб. Сухой, жалкий.

- Ты уж определись, господин Кичигин, нужна она или нет, - негромко, но категорично приказал он себе. – Нужна, так найди и скажи. Если пошлёт, значит, обманулся ты второй раз. А если не пошлёт, то...

Тут фантазия заколодила. Не готов был Иван к дальнейшим действиям. Приблизившись к сороковнику, он мечтал о жене абстрактной, без выраженной конкретики. Стройная, умная, красивая, и... И всё. Ни характера, ни образования не придумывал... М-да, не формулировалось оно по части интеллекта, как-то... Телесная такая мечта приключилась. И вредная, со сложным характером Тангюль - той мечте соответствовала мало. Если не сказать хуже. Никак.

Мужа своего она бы не убоялась, ещё чего! Столько времени пытаться подчинить, помыкать, диктовать, указывать, и после этого быть ему послушной? Ха - три раза! Рожать детей такая карьеристка

вряд ли захочет. Она ведь честно сказала, что меньше чем на прокурора при Международном Суде не согласится. Получается, ему, сибиряку, придется выйти за неё, властную туранку замуж и переехать жить в Брюссель? И менять себя в угоду ей? Чтобы соответствовать её идеалу?

- Ну, нафиг! – стукнул Иван кулаком по неповинному подоконнику.

Постоял, прижимая пылающий лоб к прохладному стеклу. Достал из цифрового сейфа архаику – кипятильник, гранёный стакан с подстаканником и пачку индийского чая с торжествующе трубящим слоном. Подарок Таянова к последнему дню рождения отчего-то показался Кичигину способом занять руки, если голова не желает заниматься следственными делами. Таянов. Марин Владимирович. Внешне грубый, он заметил неладное и вызвал Ивана к себе на следующий же день после разрыва с Тангюль.

- Поссорились?

- Это важно? – надерзил Кичигин, готовый бросаться на всех и каждого.

- Ещё как! – пренебрёг хамством подчиненного мудрый Таянов. – Со стороны лучше видно. Тебе такая сильная женщина и нужна, чтобы шелуху сняла, как драчёвым напильником.

- Мне?

- Тебе, – кивнул начальник. – А ей нужен ты. Такой как ты, надёжный. Чтобы жить, как за каменной стеной. И упрямый, как осёл, чтобы ей дурь было где тратить...

Не понял тогда Кичигин ничего. Не согласился с мнением начальника. Очень уж болела тогда душа. А вот сегодня слова Таянова казались Ивану верными.

Вода вскипела, три щепотки чая разбухли и разнокалиберными лохмотьями закружились в стакане, стремительно отдавая коричневый цвет будущему напитку. Карамель в нарочито старомодной бумажной обертке легла рядом со стаканом. Ивану в последнее время стала нравиться тенденция возврата к былому. Похоже, союзное правительство озабочено отсутствием так называемой национальной идеи, и решило поискать её в истории страны.

«Какая нация, какая идея?» - вопили досужие журналисты, требуя брать пример с просвещённой Европы или вековечно-мудрого Единого

Китая. Но выступление премьера с президентом четко обозначили приоритет Союза: идти вперед, руководствуясь лучшим из прошлого.

- А что, традиционный продукт совсем неплох, - признал Кичигин, раскусив карамельку и дробя зубами кисловатые осколки. — Хотя, традиция традиции рознь.

Глоток воистину ароматного чая, не того, что льётся из бесплатных напитокных автоматов, которые стояли в коридоре каждой конторы, изменил его настроение. Повысил, и не кофеином, а именно вкусом. Иван вдруг понял, чего не хватало в его мечте об идеальной жене. Вкуса. Мечта сложилась рафинированная, из внешности и общего представления о женщине, как о функции. Любить, рожать, быть рядом, может быть, иногда выслушивать его речи о проблемах на работе.

А Тангюль, она живая. С перчинкой. С мнением по любому и каждому вопросу. С непременными ссорами и примирениями. Возможно, со скандалами. Почему нет? Такая темпераментная и горластая туранка обязательно будет продавливать свою точку зрения на всё. Так что здесь плохого? Ведь за эти два месяца Иван Кичигин неплохо противостоял ей, гораздо более сильной в должностном плане. Так почему он не сумеет сохранить те же отношения и в браке?

Едва не опрокинув стакан, следователь Кичигин вскочил, вернулся к подоконнику и уставился вдаль, на шумные улицы Новосибирска. Так ему лучше думалось. Мысли его метались от прошлого к будущему, двум временам, неразрывно связанным с его жизнью.

Арзу, женщина, которую он не понял, и даже не попытался понять.

Тангюль, женщина, которую он хотел понять и покорить, сделать своей женой.

Они были совершенно несхожи, но разве он сегодняшний похож на себя тогдашнего? Нет. Он тоже стал другим. Научился видеть чужую логику, принимать людей такими, как они есть. Даже подозреваемых. Раздельно воспринимая — вот он, человек как личность, а вот — его проступок, совершённый по незнанию, недомыслию или по ошибке.

- Так ей и скажу, прими меня целиком, как я есть, - повторил он слова, предназначенные избраннице.

Мобильник долго добивался соединения. Наконец, в ухо прозвучал знакомый голос:

- Сени диккат...

- Надеюсь, - перебил он её стандартную фразу, мол, я внимательно слушаю вас, - но сейчас лучше включи запись. Я боюсь, что повторить не решусь. Или слова перепутаю.

- Кичигин, я теперь тебе никто, так что перестань тратить моё время. Я занята. Говори, что надо, и пока.

- Будь моей женой, - ляпнул Иван и отключился.

Звонок последовал немедленно. Ледяной голос прокурора Демир требовательно заявил:

- Дурацкая шутка. Зачем звонил, быстро?! Я занята!

- Выходи за меня замуж. Я приму тебя целиком, как ты есть, - не совсем то выпалил Кичигин, и затих, ожидая реакции.

- Ты дурак! Кто так делает предложение? По мобиле?

Показалось Ивану или в голосе Тангюль хлюпнула слабина? Словно слеза помешала сделать вдох? На всякий случай он напряг слух, если такой подвиг был ещё возможен. Прокурор Демир справилась, повторила почти нормально:

- Ты дурак. Я же в Царьграде. Я же не вижу твоего лица!

- Так я прилечу.

- Ты конченный дурак, Кичигин. Разве за такого можно выходить? – всё же прорвался всхлип. - Наверное, я тоже дура. Да. Я стану твоей женой.

**

Неизвестная местность. Оживший кибер. Дефекты памятей

Выдернув флешку, Робин первым ворвался на склад. Сигналил, действительно, полураспакованный конус. Паукообразный кибер уже вылез из упаковки, опираясь на восемь суставчатых лап. Обратив внимание на испуганных людей, он отключил тревожную сигнализацию, что-то просительно сказал мужским голосом, протянул манипулятор к Робину и забрал флешку.

Воткнул её себе, он съел упаковку до последнего кусочка и выбрался из склада. Отойдя довольно далеко от «сарая», паук опустился на травку, окутался пылью и принялся медленно погружаться в землю. Спустя примерно час на этом месте остался наклонный круглый в сечении ход диаметром два метра. Где-то

глубоко что-то гудело. Из хода шёл теплый воздух. И больше ничего. Отважный Робин сходил на разведку. Недалеко. Вернулся очень смущённый:

- Страшно стало, Андрей. Я никогда не лазал по пещерам. Но там реально страшно. И ничем не пахнет. А должно пахнуть землёй.

На этом попытки отследить дела «паука» исчерпались. Другие новости отвлекли колонистов от шахты. Медицинская комната перестала поставлять новичков, словно «сарай» понял опасность перенаселения. Поиск и сбор еды из степи удалось поднять на новый уровень, потому что одна из арабок, Маса, откололась от своей языковой компании и на довольно чистом русском призналась Берте, что окончила Тимирязевскую академию.

Попытки товаров побить отщепенку, а может, лишь поругать за измену, но слишком уж шумно, пресёк Робин. Он среагировал на скандал не хуже толкового копа. Ворвался в круг, заслонил Масу широкой спиной и тремя оплеухами установил тишину.

- Почему они на тебя напали?

- Чтобы наказать. Я сняла никаб, - и Маса показала морпеху трикотажную майку из стандартного комплекта одежды, обрезанную на манер платка, которой прежде обматывала голову, оставляя небольшую щель для глаз.

- И что?

- Это неприлично для мусульманки, - Маса попыталась объяснить, как паранжа, хиджаб и чадра обеспечивают женщине защиту против мужчин, но наткнулась на скептические усмешки, и закончила резко. – Вряд ли Аллах вернул мне молодость, чтобы я провела её, как дура. Там меня насильно выдали замуж, а я хочу жить светской жизни. Я дипломированный растениевод. И немного агроном. Неужели не принесу пользы?

Кто бы спорил! Вечером Андрей собрал всех и устроил собрание, где поставил вопрос о государственном устройстве колонии. Робин пресёк попытку арабок удрать, грозно наорал и усадил вместе со всеми. Ненавидяще шипя, то подчинились. Глава колонии предупредил их, что чинить самосуд не дозволено никому.

- Вот разрастётся колония, наберётся вас человек сто, примерно, тогда отделяйтесь, веруйте хоть в кого. Но навязывать свою религию и свой образ жизни – даже не думайте! Здесь вам не старая Земля!

Он привёл примеры светских и религиозных государств, перечислил достоинства и недостатки монархий, демократий, охлократий, деспотий, тираний и даже анархий. Попытался рассказать об авраамических религиях, но обнаружил в голову пустоту на эту тему. Словно в памяти осталось только оглавление когда-то прочитанной книги, а текст – стёрся.

- Забыл? Не может быть! Неужели ментограмма не вписалась? Вот это облом!

Вольфа так испугала обнаруженная в памяти лакуна, что он прервался, отпустил арабок, а всем остальным рассказал о лакуне, обнаруженной в памяти. Хосе почему-то покраснел. Берта переглянулась с Ириной, и лишь Анна захлопала в ладоши:

- Так я не дура, значит! Что же ты раньше не сказал о дефекте ментограммы?

- Что не сказал?

- Ну как же, что память неполная, что потом только, и то не всегда вспоминается, что раньше знала! – радуясь, заявила филологиня.

К ней присоединились остальные, рассказывая, как несколько раз натыкались на дыры в былых знаниях, который вдруг заполнялись. Первой спохватилась и упорядочила болтовню Ирина:

- Стоп, девочки и мальчики! Теперь каждый расскажет свой случай медленно и спокойно, припомнив, как, когда и после чего вспомнили забытое.

- Почему так? – удивился Андрей.

- Потому что это научные факты, а они требуют точной регистрации и последующего осмысления. Ты не забыл, что мы – клоны? Что в нас записаны ментограммы? Что в мозгах у нас не наши знания, а знания наших оригиналов, наших предшественников? И никогда ещё, никто не проверял, насколько прочно, насколько точно, и насколько полно впечатывается ментограмма в мозг клона.

Никогда ранее Вольф не видел супругу в ипостаси ученого-нейрофизиолога. Зрелище оказалось поучительным. Двое суток Ирина Макарова пыталась каждого из членов колонии, исключая арабок, кропотливо заносить факты на бумагу. Последним в её лапы попал сам Андрей. Он, в прежней жизни выдававший десятки следователей, даже не подозревал, как все они уступают ученому, который вскрывает и разрабатывает золотую жилу новых знаний.

А потом ему и всем остальным пришлось выслушать краткую, но очень насыщенную терминами лекцию, по итогам которой Ирина сделала вывод:

- Лакуны обнаружены у всех и каждого. Они возникают в областях знаний, которые не являются главными для индивидуума. В побочных. Который использовались реже основных. По сути, в мозгу оригинала такие знания архивированы, и ментограмма считывает их именно в таком состоянии. При наложении ментограммы архивирования не происходит, однако без внешнего толчка разархивация произойти не может...

- Что за толчок? – перебил её Хосе.

- Спонтанное разархивирование, может быть, и произошло бы, если клон стал бы усиленно думать над темой. Есть два таких случая. Но чаще для этого нужен толчок, инициация. Это может быть фраза на архивированную тему, подсказка, если два клона имеют близкую терминологию или пересечение тем... Возможно, даже чтение учебника может включить такой механизм. Я предлагаю проверить гипотезу, - оживилась Ирина, - когда мы начнём обучать Ахата.

- Обучать? Чему? Как? Разве у нас есть учебники? – раздалось сразу несколько недоумённых выкриков.

- Всему.

Ирина подняла палец вверх, словно указывая в небо. А потом голосом профессионального лектора объяснила, что, согласно поговорке, что «с миру по нитке – нищему рубаха», каждый колонист обязан будет донести до недоросля Ахата Нургалиева знания о своём предмете, в коем он, колонист, знаток и профессионал. И пусть только какой колонист попробует сачкануть, пренебречь и не воспеть свою профессиональную кладезь знания. Тогда его, ленивого колониста ждут кары страшные и немедленные от нейрофизиолога Ирины Макаровой-Вольф.

Пока запуганные будущие лекторы приходили в себя, в их круг ворвался сам Ахат. С круглыми от изумления глазами и с восторженным рёвом:

- Там этот, как его, проходчик, из шахты вылез. И за собой металл вытащил! Идёмте, а то он назад уйдет, а мне одному слитки не поднять!

**

Планета Земля

Шум. Нет, не шум, а нечто невозможное прежде, невообразимое в недавних реалиях, творилось на планете. Все грамотные люди обсуждали событие, случившееся на одной четвёртой части суши, в Русско-Туранском Союзе. Толчком послужил добровольный уход из жизни Председателя Всемирного Ученого Сообщества, господина Изяславина.

Не сам факт эвтаназии, а предсмертная записка, завещание, по сути, возбудили общественный резонанс. С помощью беспардонных журналистов всем и каждому жителю Земли стало известно, что в одной из соседних галактик поселились людские клоны. Хотя ученые Союза опровергли заявление, мол, до возврата зонда говорить об успехе эксперимента рано, мир дружно решил, что почин с колонизацией вселенной - сделан.

Естественно, проныры журналисты сумели добыть подробности дела. Как и у кого они их получили, достоянием общественности станет лишь в случае, если служба собственной безопасности Международного Суда найдёт «крысу». Следственный Комитет Союза и прокурор Демир категорически отрицали причастность к утечке, а Таянова и Кичигина даже спрашивать не стали.

Попутно возникнувшие коллизии обсасывались тщательно, словно ребрышки из жаркого. Президент Русско-Туранского Союза настоял, что слушание дела будет проходить в Новосибирске: «Это вопросы нашей внутренней компетенции», а Международный Суд настоял, что в состав коллегии войдут трое его представителей: «Решение вопроса может стать значимым для всего цивилизованного мира».

Студенчество и молодые учёные всего мира на удивление быстро создали фонд в поддержку троицы обвиняемых и яростно спорили, какого знаменитого адвоката нанять для защиты. На улицы и площади университетских городов вышли шумные демонстрации в их поддержку. Граффити покрывали стены домов и учебных корпусов, крупно выпячивая сложенное из первых инициалов слово «М. И. Р.» - на русском, что характерно.

Досужие старики и старушки заявляли, что готовы пройти ментографирование, чтобы их клоны принесли пользу в колонизации вселенной. На волне всеобщего интереса к клонированию академик

Зулькарнеев занял место покойного Изяславина и немедленно инициировал пересмотр так мешавшего ему закона. Правительства ведущих стран охотно поддержали инициативу, и Думо-Диван уже назначил дату рассмотрения такой интересной темы.

Новосибирская прокуратура озаботилась защитой обвиняемых от СМИ и содержала всех троих в неизвестном для журналистов месте. Иванов, Мухортов и Рифеев лишь один раз появились в прямом эфире, устроенном по разрешению Генерального Прокурора Русско-Туранского Союза. Выглядел все трое немного печальными и сильно растерянными. На большинство вопросов ответил Иванов.

К разочарованию журналистов, Аристарх отверг предположения, что на них оказывалось или оказывается давление, что их подвергали или подвергают физическому и психическому насилию. А напоследок заявил:

- Мы с друзьями благодарны следователю Кичигину за его дотошность и человеческое отношение к нам. Только с его помощью нам стало понятно, что мы совершили...

- ... натворили, - поправил его Геннадий Мухортов. – Не подумав о том, как это отразится на людях...

- Всем, кто за нас, спасибо, но... - добавил Василий Рифеев, - наша дурацкая инициатива, если не сказать грубее, своеволие, привела к гибели двух уважаемых людей...

- Всё именно так, как говорят мои друзья. Мы виноваты в преждевременном уходе от нас академика Вольфа и академика Изяславина. И покорно примем наказание за наши... за наше... Преступление. Поэтому до суда ни с кем разговаривать не будем.

Иван Семёнович Кичигин в полной мере настрадался от неожиданной популярности. Не то чтобы выйти в кафе «Маша и Медведь», даже добраться до рабочего кабинета спокойно ему не давали сначала полчища журналистов, а потом и любопытные горожане. Когда прокурор Демир, теперь уже прокурор при Международном Суде, вернулась в Сибирь, измученный назойливым вниманием следователь глубокой ночью прокрался в её номер.

- Гуля, давай сбежим отсюда? У меня ещё неделя отпуска есть, - предложил он жене, отдышавшись после добросовестного исполнения супружеского долга.

- Не могу. Только после суда. Я думаю, за пару недель закончим.

- У-у-у-у, - притворно завыл Иван, обхватывая голову руками, - меня на столько не хватит. Они же за фалды хватают, камеру в морду мне суют!

- Завтра вместе выйдем, - пообещала Тангюль, мстительно прищурившись, словно на огневом рубеже. – Я покажу, как с ними обращаться.

И показала. Заломив руку первому журналюге, который стоял прямо напротив двери, туранка согнула его, коленом придавала ускорение и расчистила путь перед собой до самого лифта. Локтем в бок какой-то наглой девице, носком туфельки – по голени мужику, пытавшемуся втиснуться вслед за Иваном.

- Тебе так нельзя, а я слабая женщина, - победно улыбнулась она ошеломлённому мужу. – На выходе тоже держись за мной. Пробьёмся!

И ведь пробились! В здание Следственного Комитета журналистов не пустили. Чмокнув Ивана, прокурор Тангюль направилась в привычный кабинет. Ей предстояло готовиться к процессу. А следователь Кичигин набрал полицию, попросил дежурного помочь, и через несколько минут ехал по делам в мобиле следственно-оперативной группы. До ближайшего кафе, откуда уже спокойно, никем не замеченным он отправился по бесконечным служебным делам. Известно ведь – у следователя дел больше чем у собаки блох.

Суд ещё не рассмотрел дело, не признал обвиняемых виновными - он ещё только изучал обвинительные заключения и аргументы прокурора Тангюль Демир. А недовольные граждане вновь и вновь устраивали у здания суда митинг, в ходе которого требовали подать апелляцию на пересмотр. Попытки доказать, что до решения суда и обнародования приговора — это делать бессмысленно – пропали втуне.

Тележурналисты не сумели перехватить прокурора Демир, которую сопровождал взвод судебной охраны. Поздним вечером, когда представители СМИ устали и покинули холл, в гостиницу прокрался Иван. Жена не спала, с интересом смотрела новости.

- Дождались.

- Кто? Кого?

- Ты в своём репертуаре, милый, - вьерошила его волосы Тангюль.
– А мир каждый день меняется. Хорошо, у тебя есть я, а то и конец

света не заметишь...

Тая от ласки, Кичигин успел заметить академика Зулькарнаева, тыкающего в карту звёздного неба. Примерно в область Юпитера.

- Открыли что-то?

- Нет. Зонд вернулся. Вчера появился в месте старта. Сейчас тащится к Земле. Завтра, если всё у них пройдет штатно, приземление. Потом дезинфекция, дезактивация и прочие дезы... В конце недели откроют люки, получают долгожданные сведения. Как раз к первому заседанию суда. А что ты встрепенулся?

Иван и сам не понял, как у него вырвалось:

- Гуля, ну надо же отложить слушание. Какое оглашение приговора, если пожет появиться новая информация? Неужели непонятно?

- Чего ради? Это ничего не изменит. Слушание назначено. И вряд ли его отложат. Ты не знаешь, насколько судьи спесивы. Они привыкли решать судьбы, вот и ощущают себя выше всех...

Супруги сцепились. Кичигин кричал, что в свете новых обстоятельств суд может пересмотреть решение и даже изменить приговор, а прокурор Демир не менее горячо доказывала, что никакая новая информация не может изменить мнение суда, основанное на действующем законодательстве.

Спать супруги легли раздельно, однако среди ночи Ивана разбудил поцелуй Тангюль и жаркий шёпот в ухо:

- Я неправа. Работа к личной жизни отношения не имеет. Как ты мог уйти на диван? Извинись передо мной, немедленно!

**

Галактика Андромеды, экзопланета без названия, система
оранжевого карлика без названия, степь вокруг земного
исследовательского корабля

Белка в колесе — так мог бы назвать свою повседневную деятельность Вольф. Ему так не хотелось руководить, что он поручал конкретные дела кому-нибудь из Совета. Или конкретному колонисту, лишь бы самому не заниматься ничем. Только проблемы множились и множились. Каждое утро и каждый вечер Андрей выслушивал, переспрашивал, вникал, чтобы принять решение, какое казалось ему правильным.

Но даже поручив, переложив ответственность на другого, Вольф не мог избавиться от переживаний. Слишком часто ему казалось, что он сказал глупость, что решил неверно, что за его спиной все смеются и показывают пальцами: «Наш-то придурок чего сморозил!»

Порой Андрей мечтал, что из репликатора выйдет парень, который ударит себя в грудь и заявит: – «Имею опыт, навык, могу и хочу руководить!» И мгновенно предложит, да что предложит? Решит проблему языка, питания и скорого возвращения всех и каждого на старую Землю...

А он, Вольф, насильно поставленный у штурвала колонии, бросит рулить, плюнет на пульт командирской рубки, встанет, распрямит усталую спину и уйдёт в лес. Чтобы там построить шалаш, нарежет хренову кучу травы, высушит, накроет её всю сплетённой из той же травы циновкой. А потом с разбегу бросится на пружинистый стог, разляжется, раскинет руки и ноги, чтобы не вставать сутки или двое...

Ах, сладость мечты, что ты делаешь с нами? Как жестоко ты подшучиваешь над наивным мечтателем! Чувствовал Андрей себя белкой в колесе, но крутилось то колесо равномерно. А сейчас оно ускорилося так, что успевай ноги переставлять!

После слов Ахата Нургалиева, мальчишки в теле взрослого парня, вся колония, как один человек - бросилась бежать к круглой дырке в почве, куда совсем вроде и недавно забурился кибер-паук. Зачем, куда и что ему понадобилось в степной почве до сих пор оставалось загадкой. И вот – отгадалось! А что такого случилось-то? Кибер добыл и доставил металл. Так из него ещё предстояло делать полезные вещи. Навскидку, это сулило Вольфу массу новых проблемам. С обработкой металла, например.

- Нашли чему радоваться, - ворчал про себя Андрей, глядя на возбужденных колонистов.

Даже арабки, молчаливые, скрывавшие лица под никабами, разве что не визжали от восторга, щупая гладкие слитки металлов. Разных металлов, это сразу отметил и громко объявил - кто? никто и ни за что угадал бы – да Робин же! Морпех, который, как он не преминул похвастать, почти закончил колледж по специальности технология обработки металлов резанием. «Да уж, сюрприз за сюрпризом, - вяло удивился Вольф очередной новости, - и то, попробуй, разгляди в громадном негре неплохо обученного токаря...»

Андрей Григорьевич – так его никто не называл, даже он сам - за последнее время адаптировался к молодому телу. И молодое тело тоже приспособилось к сознанию адвоката, обмялось, словно новая одежда по фигуре. Оттого воспринимал он свой темперамент иначе, чем в первые дни. Так привыкает к подаренному мужем ножу с лазерной заточкой домохозяйка. Сначала он кажется ей слишком острым, но отказаться от подарка нельзя. Строганув несколько раз по ногтю, а то и до крови, она постепенно осваивает безопасные приёмы, да и само жало постепенно утрачивает первоначальную остроту.

Так Вольф не возмущался и не удивлялся набору репликантов, которых поставляла медицинская комната. А как перестала – даже обрадовался. Очень уж сложно было встречать и вводить в колонию новичков. Даже наработанные Ириной приёмы порой давали сбой. Как это произошло с арабками, устроившими внутри колонии эдакий монастырь.

И уж вовсе скверно получилось с сепаратистами. Те выкопали в лесу землянки, обустроили лагерь, нашли и опробовали местные плоды, а вот мясо добывать так и не научились. И на контакт с колонией упорно не шли. Ахат, сбегавший к сепаратистам на самовольную разведку – за что огрѐб оплеуху от Робина – сказал, что те плетут щиты и тренируются в боевых построениях.

Войны Вольф не хотел, но и не боялся. Робин уже заставил колонистов, всех, женщин тоже – заниматься боевой подготовкой. Даже Мухортов, который впал в апатию, когда понял, что ему не поверили, и оттого трудился вяло, как раб на плантации, откосить не рискнул, маршировал в общем строю. Всего за три дня сержантского рева квадрат минифаланги перестал разваливаться при смене направления, а бодро сводил плетенки щитов в сплошную стену, тупыми жерди изображая копья.

Первое, что пришло Андрею в голову при взгляде на слитки – наковальня. Есть металл, значит, будут наконечники для копий, для стрел, а там, глядишь, и доспехи удастся выковать. Робин идею поймал на лету, заставил перетащить слитки поближе к пандусу, и занялся заготовкой древесного угля. Как он собирался плавить металл, в чём?

Вопросы морпеху задавал Ахат, как только у него возникала пауза между лекциями. Ответов Вольф не слышал, да и в кузнечном деле он ничего не соображал, так что дельного совета дать не сумел бы. А чего

тогда специалиста по металлу терзать? Эх, вот бы заставить паукообразного кибер-шахтёра плавить и разливать металл по формам, чтобы потом проковать, заострить, и... Эх!

- Можно ведь, можно настроить этого кибера, - мечтательно щурился Вольф на неподвижного робота, - подсустились бы Анька с Люськой!

Знаток языкознания себя осознала не только филолог, но и Люсия. Итальянка яростно спорила с русской, настаивая на ином подходе к расшифровке инопланетного языка. Ей чудилось в звучании нечто знакомое, не похожее на индоевропейские версии, а праностратическое, даже урало-алтайское. Вольф не мешал им собачиться. Пусть умничают, лишь бы толк был!

**

Минула неделя. Увы, расшифровка чужого языка не продвинулась. Зато из хлопот Берты толк вышел. После триумфального запуска кибер-шахтера настырная немка добилась своего. Все крупные ящики выволокли наружу, расставили вокруг «сарая» и попытались оживить опробованным путём.

Тыкали флешки в пульт, искали удачные комбинации кнопок, переносили флешки в очередного кибера. А те игнорировали суету и просьбы людишек. Лишь последний, вовсе не паукообразный кибер откликнулся, приподнялся над травой и направился в коридор. Прибежавшие на радостный крик Берты мужчины с недоумением смотрели, как бочкообразный робот ввалился в медицинскую комнату, подключился манипулятором к скрытому разъёму на торце репликатора.

Спустя минуту кибер выкатился наружу, промял в траве прямую линию до ручья, насосал в себя воды и вернулся в медкомнату, где опорожнился в стену рядом с репликаторами. И повторил ходку четыре раза.

- По кубометру привозит, - оценил Хосе. – А зачем?

- Ну ты спросил! Для репликантов, - сходу критикнула умственную отсталость испанца Берта, - тут и думать не надо.

- Я же говорил, говорил вам, - с надрывом, на высокой ноте вступил Мухортов, - что это наша техника. Вода может быть местная, а биокomпоненты – наши. Именно для закладки и выращивания тела!

Однако бочкообразный кибер слова Геннадия опроверг. Он выбрался наружу и медленно двинулся по степи, оставляя за собой полосу голой земли. Любопытный Ахат пробежался следом, поковырял её пальцем. Вернувшись, доложил:

- Под корешок состригает.

Скосив, на взгляд Вольфа, с полгектара, кибер перегрузил собранное добро в стену медкомнаты. Берта, свысока глянув на Мухортова, передразнила:

- Биоконпоненты наши... Вот они, конпоненты! Сено, и всё. Завтра выйдет новый репликант, значит, кибер зарядил систему!

А Вольф, записывая в дневник очередное событие, тихонько вздохнул: «Лучше бы он жратву из травы наготовил... Наверняка ведь можно и его перенастроить?»

На рассвете из медицинской капсулы вышла нагая девушка. Одна. Берта, услышав традиционное голосовое объявление, подала ей свой, заранее выстиранный и высушенный тельник. К сожалению, запас одежды исчерпался на Ахате.

- Эльбизе? – воскликнула черноволосая девушка, приседая и прикрываясь руками.

Эффект от одного слова – поразил всю колонию. И всё изменил радикально. Вспоминая тот момент, колонисты описывали его по-разному. Одни, кому турецкий язык ранее был лишь отдалённо знаком, ничего особенного не ощутили. Тем, кто владел им свободно, как свет в тёмной комнате включили. Знание вернулось полностью, словно озарение. Или прозрение – для слепого.

Вольфа это слово прошибло до головокружения. Память вернулась волной цунами, затопила весь мозг. Андрей вспомнил, как под звуки нежного голоса выходил их медкомнаты, как тот же нежный голос предлагал ему прослушать инструкцию о приведении исследовательского корабля в рабочее состояние. А он, дурак, не понимал туранский язык, язык, на котором говорил, как на родном! И бездарно потерял столько дней! Голодал, страдал от жажды, подвергал себя опасности, сражаясь с львиным прайдом.

- Ой, дурак! Какой же я дурак! Ну что бы мне поднапрячься, вспомнить туранский?

Андрей аж выругался, настолько остро осознал свою несостоятельность. Он удрал из коридора, где Ирина с Бертой

работали с молодой туранкой, снимали стресс, рассказывали о колонии. Он бежал прочь от «сарая», который оказался земным исследовательским кораблём. Его гнал стыд:

- Руководитель, ёшкин кот! Настраи́вал Анну расшифровывать язык! Чтобы овладеть им, чтобы получить доступ к инопланетным знаниям. И всё зря. Всё напрасно. Сам впустую потратил время. И другими впустую руководил!

Андрей кричал на себя, обзывал, клял идиотом, болваном, но совесть не унималась, грызла, упрекала за тупость, а оправдания выглядели незначительнее одуванчикового пуха. Как тут оправдаться, если ты узнал, что язык, названный тобою «чужим», оказался не инопланетным, а самым что ни на есть земным. Государственным, наравне с русским.

Что или кто мешал Вольфу своевременно напрячь мозги? И вспомнить, как вспомнил немецкий после первой же Бертиной фразы. Как испанский, едва Хосе задал традиционный вопрос: «Где я?» Даже гортанный арабский, после которого в горле першило, Вольф опознал и вспомнил, а тут практически родной - и на тебе!

- Руководитель! Ни ума, ни навыков! Дурак дураком, только понты колотить и умеешь! Да щёки надувать, умный дескать! Версии твои, господин адвокат, ни хрена не стоят. То тебе игровики чудились, то инопланетяне, а всё гораздо проще. Как Мухортов и сказал... Всё, хватит, накомандовался! Пусть другие, поумнее кто, колонией занимаются...

Вольф метался по степи, пока не устал. Потом ополоснулся в ручье и пошёл в командирскую рубку. Естественно, так собрался Совет целиком. У пульта сидели Анна и Люсия. Лингвистки чуть ли не хором читали – не с пульта, а с нормального объёмного экрана - слушали ответы бортового компьютера на свои вопросы.

- Где ты был, Андрей? Тут такой прорыв, – ликовали языковедки, возбуждённо отплясывая у пульта танец в дикарском стиле. – Теперь мы знаем всё! Можем всё!

- Да! Искин корабля рад, что контакт установлен! Он не только туранский, он все языки знает, вот слушай! - перебивая друг друга, радовалась Ирина. - На русский перешёл!

И действительно, мелодичный женский голос, тембр которого накрепко, подобно голосу матери, врезался в память Вольфа, пояснил

на чистом русском языке:

- Обновление интерфейса завершено. Прошу оператора Берту приблизить глаз к синему диоду для сканирования сетчатки...

Геннадий Мухортов, уныние и отрешённость которого исчезли напрочь, настойчиво пробивался к пультам:

- Девочки, дайте мне минуту. Арья закладывал сюда несколько компакт-заводов. Я точно знаю, так пищевой синтезатор. Дайте мне, я его прикажу его распаковать, хоть поедим нормально! Надо отпраздновать! Дайте, я знаю, как киберу поручить, чтобы не самим запускать! Ну, дайте же и мне что-то полезное сделать!

Андрей повернулся и вышел из рубки. Он чувствовал себя чужим на этом празднике. Виноватым в том, что праздник задержался. И не хотел, чтобы кто-то вовлекал в это веселье. Которое ему не причиталось. В коридоре его догнал ответ искина на очередной вопрос Берты:

- ... четвертая по счёту от центра, землеподобная экзопланета в системе оранжевого карлика. Галактика Андромеды...

**

Планета Земля.

В столице Русско-Туранского Союза разгорелись нешуточные страсти. Кто-то, скорее всего, игровики, которым не понравился прямой упрёк начальника Новосибирского Следственного отделения. Марин Владимирович в интервью специально приглашённому в Сибирь телеведущему программы «Человек и Закон» заявил открытым текстом, что будет настаивать на частном определении в адрес Академии, а особенно - игровых компаний.

Ещё бы! Академия – хоть это и звучит кошунственно – откупилась самоубийством Изяславина. Но игровики проигнорировали бесспорно доказанный факт об использовании их игровых капсул для снятия незаконных ментограмм. И никак, опять же, не прореагировали на самостоятельность ведущего разработчика, Мухортова Геннадия, чьими усилиями преступная группа получила мобильные «шлемы-ментографы».

Таянов, конечно, не имел права предлагать в качестве меры наказания громадные денежные штрафы. Это прерогатива прокурора – предлагать, а назначать – и вовсе право суда, исключительное, кстати. Но слово не воробей, вылетело такое предложение из уст

двухметрового гиганта. А телеведущий не преминул снабдить оговорку пространным комментарием. И предположить, что смерть Вольфа и прегрешения игровиков вполне могут закончиться даже запретом на производство игровых капсул.

Что тут началось!

Шумные толпы игроманов, без того злых за ограничение по времени, буйствовали на улицах Царьграда. Полиция едва успевала разгонять простых фанатов и арестовывать лидеров. С последними оказалось всё настолько сложно! Уличные камеры слежения и с полицейских дронов помогали выявить и распознать лица тех, кто возглавлял и подогревал дурачков. Но едва группы захвата подходили к жилью подозреваемого, как их встречал адвокат, безнаказанно чиня препятствия и фиксируя навязанный скандал для подачи жалобы в прокуратуру.

Игровики, объединенные Хорохординым в монолит, инспирировали заявление в Конституционный Суд, подали протест в Международный, а затем объявили голодовку. Демонстративную. С палаткой перед Паласом Дивано-Думы, которую полиция дважды снимала, пока спикер ДД лично не пообещал поднять вопрос о поправлении «прав играющих в коллективные игры» - это цитата, не досужая выдумка, а что подделаешь, если депутаты через одного, в лучшем случае, страдают косноязычием и дислексией? – на внеочередной сессии.

Масла в огонь подлил академик Зулькарнаев, когда подал в Международный Суд запрос – а подпадает ли под юрисдикцию Земли клонирование человека на иной планете? И попросил отложить слушание дела до возвращения исследовательского корабля, отправленного в галактику Андромеды. Суд отклонил просьбу академика, подтвердил дату первого слушания, но пообещал рассмотреть все спорные моменты, просьбы, заявления и жалобы до оглашения приговора.

Скандалы вокруг дел, переданных прокурором Демир Тангюль в Суд, произвели ещё одно, замеченное и высоко оцененное экономистами действие. Наверное, успехи Союза, давно наплевавшего на псевдолиберализм и псевдотолерантность Старой Европы и Северной Америки, продвинули общество в нужном направлении. Мировое сообщество коммерческих банков получило смертельный

удар на сессии ООН - их решили влить в Государственные банки. Фактически – ликвидировать. Закончилась длившаяся полвека отвязка национальных валют от доллара.

Жаль, обыватели не заметили событие эпохального масштаба. Кто бы слушал обозревателей, когда в новостях столько шума вокруг суда? А зря. В их обзорах красочно раскрывались перипетии борьбы прошлого и будущего планеты, где на стороне будущего, естественно, стоял Русско-Туранский Союз. Он, Союз, первым вернул смертную казнь - за терроризм, и только за него! - перевёл собственную энергетику с углеводородов на солнечное, водяное и ветровое электричество, чем показал пример цивилизованному миру. А главное – существенно улучшил государственный социализм на зависть Швециям и прочим европейцам.

Капиталистические модели государственного устройства, пережив катастрофическое падение уровня жизни после бунтов законных и незаконных мигрантов, принялись изучать опыт – кто бы мог подумать? – бывшего Советского Союза. И осознали, насколько практический, хорошо обкатанный советский социализм, плановый, но с разумными добавками частной инициативы, лучше дикого или окультуренного капитализма.

Что характерно, обозреватели сетовали на государственное регулирование доходов. Их можно было понять. Налоговая служба Союза уравнила всех, взимая прогрессивный налог как с крутых бизнесменов, со спонсоров, так и со «звёзд» - певцов, артистов и прочих современных «скоморохов». Нет, никто не обнищал, но за супер-яхты, золотые унитазы, личные самолёты и роскошные авто приходилось платить очень дорого. Причём, в карман государства, а не производителя.

В таких условиях дети миллиардеров Союза, не сбежавшие в более лояльные страны, шиковали на деньги родителей недолго. И очень осторожно, потому что правоохранительные органы внимательно следили за поведением «золотой молодёжи», предпочитая перебдеть. Закон о коррупции отправил за решётку многих нечистоплотных полицейских, прокуроров и судей, подействовал на страх или совесть других, менее рискованных.

Назавтра телевизионные новости обсасывали заявление главы ООН, который предложил Союзу перевести слушание дел в Брюссель,

дескать, вопросы касаются всего мира, всей планеты. Президент Союза отказал, но предложил всем странам прислать своих юридических представителей, чтобы сразу по оглашению приговора начать доработку Международного законодательства о клонировании.

И в свою очередь предложил создать соответствующую комиссию, делегировав в оную от Союза госпожу Демир и господина Кичигина, как наиболее информированных о лакунах действующего закона. Следователь по особо важным делам изумился, услышав такое заявление Президента. Прокурор Демир – задумалась. Вечером, приняв душ, она спросила мужа:

- Как ты думаешь, сколько времени будет работать комиссия? Год? Дольше?

- Ты что, хочешь отказаться?

- Не уверена...

Задумчивость Тангюль передалась Ивану. Он поскрёб только что качественно выбритую щёку, положил ладонь на бедро супруги, но с более решительными действиями повременил:

- А я с удовольствием поработаю! Знаешь, древние психологи советовали каждые семь лет менять работу, чтобы не закоснеть, не заскучать...

- Мне не скучно, - возразила туранка. – Боюсь, если в комиссию пойду, место прокурора Суда потеряю. А не хочется.

- Так до неё ещё сколько времени, до комиссии-то! Не бери в голову, как надо, так и сложится. И вообще, не отвлекайся, - решительно скомандовал Иван, - супружеские обязанности кто выполнять будет, а, прокурор?

**

Лес, экзопланета оранжевого карлика, галактика Андромеды.

Отшельник

Андрей уходил от лагеря с лёгким сердцем. Чем дальше, тем меньше давила на него совесть за допущенные ошибки. И стыд не жёг щёки.

- С глаз долой, из сердца вон, - пробормотал он поговорку, которую совсем недавно разъяснял Робину.

С получением доступа к искину корабля колония получила немислимые ранее блага. Стали понятны запасы, лежавшие в рубке, решилась проблема с едой, питьевой водой, одеждой. Компакт-заводы

заработали, добывая, перерабатывая и производя нужные и необходимые вещи и предметы.

А Вольф, переживая свой позор, отказался руководить колонией, попросил у Берты плотницкий топор, флягу, надувную палатку, небольшой запас еды и собрался уйти по-английски, не прощаясь. Ахат заметил удаляющегося Андрея, доложил Робину, а тот догнал друга на новеньком вездеходе. Вернул в лагерь и собрал расширенный Совет. На их вопросы Вольф ответил развёрнуто и конкретно:

- Я не нужен колонии. Совет справится. От меня и раньше толку не было, я всё перекладывал на ваши плечи...

Берта возразила:

- Все руководители так делают. Это и делегирование полномочий и...

Великодушный морпех вспомнил подходящую русскую поговорку:

- Не мешайте ему. Эндрю должен перемелить горе, чтобы получилась мука. Ой, не так! Перемелется и мука будет, да? Тогда ты вернёшься, я прав?

- Не знаю. Там будет видно. А сейчас вам не нужен деспот. Теперь вас много, есть оружие, есть возможность дальнего наблюдения, а главное – вам не грозит голодная смерть. И всё это – вопреки моей дурости. Так что я ухожу. Не в монастырь, а в пустынь. Отшельником буду. Исккупать вину...

- Ты ни в чём не виноват, - схватила его за руку Ирина. - И меня бросаешь. Я не нужна стала, да?

- Ир, ты мне всегда нужна. Я не могу здесь, плохо мне. И никому не нужен. А ты нужна. Колонии нужна. Поэтому не зову. Не хочу портить жизнь и тебе. Простите.

И ушёл.

Куда? Он и сам не знал. Примерно в сторону леса, собираясь обогнуть его справа, минуя становище сепаратистов. Андрей шёл, слушая шелест травы под ветром, скользя мыслями по любым темам, что возникали в голове. Он сожалел, что вокруг этой планеты не крутится луна, которая ночами придавала той Земле очаровательный, серебристый флёр нереальности, сказочности. Вспоминал, как первый

раз шёл по степи, борясь со страхом, как орал на местного хищника, чтобы отпугнуть, как рубился с прайдом...

Словно в ответ на воспоминания, на бугорок выбежало несколько кошек. Впереди бежали двое маленьких, жалобно мяукая, за ними крупными прыжками двигался взрослый кошка, а чуть позади него двигалась кошка помельче. И нацелился прайд явно не на Вольфа. Крупный кот догнал котёнка, схватил за спину и принялся мотать из стороны в сторону.

- Ты что гад делаешь? – возмутился Андрей, поняв сюжет трагедии.

Этот кот, победитель бывшего предводителя прайда, спешил истребить недавний приплод. Тогда кормящие самки быстро вернутся в готовность к совокуплению. Самка, которая бежала позади, и рада была бы защитить малышей, но не рискнула схватиться с таким крупным самцом. Или уже получила от него трёпку. Но Вольф кота не боялся. Кроме тесака и топора у него на поясе висел станнер. Тот маленький, несерьёзный на вид пистолетик без обоймы. Знать бы раньше, что достаточно вставить в рукоятку аккумулятор, лежавший отдельно, как парализатор готов к действию – не пришлось бы Андрею воевать с прайдом.

Узкий луч станнера, направленный на лапу зверя – парализовал только её. В голову – гарантированно ослаблял, замедлял его движения. А широкий, накрывая тело целиком – усыплял на полчаса, если не больше. Андрей бросился навстречу коту, целясь в передние лапы. А тот уже отбросил безжизненное тело первого котенка и настигал второго.

Вольф опередил хищника. Выстрел станнера – негромкий щелчок конденсатора -подкосил передние лапы кота. Тот кувыркнулся, сумел лечь на живот, но толчок задними лапами не отправил его в прыжок, как обычно, а ещё раз кувыркнул через голову. Самка, подоспевшая к месту схватки человека и кота, попыталась напасть на Андрея сбоку. Но получила заряд станнера в голову и отключилась.

Котёнок так испугался шума и рычания, что спрятался за ноги человека. Подхватив его левой рукой, Вольф убрал станнер в кобуру, подошел к местному льву ближе. Крупный, более метра в длину, тот превосходил земного леопарда длиной ног, а вот хвост имел короче, как рысий. Его жёлтые глаза следили за человеком, задние ноги

подёргивались, но опыт уже подсказал коту – прыгать бесполезно. И лишь грозные рокот остерегал: не подходи, дескать, я очень опасен!

- Да щаз! – усмехнулся Вольф. – Я с такими как ты на ножах схватывался, так теперь уже точно не испугаюсь. На вот, ещё добавку! – И он парализовал хищнику задние лапы.

А потом от души пнул в грудную клетку. Не в живот – так важные органы, зачем их травмировать? Зато рёбра надёжно защищают и сердце и лёгкие и почки с печенью. Синяки заживут, как бы ни болели, даже сломанное ребро не убьёт кота. Но навсегда врежется в его память, и приучит к мысли, что человек – грозный соперник.

Нанеся десяток пинков, Андрей обезвижил кота станнером – в голову, надолго и надёжно. Затем направился к кошке. Пинать самку не стал, посадил котёнка рядом с ней. Всё, справедливость восстановлена. Побитый кот вряд ли захочет гоняться за котёнком, да и кошка-мать, успеет спрятать отпрыска.

Так думал Вольф. Но котёнок не перестал бояться. Наоборот, он заголосил громче, чаще, выкрикивая истерический «Мяв!» явно не мамашке. Пришлось оглянуться. Да, котенок отбежал от самки, которая, скорее всего, оказалась не родной, или утратила доверие, как единожны предавшая. Маленькой коричневой кочкой он сидел поодаль и кричал в пространство, жалуясь на одиночество и страх.

Что заставило Андрея вернуться, он и сам не понял. Плачущий шерстяной комок прижался к груди человека, заякорившись когтями, но мяукать не прекратил. На попытку погладить – ответил зубами, острыми, но слабыми, который не смогли проколоть загрубевшую кожу пальцев.

- Давай договоримся сразу, - укоризненно пробормотал Вольф, - ни кусать, ни царапать ты меня не будешь. Нам делить нечего. Я сам ушёл, тебя выгнали. О, назову я тебя изгоем. А сейчас – потерпи, придём в лес, выберем место, там покормлю... И сам поем. Договорились?

Словно понимая, котёнок мяукал всё тише и тише, пока не уснул. И лишь лапы, судорожно дёргаясь, говорили, что во сне он видел кошмары. Наверное, убегал от самца-убийцы?

Спустя несколько часов на берегу прозрачного ручейка стояла палатка, а Изгой с удовольствием пожирал филейчики разделанных

Вольфом рыб. Набив брюхо, котёнок добрёл к палатке, рухнул на вещи опекуна и уснул.

Так, в еде и сне он провёл первую неделю. Подрос, окреп, научился пользоваться туалетом – кучей песка, специально натасканного Андреем к ближайшему дереву. Такие гиганты, корой похожие на эвкалипты, а хвоинками на сосны, росли вдоль ручья. Место оказалось очень удобным для жизни. Редкий подлесок служил прибежищем крупных стрекоз, которые охотились на мелких насекомых. Особую благодарность заслужили бурые, размером с локоть. Таких у степного ручья не водилось, видимо, пищи не хватало. Зато в лесу эти ловкие летуны успешно истребляли зловонных мух – как их назвал Вольф – шершней.

Крупные общественные осы, с палец длиной, они запросто могли отобрать у Изгоя полоску рыбы, потому что жалили больно, а ещё больнее кусались. Жвалы у тех ос выглядели серпообразно, и насквозь пропороли палец Андрея, когда тот попытался согнать крылатого злодея с рыбы. Тяпнув, шершень взлетел, но тут же попал под атаку коричневой стрекозы. Та заложила крутой вираж, лапами или воздушным потоком сбив насекомое на землю, а потом лихо перекусила пополам. И неспешно сожрала, пренебрегая головой и жалом жертвы.

Для Вольфа эти дни стали днями удивительных открытий. Как оказалось, птицы и пресмыкающиеся в новом мире отсутствовали как виды. Не было ни змей, ни ящериц. Их заменили насекомые. Длинные, похожие на крупных земных сколопендр, короткие, похожие на небольших трилобитов или мокриц, средние, пародирующие волосатых гусениц – все они ползали в траве, копались в земле, грызли деревья и кусты, чтобы служить пищей несметным полчищам разнокалиберных стрекоз. Вечерами, когда стрекозы засыпали, между деревьев мелькали другие крылатые обитатели леса, вроде летучих мышей.

Забота о котёнке сводилась к добыче пищи, что станнер обеспечивал на все сто. Точный выстрел парализатора сбивал с дерева крупных белок или куниц, подкашивал зайцев и мелких антилоп, а при нужде – прекрасно глушил рыбу. Времени у Вольфа оказалось так много, что он успел перемолоть обиду на себя, превратив её в питательную муку для более умных размышлений.

Андрей незаметно вернулся в прежнюю, исходную ипостась — опытного адвоката, крюкотвора, где-то даже законодателя. Ах, как легко измысливались варианты устройства нового, никем не испорченного государства! Вольф примерял на колонию и монархию во всех известных человечеству варианта, и демократию, от разнузданного народовластия до зарегулированной меритократии, не говоря уж о всевозможных диктатурах.

Но из мусора вырисовывался образ никем и никогда не опробованной конституционной деспотии, снабжённой мощными сдержками и противовесами. Деспот, как исполнитель, как президент и премьер-министр, подчинялся лишь всеобщему собранию, референдуму. Или его квинтэссенции — Совету, который не запросто, но можно было распустить, назначив референдум. А вот военно-полицейскую власть воплощал несменяемый Оборонник, который на Деспота чихал. Власть этих двоих ограничивал Законник... Нет, Законоблюститель, наблюдавший за соблюдением действующих и предлагавший новые Законы. Прокурор и судья в одном флаконе обретал и терял кресло по воле Совета.

Вольф прикинул, сколько времени понадобится для принятия базовых законопроектов? Если использовать опыт той Земли - за месяц можно управиться. Не затевать дурацкие обсуждения, а принимать готовый пакет, отшлифованный вековой практикой. И потом менять, улучшать по необходимости. Да, именно так!

Его, опытного юриста, не на шутку увлекла идея создания небывалого государственного образования. Можно ли гармонично сочетать достоинства демократии сочетались с единоначалием и персональной ответственностью высших государственных чиновников? Да! Если это Конституционная Деспотия с противовесами — Совет, Оборонник и Законоблюститель.

Всё просто: Референдум выбирает Деспота, Оборонника и Законоблюстителя на десять лет. Совет утверждает министров, Законоблюститель — судей, а Оборонник — городских шерифов, главных пограничников, таможенников и прочих полувоенный люд. Деспот — только местоблюстителей. Мэров и губернаторов.

Нужна персональная ответственность каждого. Если так? Деспот и его родня до третьего колена отдает государству бизнесы по оценке в процентах от валового годового дохода. Каждый год получает доход,

что был в год перед выборами, а в конце каденции – либо бизнес с доплатой, либо деньги в сумме тех процентов.

У Деспота получится прямая выгода наращивать валовый доход государства – тогда и ему и родне достанется больше. А как с Оборонником, Законоблюстителем и другими чиновниками? Да аналогично!

- Ух ты! – изумился Вольф. – Красиво получается. Частности потом доработать можно. А мы, вообще, кто на этой планете? Вдруг тут другие люди тоже живут?

Ему нестерпимо захотелось вернуться в колонию, организовать экспедицию во все края, чтобы немедленно изучить континент, составить карту и определить границы людских владений. Сожаление, что он уже никто и звать его никак – окатило его неприятной волной. Он снова почувствовал себя дураком, только теперь – иного рода. Торопыгой, который испугался неведь чего.

- Ну, посмеялись бы над моими гипотезами, да и забыли уже. Дурак, ой, дурак!

И вдохновение ушло. Кому оно надо, теоретизировать, писать проекты государственного устройства? Томазо Кампанелла нашёлся! Город мечты придумал! Государство общего благоденствия вообразил! Роли прописал государственным чиновникам!

- Ха! Кто ты есть такой, господин Вольф? Отшельник. Который отошёл от дел, от общества. Ушёл себе в пустынь, так и сиди в ней, постись и молись, грехи замаливай. Или отмаливай. Вон, кошка у тебя есть, ей и рассказывай свои идеи, товарищ фантазёр, деспот несостоявшийся, - негромко костерил себя Андрей, ворочаясь с боку на бок.

Сон упорно обходил его стороной. А вот котёнок, набравший уже килограммов пять-шесть, если не больше, напротив, спал днями и ночами напролёт. Настроение опекуна Изгой чувствовал, поэтому частенько ложился на грудь Андрея, активно месил его лапами, шумно мурлыкал, а то и пытался вылизать лицо. Как не поблагодарить такого заботливого парнишку? Вольф гладил, а то и вычёсывал кошака, находя в той заботе некое успокоение.

На второй неделе его логово посетил гость.

Хруст сухих веточек первым услышал спящий Изгой. Он вскочил, выбежал из палатки, уставился в сторону неясного шума и застыл

неподвижно. Только уши слегка шевелились и подрагивал кончик короткого хвоста. Андрей всмотрелся, прислушался. Ничего не увидел, но станнер приготовил к стрельбе. А затем услышал неясный шум и увидел нечто механическое.

Двухколёсный открытый экипаж на широченных колёсах лавировал между стволов, целенаправленно двигаясь в их сторону. Быстро и бесшумно, если не считать треска сухих веточек. Рослая фигура в стандартной для колонии одежде прислонила транспорт к сосне, сдернула с головы шлем и оказалась Ахатом:

- Дядь Андрей, здрасьте! Я с поручением!

- Ты как меня нашёл?

- Дрон вас видел сверху. А мне привязку дал по временным маякам. Тут навигатор классный, в мотике! – тараторил подросток, отвязывая от багажника объёмистый пакет. – Это вам посылка от наших. Робин сказал передать привет и согласовать, можно к вам завтра в гости?

Вольф потерял дар речи. Прошло всего две недели его отшельничества, а у колонии уже появились дроны, маяки, навигаторы и транспортные средства? А не свалил ли он дурака, выкинув себя из колонии, уйдя с магистрального направления? Не дело это, отдохнуть в лесу, когда каждая голова, каждая пара рук нужна!

Но трезвая мысль не выжила среди горячих ещё обид, утонула в самообвинениях, задохнулась в объятьях ущемлённого самолюбия. Вольф напустил на себя вид человека, которому далеко не всё интересно, ответил нарочито равнодушно:

- Кто это ко мне собрался?

- Берта, Ирина, Робин и Гена. Им спросить надо.

- Что спросить?

- Они не сказали, - пожал плечами Ахат, - а я не спросил. Приедут и скажут. Ой, а кто это?

Изгой выглянул из-за ноги Андрея, за которой прятался. Протянутая к нему рука была принята за врага, поцарапана и покусана. Жаль, всё досталось перчатке, но даже через её плотную ткань серьёзность намерений котейки убедила Ахата, что руку лучше убрать:

- Ого, вот это зверь! А кто он? Откуда?

- Подобрал в степи. Сирота он. Изгой. Кормлю вот, пытаюсь воспитать, - подхватывая воспитанника под круглое пузико,

представил хищника Андрей.

- Класс! Мне бы такого. Я бы его охранником воспитал, чтобы лаял, когда надо.

Вольф расхохотался. Современная земная молодежь, представленная в колонии только Ахатом, настолько отделилась от природы, что собаку путала с котом, а разобраться, кто теленок, кто козлёнок, а кто ягнёнок — могла далеко не с первого раза. Подхихикивая, на всякий случай, Ахат дождался пояснения Андрея:

- Уморил, ей богу! Это хищник из семейства кошачьих, я полагаю. Похож, во всяком случае. И когти у него втяжные, как у наших кошек, и мяукает он так же. Но не лает. Волков и собак я здесь пока не видел. Как и птиц.

- Откуда я знал, - оправдался мотоциклист, - он и на собаку похож. Вон, хвостом виляет.

- Ладно, погладь. Надо, чтобы он к людям привыкал. Гладь, я его придержу. И рыбки дай, угости, ну!

Вторая попытка общения прошла гладко. Изгой, сидя на руках Вольфа, ощущал себя в полной безопасности, пахло от гостя едой, а кусочек рыбного филе совсем примирил кота с новым человеком. До мурлыканья дело не дошло, но поглаживания были приняты благосклонно.

На том хозяева и распрощались с гостем. Хрустя сучками и веточками, электроход укатил. Наступила обычная тишина. Задумчивая. Для человека. А котенок привалился к его ноге, свернулся клубком и уснул. Ему не надо было готовиться к завтрашней встрече.

**

Планета Земля, система желтого карлика по имени Солнце

Прокурор Тангюль Демир звонким голосом зачитывала, нет, не зачитывала и декламировала по памяти обвинительную речь:

... глобальность замысла означенной группы поражает. Они внедряются в подпрограмму искусственного интеллекта Академии, присваивают себе права заместителя академика Изяславина. Пользуясь сложностью проекта, который называется смещением матрицы мирового эфира, группа решила внести изменения и дополнения в план экспедиции, изменить комплектацию грузов исследовательского корабля...

Председатель судейской коллегии, пожилой венгр, шепнул соседу:

- Хорошо говорит. Не зря её прочит к нам на постоянную работу.

- Я бы не спешил. Туранка, сам знаешь, излишний темперамент. Я предпочитаю северянок, и чтобы за полтинник лет. Такие крокодилы лучше работают, никого не жалеют...

Тем временем Демир успела вскрыть грандиозность преступного замысла и рисовала суду картину, как неформальное объединение молодых учёных-космогонистов обошла запрет на легальный доступ к мозгу человека. По её словам, преступники заранее создали игровую капсулу и тайком экспериментировали с ней, отрабатывая процедуру незаконного ментографирования.

- К сожалению, следствие не смогло установить, сколько ментограмм снято мобильными шлемами. И как много человек пожилого возраста не выдержали нагрузок и скончались в капсулах во время записи. Достоверно известно, что именно так был доведен до смерти адвокат Вольф, инициатор закона об ограничении игрового времени...

Судьи, знакомые лично с покойным или наслышанные о нём, зашевелились, перешёптываясь. Конечно, они читали обвинительное заключение, читали защитные письма, видели в новостях шумные митинги и шествия, но слова, прозвучавшие в зале, при почти тысяче слушателей – завели их, разогрели и склонили на сторону обвинителя. И то, кому из судей понравится, если убивают высокопоставленного или популярного юриста? Сегодня кто-то расправился с адвокатом, завтра – с прокурором, а послезавтра нацелится на судью? На вершителя судеб?

Шёпот коллегии обрёл негодующий оттенок. А прокурор Демир Тангюль продолжала разогревать зал:

- К сожалению, предварительное следствие упустило один исторический аспект. Оказывается, конец прошлого столетия был ознаменован малоизвестным общественным движением. Молодые учёные, вдохновлённые ранними трудами Стругацких или запуганные поздними, такими как «Улитка на склоне горы», «Хищные вещи века» и «Пикник на обочине», заявили о несогласии с пророчеством АБС о несостоятельности человечества, как биологического вида, якобы, запрограммированного на самоуничтожение. Они выдвинули и обосновали тезу, что только высокообразованные и молодые люди

способны на подлинное прогрессорство. И начинать его надо не в фантастических мирах, а на земле, не в будущем, а сегодня. То есть «здесь и сейчас». Апологетом и лидером движения подлинных прогрессоров выступил физик Владимир Ярко, автор нескольких фанфиков по АБС...

Тангюль перевела дух, глотнула воды и подробно изложила программное заявление подлинных прогрессоров. Проведя параллель между ними и миссионерами времён колониальной эпохи, и приведя факты о вредоносной деятельности тех и других, она сделала паузу, дождалась полной тишины, чтобы заявить:

- Два года назад, сильно заболев, Владимир Ярко опубликовал обращение к адептам прогрессорства. Он написал, что понял правоту братьев Стругацких. А дальше следует интересный пассаж, который я процитирую полностью. Цитата: «... человечество накопило огромное количество взаимных обид. Чёрные не простят рабства, Армяне, курды, индейцы, евреи – геноцида, шииты – суннитов... Список получится бесконечным. Но если бы человечество вышло за пределы планеты, создало или освоило новый мир, я с радостью отобрал бы в пионеры именно вас, прогрессоры!» Конец цитаты.

Зал слушал, ожидая кульминации. И прокурор Демир повысила голос:

- Среди множества откликов на то обращение есть заметка подсудимого Иванова. Вот она, - Тангюль воздела руку с листом бумаги. - Автор высмеял слабость бывшего лидера движения и отметил, что настоящих учёных мало, поэтому каждый из них должен дерзать на уровне Творца. Везде, всегда! Ясно видя сияющую цель. И тащить к ней ленивое большинство! Конец цитаты...

- Слушай, она актриса, - одобрительно шепнул председатель суда коллеге, - как зал держит, а?

- Прошу уважаемый суд принять во внимание, что около тысячи прямых ментограмм, снятых у владельцев игровых капсул, и более пяти тысяч, снятых по-пиратски, у случайных одиночек, отправились в соседнюю галактику не по своей воле. Напомню, подсудимый Иванов и его подельники отослали не просто биологические материалы. Из репликаторов выйдут живые люди. И что они подумают, когда очнутся вдали от цивилизации, совершенно неподготовленными к жизни в дикой природе? Шок. Психотравма. Возможно, на всю жизнь. Кто дал

право новоявленному творцу так жестоко поступать с людьми? Посмотрите на экран, где представлена наша земля до появления человека разумного.

За её спиной возникла объёмная картина. Бескрайняя саванна со стадами копытных, с мамонтами, жирафами, носорогами и саблезубыми тиграми. Серое небо, редкие снежинки, иней на полегшей траве. Зал охнул, представив себя без одежды, обуви, холодильника, без квартиры – и в таком холоде.

- Что за поступок совершили подсудимые? Только ли незаконное ментографирование и взятие клеток? Давайте рассудим. Ответим на вопрос, а что делает человека человеком? Конечно же, сознание. Пока человек осознает себя как личность – он и есть человек. И что совершили подсудимые? Они изъяли свободную личность из комфортной среды обитания, с земли. И переместили эту личность, этого человека - не спросив согласия, подчёркиваю! - в крайне некомфортное место.

Прокурор Демир торжествовала. Примерив на себя дикую природу, зал недовольно гудел, топал ногами, переговаривался, негодуя. Она ещё раз повысила голос, который теперь звенел на высокой, трагической ноте:

- Повторяю, уважаемый суд. Подсудимые украли людей, ограничили их свободу и отправили на поселение в невыразимо тяжелых условиях. Фактически, наказали. Без права вернуться в нормальную жизнь. И я классифицирую это как похищение!

Зал взревел. Дальше Тангюль говорила штампованные фразы из Уголовного Кодекса, что деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они совершены организованной группой либо повлекли по неосторожности смерть потерпевшего или иные тяжкие последствия, наказываются лишением свободы, но главное было сделано. Она покорила зал и убедила судей.

Должность прокурора Международного Суда гарантированно доставалась ей, Тангюль Демир.

**

Степь, экзопланета оранжевого карлика, галактика Андромеды.

Город Авалон на берегу реки Дон

Колония стремительно разрасталась, каждое утро принимая двух новых членов в свой энергичный коллектив. Геннадий Мухортов - да

какой Геннадий? Генка, иначе его никто теперь не называл - оказался прав. Когда он поделился некоторыми подробностями проекта «Очумелых ручек», большинство колонистов зааплодировали. Не ему лично, а как представителю коллективного гения трёх авантюристов-космогонистов, которые превратили рядовой эксперимент в дерзкий вызов Дальнему Космосу. И, что более важно, озаботились нуждами репликантов.

Вынутые из складов компакт-заводы усердно трудились на благо колонии, не покладая манипуляторов и навесных орудий. Металл, добываемый кибер-шахтёром, превращался в потребные приборы, инструменты, транспортные средства и строительную технику. Стихийно возникший совет колонии принимал решения и воплощал их стремительно, насколько позволял возникший энергетический дефицит. Ветряков и солнечных батарей не хватало, а радиоактивные изотопы кибер-шахтер пока не обнаружил.

Когда искин корабля вернул атмосферные зонды и глобус планеты получил реальный образ, столицу колонии решено было строить в географическом центре единственного континента. И совсем недалеко от места приземления корабля, буквально в двадцати километрах от ручья. На высоком берегу полноводной реки, которую называли бесхитростно – Дон. Название предложили Анна и Люсия, не сговариваясь, потому что «на многих праязыках это значит – река, просто река».

Генеральный план разработал Хосе. Строили его, начиная с периферии, с жилых кварталов. Пенобетон, ставни вместо стекол, дерево вместо пластика - геологические зонды не нашли пока ни источник углеводородов, ни песка, ни известняков. Однако крыша над головой от проливных дождей и стены от холодных ветров – осень, она наступила впервые, и неожиданно - уже оправдывали сказочное название города.

Да, сказочное. Ахат, которому доверили играть роль случая, старательно перемешал пятьдесят клочков бумаги, предварительно отфильтрованных строгой комиссией на предмет неблагозвучных. И под пристальными взорами извлёк легендарное имя - «Авалон».

А вот название планеты пока не сложилось. Кто говорил Новая Земля, кто просто Земля, не заморачиваясь. Собственно, о той, исходной Земле, думали всего несколько человек. Берта, Анна, Ирина

и Геннадий. Мухортов настаивал, что следует послать на старую Землю подробный доклад о колонизации и требование о поставках нового, край как необходимого оборудования, имущества и всякого иного добра:

- Вы поймите, что для вас обыденность, там, на Земле – фурор. Смотрите, впервые в истории человечества реализован проект размножения путём клонирования, но не простого, а с полным наложением ментограммы, да что врать, записи личности человека с твёрдотельного носителя. И клон, заметьте, выращен на пригодной для биологической жизни планете совсем другой галактики. Это же небывалое деяние! Прорыв! И о нём надо сообщить, чтобы земля знала, она не одинока, у неё есть мы! И нас надо поддержать!

- Ген, уймись, а? – в десятый раз повторяла Ирина. – Ты предлагаешь паразитировать, стать довеском, кланчить с протянутой рукой. А мы не побирušки, мы самостоятельное государство. Даже не государство, а планета... Нет, неправильно, не планета. Мы – звездная система, дружественная галактика. И предложить старой Земле мы можем полученные нами знания. Знания в чистом виде. В обмен на товар, который нам нужен. Только взаимовыгодное партнёрство, понял?

Ей вторила Берта:

- Пока мы не закончим начатые исследования, не оформим их в научные работы, чтобы подтвердить наш приоритет, никаких связей с Землёй. И вообще, как мы туда попадём? Знаешь же, что биологические тела не выживают в Дальнем Космосе...

Точку в спорах поставила Анна. В один из дней она заявила, что обучение Ахата позволило выявить интересную закономерность:

- Когда мы учим его, читаем лекцию, проговариваем информацию, она в тот же день или позже, но становится доступной для других людей. Такое впечатление, что у нас есть невидимый сервер, куда все сведения записываются. А потом кому надо – их считывает, как свои. Понять бы ещё, что это за сервер.

Мухортов побледнел, потом покраснел, потом покрылся пятнами и закричал, бегая по рубке:

- Это что? Это как? Теория информационного поля, и подтверждена тут? Мама моя дорогая, да это же фантастика, вы

понимаете? Ничего вы не понимаете, курицы тупые! Господи, за что, почему...

Звонкая пощёчина прервала истерику инженера. Потирая отбитую ладонь, Ирина назидательно сказала ему:

- За тупых куриц. За половой шовинизм. В следующий раз получишь между ног, чтобы не размножался. А теперь спокойно, без визга и метаний, поясни, что ты подразумеваешь под информационным полем. Определись в дефинициях, чудовище.

- Я должен подготовиться, - согласился Мухортов, прикрывая отпечаток пятерни на левой щеке. – Завтра, для всех.

Совет объявил завтрашний день выходным и назначил общее собрание, что возмутило Хосе до крайности. Скандалу помешал Збигнев. Он появился вблизи купола, когда уже темнело. Ахат, первым обнаруживший поляка с его бойцами, ворвался в рубку корабля с воплем:

- Робин, надо всё ополчение поднимать! Там эти, сепары пришли!

- С оружием? – уточнил морпех.

- Да. С ножами.

- Бери станнер. Думаю, с четырьмя мы легко справимся. Пойдём, посмотрим.

Спустя пару минут Робин вернулся в рубку в сопровождении Збигнева. Тот вежливо поздоровался со всеми и вздохнул:

- Вольфа нет? С глазу на глаз бы с ним поговорить?

- Есть секреты? – съехидничал Хосе.

- Да какие там секреты, - махнул рукой поляк. – Вернуться мы хотим. Примете?

Берта, вредная и памятьливая, в точности по присказке, где «отомщу и забуду!», изумлённо подняла брови:

- Да ты что? Неужто поумнели? А как же с обидами? Остап всё Крым назад требует, а ты – от моря до моря?

- Ты можешь смеяться, но – поумнели. Не так давно вдруг до меня дошло, что не так, не то вспомнилось. Не вру, но с чего мне втемяшились обиды, которые я в книге вычитал? В детстве. Я тогда Сенкевичем бредил, а подвернулась какая-то старая, про войну, и так поразила, что здесь, как из репликатора вылез – и сдурел... Остап, кажется, тоже ошибся воспоминанием. Молчит, но я же вижу...

Ирина засмеялась, показывая на Анну:

- Збышек, ты её потом расспроси, она объяснит. Это эффект обучения Ахата.

- Вы насовсем пришли? Если да, то завтра подойди ко мне, - для ускорения разговора вступила Берта, - обговорим, кто где работать будет. Аня, устрой их на ночлег. И до завтра. На собрании быть обязательно.

Поляк вышел, увёл свою группу. Хосе посмотрел им вслед, усомнился:

- Не верю я ему. Опять будет мутить воду. Эх, Вольфа бы сюда! Он адвокат, он бы сумел на место поставить. Ладно, собрание так собрание, не буду спорить. Всем пока!

Первый репликанты остались в рубке одни. Берта, держась за локоть Робина, выглянула наружу. Вернулась, толкнула задумчивую Ирину:

- Сама за Вольфом смотаешься или опять Ахата пошлём? Он должен завтра быть обязательно. И не веди себя как дура, помирись, психологиня хренова!

- Сапожник без сапогов, - морпех с натугой вспомнил очередную поговорку. - Врач без лечения себя...

- ... исцелись сам! – поправила его Берта и упрекнула. – Вот нерусь чёрная, как тебе удаётся всё исковеркать?!

- Я не дура, - с опозданием ответила Ирина. - Ты же знаешь Андрея, он если что вбил себе в голову, то лишь сам это выбить может. Логика ему пофиг, а закатывать скандал со слезами? Не хочу унижаться.

- Я и говорю, - отчетливо повторила Берта, - ты дура. Одной ночи не хватило убедить, так осталась бы на неделю, что мы, не поняли бы? Какие вы все, русские, бабы, натуральные бабы. Ни капли рационализма, одни сопли и переживания!

- Может, и дура, - согласилась дипломированный психолог и нейрофизиолог. - Люблю я его, чёрта упрямого, а манипулировать им, слёзы лить? Нет. Он такого не заслуживает. Да ты же знаешь, сама такая...

- О-о-о, началось, - возмутился Робин, - вы ещё обнимитесь и порыдайте! Я за ним смотаюсь, так надёжней. Сейчас и поеду! Если что, притащу силой! Тут дел неупрочот, а он Гамлета разыгрывает!

Морпех почти побежал, игнорируя женские вопли в спину: «Почему Гамлет?» Не отвечать же на дурацкие вопросы? Тем более, что Робин никого, кроме этого героя, и не помнил. Датский принц, при деньгах и не урод, а всё время ходил с черепом в руке и ныл, типа, его не понимают и не любят.

Ну, и чем Эндрю не Гамлет?

**

Галактика Андромеды, экзопланета оранжевого карлика, зал
колонии

Народ на собрание не спешил. Пришлось отправить Ахата как подгоняльщика. Тот с восторгом умчался выполнять поручение. Робин, глядя вслед шустрому юноше, вдруг заявил Анне и Ирине, что память стала возвращаться к нему намного быстрее, чем месяц назад. И в самых неожиданных видах:

- Это так странно, обнаружить вдруг, что ты умеешь говорить по-французски. Мои старики – потомки негров, которые в Марокко, старой французской колонии. Чтобы мы не понимали, они ругались на языке дедов, но знаете, как в детстве всё легко запоминается? А тут вспомнилось, когда Жан реплицировался и стал ругаться.

Вольф, которого морпех привез поздно ночью, гладил Изгоя и молчал. Трудный разговор с женой так и не завершился – и он и Ирина остались при своём мнении. Сейчас у Андрея болела голова, отчего вступать в разговор он не горел желанием. Остальные члены стихийно сложившегося Совета делали вид, что всё в порядке, что Вольф никуда не уходил, что вводить его в курс дел совершенно нет нужды. Получалось, что вроде бы он здесь, а вроде бы его и не замечают, что Андрея ужасно злило.

Анна захлопала в ладоши на откровение Робина и скороговоркой пояснила:

- Всё нормально, как у всех! Опрос подтвердил – старые знания возвращались лавинообразно. Пусковым моментом у всех становились слова, случайно сказанные другим человеком. И озарение! Но причина не в памяти!

Мухортов встрял, не менее торопливо дополняя:

- Да, да, мы сформировали у планеты информационное поле. Знаю, теория похожа на бред, но, можно, я изложу её подробно? Я популярно, чтобы поняли. Я...

- Ты, Гена, уже задрал яканьем, - отчеканила Берта. — Умный, не приведи господи! Что ты боишься за свой приоритет? Никто на него не покушается. Тут докторских диссертаций на сто лет вперед хватит.

В рубку вошёл Ахат, доложил, преданно глядя на Робина:

- Сэр, приказание исполнено! Люди собраны в куполе.

- Пора, дамы и господа, - ёрничая, объявила Берта, - нас ждут великие откровения великого Генки.

- ... и попробуй только нас не удивить, - Робин шутливо ткнул Мухортова кулачищем в спину.

Прячась за спинами Совета, Андрей вошёл под купол, досадуя на себя, глупого отшельника, и спасаясь поглаживанием Изгоя. Спустя час от его минора и головной боли не осталось и следа, настолько громадные перспективы, открыл колонии Геннадий Артемьевич Мухортов.

Ах, как сожалел Вольф, что никто из Совета не догадался создать в куполе записывающую установку. Да просто дрон установить, тот ведь пишет изображение со звуком. Но вот, не хватило ума. А выступление Генки следовало бы сохранить для потомков. В рукописном изложении свидетелей многое потерялось, утратило динамику. Но даже в таком виде его открытие, нет, не так... Его подтверждение и развитие теории информационного поля меняло местонахождение человека во вселенной. Выводило из захудалой провинции в центр мироздания. И не иначе!

Откинув в сторону шелуху, типа теории эфира Николы Тесла и богословские заморочку, Мухортов подчеркнул, что любая система стремится к устойчивому состоянию. Но не обязательно к нулевому балансу. Тепловая смерть – это бредовое предсказание слабых духом, несамостоятельных, которым для опоры нужен Бог, непременно, всемогущий.

- А нужен ли Бог? Отнюдь. Информационное поле образуется, когда система достаточно велика, чтобы балансировать в состоянии устойчивого неравновесия, - и Мухортов указал пальцем в небо. - Солнечная система, например, сложилась из звезды и набора планет, которые болтаются на единственно возможных для них орбитах. Устойчиво? Да. Неравновесно? Да. Их мотают туда-сюда гравитационные волны, потоки частиц и прочая мелочь.

Дальше Мухортов обрисовал уже настроенным против нудного лектора колонистам весьма сомнительную картину. Он заявил, что солнце осознает свое существование. И оно, солнце, заинтересовано в максимально долгом своём существовании. Чтобы достигнуть этого, солнцу предстоит создать некое приспособление, коим оно обеспечит себе продлённое существование.

Поэтому солнце упорядочивает пространство в пределах досягаемости, тем самым распространяя информацию о себе. Дотянулось до планеты – наделило сознанием и её. Венера, Марс, Земля и так далее понимают, что без Солнца они тоже обречены. Что делать? И Земля, вопреки теории вероятности, вопреки законам термодинамики создаёт биологическую жизнь. Её не должно быть, а она есть, жизнь эта. Почему? Да потому что планета Земля внедрила в каждый биологический организм, в каждую клетку некую часть собственного информационного поля. То есть – солнечного инфополя. Назовём эту мизерную часть всеобщего информационного поля – душой. А что? Церковники не зря зовут душу божественным даром. Чем реальный Творец по имени Солнце не Бог?

Ух, как заорали, засвистели немногие верующие после таких кощунственных слов! Арабки, которых набралось уже больше дюжины, старались больше всех, визжали и топали ногами. Атеистов оказалось много больше, и вскоре верующим дали укорот. В тишине Мухортов продолжил:

- Но любое живое существо, в том числе и человек, не является пассивным обитателем информационного поля, отнюдь! Они, эти существа всех уровней, вплоть до клеточного, активно обмениваются инфой между собой и пополняют его на планетном уровне. Как это выглядит? Объем инфополя конечен, хотя и велик до безграничности на нашем уровне понимания.

В этом месте письменные документы расходятся. По версии Анны, продолжил Мухортов радостно, а Люсия утверждает, что грустно. Дальше обе пишут, что до появления первого человека информационное поле нашей планеты практически пустовало. Не успел развиваться тут разумный вид. К счастью, колония возникла.

- Любое информационное дополнение вызывает в поле некий информационный резонанс, - принялся морочить головы колонистов Мухортов, - в полном соответствии с законами механики,

электротехники, теорией эфирного поля и прочей материалистической хренью. В результате возмущений система приходит в беспокойное состояние, а уравновесить баланс информационных событий можно только путём усвоения новых понятий и заполнения лакун.

На выкрик с места: «Кончай фигню гнать, проще будь!», Мухортов смешался, забормотал что-то жалкое про идейную генерацию. Мол, Космос не пуст, его матричное строение условно можно обозвать эфиром. Он, эфир, заполняющий всё информационное поле и все физические поля, пытается уравновесить события, возмущающие поле, как результат тех или иных вмешательств, резонансов и т.д...

Под всеобщий свист Мухортов покинул трибуну, на которую взобралась Анна. В её изложении принцип существования инфополя и принцип его сублимации выглядел просто и понятно. Когда поле переполнено, новое событие может вытеснить некое старое. Тогда возникает дисбаланс, пропавшее событие надо восполнить. И оно восполняется путём генерации идеи.

- На нашей планете инфополе заполнено слабо, события не вытесняются, побуждений к генерации идей нет. Зато у нас в умах есть огромное количество информации, которая впитывается в инфополе, как вода в губку. Поле воспринимает каждое новое знание, новую инфу, как восстановление потерянного информационного события, как восполнение определённого объёма инфы. В данном процессе мы, люди, выступаем как сублимированные носители элемента эфира.

Уже ошалевшие от обилия незнакомых слов иные колонисты попытались свистом выразить неодобрение, но их зашикали те, кто поумнее, кто уже понял, о чём речь. Анна перевела дух, поблагодарила всех кивком и продолжила:

- Наша планета была девственно чиста, но теперь её инфосистема весьма динамична, а её объём позволяет принять не только все существующие события, их достаточное множество, но и теоретические знания. Высокоорганизованную инфу, можно сказать. Мы позволяем сублимироваться любым событиям, о которых мы помним. Проговаривая знания, осевшие из ментограмм в нашем мозгу, мы заполняем бреши и ниши информационного поля существовавшими на Земле инфособытиями.

Анна остановилась, победительно осмотрела зал, обернулась на Совет и закончила звенящим от восторга голосом:

- Наша задача сегодня, как людей, как носителей информационного эфира, просто сублимировать эти события, найти брешь в информационном поле планеты и внедрить его туда. А потом, при необходимости, использовать накопленные знания! Говоря совсем уж человеческим языком - вспомнить старое и забытое знание, проговорить его вслух любому человеку, что находится рядом. Что он услышит, то непременно попадёт в общее информационное поле планеты. Понятно?

После продолжительных аплодисментов народ стал было расходиться. Но Берта громко тормознула всех объявлением:

- В ближайшие дни все пройдут собеседование с психологами. Будем выявлять темы для пополнения информационного поля.

И тут громко прозвучал вопрос:

- А на кой это нам надо?

- Чтобы все становились умнее, - крикнула в ответ Анна. – И не задавали больше дурацких вопросов.

**

Галактика Андромеды, экзопланета оранжевого карлика, рубка
Вернувшись в рубку, отчего там стало тесно, весь Совет уставился на Вольфа.

- Что? – не выдержал тот.

- Ты пришёл в себя? – участливо спросила Анна. – Работать можешь?

- В каком качестве?

Слишком сильно прижатый Изгой жалобно пискнул. Вольф опомнился, посадил того на плечо, уже спокойно уточнил:

- Вы думаете, что я вернусь на прежний пост? Зачем я вам? Без меня же прекрасно справляетесь, вот сколько наворотили, и ещё больше запланировали.

- Друг мой, - Робин положил лопатообразную ладонь на плечо Андрея, - кончай балаган. Ирина говорит, что у каждого бывают срывы, каждому нужен отпуск. Ты уже отдохнул, пора впрягаться и пахать, пока борозду не портишь...

- Когда ты их выучишь, поговорки-то, - возмутилась Берта, - одно слово, нерусь черная. И что я в тебе нашла?

Робин захохотал, Хосе подхватил, кто-то из женщин зазвенел колокольчиком, а там вступили все. И Вольф. В его душе словно лопнул пузырь, в котором собрались обиды на себя, на планету, на жену, на судьбу, да на всё подряд. Лопнул, и все они вылетели наружу. Сразу всё стало просто, понятно, легко. Не заморачиваясь сомнениями, нужен ли он, Андрей спросил, отсмеявшись:

- Что делать-то?

Мухортов пробился вперед, подал ему странную одежду, похожую на башлык или короткий монашеский плащ. Сделанный из кожи или пластика, этот башлык выглядел толстым, будто внутри таился войлочный подбой или синтепоновая набивка.

- Примерь.

Андрей снял с плеча Изгоя, который настолько устал, что покорно отдался в женские руки. Пока Ирина квохтала над котёнком, пока показывала другим, Геннадий набросил капюшон на голову Вольфа, расправил нижнюю часть по плечам, и застегнул пуговицу на шее:

- Угадал с размером. Дай-ка примощу плотнее. Будет чуть покалывать, не пугайся, - и ладонями осадил верх, слегка пошевеливая капюшон.

Действительно, словно мелкие иглы коснулись кожи головы. Повсюду, от бровей до затылка, часть даже вошла за уши. И Вольф вспомнил, что это напоминает:

- Как игровой шлем. В капсуле.

- Верно. Он и есть. Я же говорил, что капсулу разрабатывал. И функция у этого, как у того – снимать ментограмму. Он мобильный, сразу на твердотельный носитель пишет. Вовремя компакт-завод штучного производства запустили...

- В смысле, мобильный? И нафиг он мне? – Андрей дернулся снять нахлобучку, но руки Ирины остановили его.

- Мы с тобой записываем ментограммы, которые улетят на старую Землю.

И Андрей узнал, что исследовательский корабль уже готов к старту в давно определённую точку местного Ближнего Космоса, откуда сдвигом матрицы перенесётся в Солнечную систему. А ему и его супруге предстоит реплицироваться на старой Земле, чтобы стать полномочным послом человечества из галактики Андромеды. На удивление терпеливо выслушав этот бред, Вольф разочаровал Совет:

- Дамы и господа, фиг вы угадали с репликацией. Ничего путного на старой Земле из нас не получится. Мы с Ирой спятим, попадём в дурдом, как все предыдущие клоны.

- А вот и нет, - Ирина вдребезги разнесла апломб мужа, - мы установили причину тех неудач. Надо было слушать про информационное поле, тогда бы понял. Те клоны получали не полную душу, а ущербную, потому и теряли человеческий облик.

Вмешался Мухортов, перебил Ирину, быстро пояснил, что даже однойцевые, генетически одинаковые близнеца - получают разные души, каждый свою. Даже сиамские, объединенные телом - имеют индивидуальные души. Появление клона, генетически точной копии - приводит к смертельному парадоксу. Душа-то уже использована! И возникает нечто бездушное.

- Но у вас есть шанс. Много шансов. Родившись здесь, в других условиях - магнитное поле, радиация, тяготение, состав газов и прочее - вы стали иными. Ваши гены уже не идентичны исходным. И старая Земля не узнает вас, наделит полноценной душой...

- А вдруг да узнает? И не наделит? - продолжил сомневаться старый адвокат.

- Тогда вы станете жертвой эксперимента, - смутившись, пробормотал Мухортов.

И Вольф согласился. В нём созрела готовность сделать что-то большое, важное для колонии, для людей, с которыми он прошёл нелёгкое испытание, выжил и не допустил упадка цивилизации. Да, вот так, немного пафосно стал мыслить циничный адвокат. Возможно, отшельничество изменило его взгляды. Или окружающие люди, которые продолжали верить в него?

- Ладно, уговорил. И что, сейчас Ира наденет шлем, и мы отправимся спать?

- Нет, - хохотнула Берта. - Сегодня вы спать не будете. Старт корабля намечен на завтрашний полдень, так что сейчас вы продолжите работать, изучать и паковать материалы, которые отправятся на старую Землю. Вместе с вашими ментограммами и клетками. Работы у нас всех до хриплицы, а у вас - выше головы. Так что кошечку отдай Ахату, а сам - к столу. Говорят, ты проект государственного устройства сочинил? Не зыркай, Ирка нечаянно подсмотрела. Так пока про него забудь, давай обговорим проект

межгалактического договора. Как там? О дружбе и сотрудничестве, о взаимопомощи...

- Сначала о торговле, таможенных пошлинах, взаимной правовой поддержке, приоритете местных законов и прочем. Но мы же здесь остаёмся? Какой у меня статус тут?

- Деспот. Конституционно ограниченный, - громадная лапа морпеха легла на голову Вольфа, повернула к себе, - и не выделяйся больше. Иначе я, как Оборонник, наваляю тебе, не дожидаясь Законника...

- Опять! – взвыла Берта, театрально и совершенно ненатурально. – Нерусь чёрная, ну, когда ты перестанешь всё коверкать? Законоблюститель, а не Законник!

И под общий смех Совет приступил к срочной работе.

**

Новосибирск, планета Земля, система желтого карлика по имени Солнце

В понедельник, ближе к обеду, мобильник Вольфа разразился незнакомым сигналом:

- Вызов от Президента Союза, - торжественно прозвучало в ухе, хотя такой номер в мобильнике отродясь не водился.

- Слушаю, - слегка струсив, ответил Кичигин.

- Господин Президент просит вас срочно прибыть в его местную резиденцию, - вежливо сообщил живой человеческий голос.

- Как? – изумился Иван. – Мне до Царьграда два часа лететь, как минимум, и там не меньше часа до вас!

- Вы не поняли, - в голосе прозвучала едва заметная усмешка, - Сибирская резиденция расположена на берегу водохранилища, тридцатый километр Бердского шоссе. Полчаса вам хватит? Или выслать вертолёт?

- Понял. Еду. Буду через полчаса.

На въезде в резиденцию Кичигин удивился скоплению транспорта с логотипами телевидения и прессы, заполонившего обширную стоянку. Его встретил улыбчивый туранец, пересадил в наглухо затонированный и явно бронированный мобиль с молчаливым водителем, который минут пять петлял между высоченными соснами. Крепкий моложавый мужчина, статью похожий на киношного

английского мажордома, глянул на служебное удостоверение Ивана и сопровождал в просторную гостиную.

Президент оживлённо беседовал с академиком Зулькарнаевым, женой Кичигина и очень молодыми людьми – парнем и девушкой лет двадцати от силы. Все дружно оглянулись, когда «мажордом» объявил:

- Следователь по особо важным делам Иван Семёнович Кичигин.

- Здравствуйте, Иван Семёнович, - пожатие Президента оказалось крепким, а ладонь твёрдой и сухой. – Меня, академика и собственную супругу, вы, наверное, узнали. Чтобы не томить вас неизвестностью, прошу гостей представиться самостоятельно.

- Ирина Леонидовна Макарова, - протянула узкую ладошку девушка.

- Вольф, Андрей Григорьевич, версия номер три. Некогда адвокат, - ухмыляясь, наклонился вперед парень, двумя руками обхватывая ладонь Кичигина. – Потом поделитесь подробностями расследования?

Набившие оскомину фамилия, имя и отчество человека, умершего почти полгода назад при очень странных обстоятельствах, не так поразили следователя Кичигина, как внешность парня. Тот был высок, худощав и очень молод, если не сказать - юн, но смотрел с уверенностью, которая приходит к человеку с годами, через непростые житейские мялки, тёрки, густомесы.

- Тот самый? – глупо спросил Иван.

- Немного другой.

- А как? Клон, понятно, но как вы живым добрались оттуда, из Андромеды? – задал Кичигин вопрос, глупее которого и придумать невозможно.

Однако молодой Вольф не обиделся, а, напротив, расхохотался. Его спутница присоединилась звонким колокольчиком, потом вступила Тангюль и последним засмеялся Президент. Зулькарнеев улыбался почему-то торжествующе. Иван стоял, тоже улыбался, криво, с трудом, и думал, как удалось живому человеку переместиться между галактиками и не погибнуть, если даже в Ближнем Космосе... Додумать не удалось. Вольф просмеялся, вытер слёзы кончиками пальцев и пояснил:

- Это не над вами. У всех, кто нас встречает, такая реакция. Нет, мы не из Андромеды. Мы реплицированы здесь. Как только зонд приземлился, репликаторы заработали. На максимальной скорости

тела воссоздаются за трое суток, а ментограмма устанавливается с первой и до последней секунды, раз примерно двести, пока тело растёт. Пока земная команда проводила регламентные работы по приёму вернувшихся зондов, мы с Ириной и родились. Они открывают зонд, а мы им навстречу. По пандусу спускаемся, под гимн Союза... А Зуль, пардон, Шариф Русланович, когда нас увидел, чуть из кресла не выпал...

Он снова захохотал, громко, весело, заражая всех, в том числе и следователя Кичигина. Прервал его Президент:

- Это всё замечательно, господин Вольф, но вам бы поскорее заявить о себе, как представителе иной галактики. До выступления в Суде. Учитывая неординарность вашего появления, социопсихологи опасаются волнений в народе...

И тут адвокат Вольф сполна проявился в молодом теле, как титановый скелет в биопротезе. Он заявил жёстким тоном, чеканя слова:

- Совместное заявление, согласен, сделаем сейчас. Но! При всём уважении, господин Президент, выступление перед планетой Земля я назначу сам. Статус представителей галактики Андромеды не предусматривает суеты и поспешности. Как свидетель по делу о смерти своего пра-оригинала я готов. Ира, они должны вот-вот сообщить, когда... Кстати, господин Президент, вы обещали предшественницу Ирины найти. Хорошо бы до суда. И срежиссировать, как договаривались ...

- Сам так сам. А остальное сработаем, как обещано. Ну, вперёд, к журналюгам! – скомандовал Президент в тональности времён, когда сводная армия Союза объясняла курдам, черкесам и чеченцам разницу между анархией и автономией.

**

Новосибирск, планета Земля, система желтого карлика по имени
Солнце

Такую пресс-конференцию мировая журналистика видела впервые. Двухтысячный зал ни человека, ни муху вместить не мог, где уж там яблоку падать! Вольфа с Ириной, Президента Союза и сопровождающих лиц зал встретил аплодисментами. А потом в мёртвой тишине Вольф сполна реализовал ажиотаж, возникший на

Земле за появлением двух клонов. Ещё бы, репликант – и в статусе полномочного посла галактики Андромеда! С очаровательной супругой-репликантом.

Калибр гаранта достоверности – такой вряд ли согласится дурачить мир даже на первое апреля – подтверждал легальность галактического посла прочнее верительных грамот. Президент Русско-Туранского Союза коротко представил Андрея Григорьевича, его супругу, Ирину Леонидовну, и сел, довольно улыбаясь. Вольф вышел на трибуну, обернулся на жену. Та губами обозначила поддержку: «Да, сразу и в лоб!» Галактический посол улыбнулся ей, улыбнулся Президенту, улыбнулся залу. Журналисты затаили дыхание. А потом ахнули.

- Дамы и господа, я уполномочен официально заявить, что наша галактика не намерена договариваться с главами отдельных государств. Тем более подписывать частные соглашения. Исключение сделано лишь для господина Президента, в знак признательности за использование корабля, принадлежащего Союзу. И не пытайтесь предлагать нынешнюю ООН в качестве переговорщика. Этот фиктивный орган ни в малой степени не выражает интересы Земли.

На выкрик с места: «Почему? Что за дискриминация?», посол Андромеды ответил, всё так же улыбаясь:

- Национальные и религиозные общности, которые вы называете государствами, слишком малы и разрозненны, чтобы стать контрагентами в масштабе Вселенной. Поясню, заключение основополагающего договора о дружбе и сотрудничестве возможно лишь между представителями галактик. Андромеды с нашей стороны и Млечного Пути – с вашей. Мы согласны рассматривать представителем разумной жизни вашей галактики лишь совокупное Земное человечество.

Андрей говорил размеренно, роняя слова в зал, словно гири, чтобы разбить, разнести вдребезги прежнее представление о Земле, как средоточии разумной жизни. Ему страстно хотелось донести до каждого жителя некогда родной планеты простую и очень важную истину – национальность отходила в прошлое. Реальность свела русских, немцев, турок, шведов, индусов и прочие этносы в новую общность: «Земляне».

- Вы, Земляне, можете воспользоваться уникальным шансом и первыми вступить в межгалактический Союз. Для этого вам следует всего лишь объединиться, избавиться от внутренних распрей, мизерных в сравнении с вселенскими перспективами, и направить все силы на освоение Дальнего Космоса.

Андрей оглянулся на Ирину. Та сделала ему знак подождать. Зависла пауза. Зал отошёл от немоты, загудел шепотками и краткими диалогами. Ровно, однотонно, как толпа в «Борисе Годунове». Чуть погодя сквозь гул прорезался звонкий голос:

- Зачем нам это?

Вольф дождался, когда жена подала ему записку, прочёл, удовлетворённо кивнул и ответил:

- Закончу выступление, тогда и зададите вопросы. Послезавтра мне предстоит выступить свидетелем на судебном процессе. Подсудимый обвинен в убийстве моего оригинала...

Зал гулко охнул на очередную сенсацию, однако теперь галактический посол продолжил без пауз:

- Чтобы сэкономить время, я предлагаю главам всех государств Земли, подчёркиваю, всех! - прибыть на заседание Международного Суда. На сегодня Суд есть единственная подлинно всепланетная система. После заседания, там же, в Суде, все получают черновик межгалактического контракта, судьи займутся его юридической проработкой, а главы государств под председательством господина Президента, - Андрей Григорьевич обернулся, обозначил рукой, о ком идёт речь, - обсудят варианты объединённого Земного правительства. Я закончил. Приступим к вопросам?

Их последовало много. Умных, глупых, провокационных. Зал гудел, одобрительно или осуждающе, но перелом в пользу галактического посла наступил, когда ехидный американец спросил, не стыдно ли Вольфу.

- За что стыдно?

- Вы, вульгарный клон и представитель таких же клонов, а ведёте себя беспардонно и неблагодарно по отношению к землянам, по сути, предкам!

Андрей удивлённо возвёл брови как можно выше, сделал изумлённое лицо, чтобы каждому стало понятно, как велико его недоумение. И ответил вопросом на вопрос:

- Мы и вы, естественно, чьи-то потомки. Мы – ваши, бесспорно. А вот вы, если верить Дарвину, обезьяньи. Беспардонно и неблагодарно, говорите, к предкам? Наш договор вы получите завтра. А где ваши, с орангутанами и шимпанзе?

**

Эпилог

Царьград, планета Земля, система желтого карлика по имени
Солнце

Всё-таки дураков среди глав государств почти нет. И все знали: не можешь пресечь безобразие – возглавь его. Суд состоялся. Черновик межгалактического договора роздан. Лишние разошлись, главы – остались в зале. К вечеру того же дня решение о создании мирового правительства, как преемника Организации Объединённых Наций, было принято единогласно. Начались доработки, консультации, споры, которые шумно комментировались прессой.

Вольф деталями решения не интересовался, он создавал аппарат Галактического Представительства, постоянно отвлекаясь на встречи с юристами – набросок Договора стремительно «обрастал мясом». Иван Кичигин сопровождал старшего коллегу в качестве начальника юридического отдела, с упоением вникая в детали, отыскивая аналогии в книгах, в прецедентах, а чаще мучительно формулируя собственные тексточки. Тангюль вечерами тоже пыталась экстраполировать смысл статей на практические случаи, стараясь помочь мужу.

Ирина трудилась вместе с академиком Зулькарнаевым. Когда свидетель Вольф доказал, что оригинальный Вольф умер сам, Международный Суд отменил решение и приговор, взяв время на обдумывание. А вдохновенный молодой Андрей подсудопил старому адвокату, словно чёрт его дёрнул за язык. С чего бы иначе молоть во всеуслышание чистый бред? На всю планету:

- Кто из вас не мечтал прожить жизнь заново, без ошибок, используя накопленный опыт? Теперь такая возможность есть. У каждого. За умеренную плату вы можете пройти ментографию, сдать образец клеток. И возродиться в галактике Андромеды. Представляете? В молодом, здоровом теле. Сохранив все знания и навыки. Оставив в прошлом все долги и невыполненные

обязательства. Заявления принимаются Представительством со следующей недели...

Наверное, сказалось потрясение от предсмертной записки Изяславина. Прожжённый циник, адвокат Вольф впервые не нашёл, что сказать. Величие и совестливость гения настолько поразили Андрея, что он тоже попросил Академию присвоить осуждённым на принудительные работы хулиганам звание докторов космогонических наук. Конечно же, гонорис кауза, по факту принесённой Земному и Неземному человечеству пользы. Не остыв от завещания академика, Вольф направил просьбу и в Международный Суд. Там его план поняли и поддержали - что значит свой брат, юрист! - изменив меру наказания на солидный денежный штраф.

Вольф радовался, что юристы Суда оказались не замшелыми старыми пердунами, а очень смышлёными коллегами, чутко ловящими новые тенденции. С подачи Галактического Посла они подняли тему, а является ли законным двойное ментографирование и двойная репликация – с кратким проживанием на иной планете и возвратом второго клона на Землю? Если Земной богатеи напишет завещание на имя вернувшегося Землю клона?

Они с удовольствием приняли к рассмотрению иск Вольфа о возврате ему имущества покойного пра-оригинала. Всю выигранную сумму Андрей зачислил в актив Галактического Представительства. Иначе платить заработную плану сотрудникам оказалось бы нечем. Академия не закончила оценку доставленных ей образцов Андромедской флоры и фауны, а других источников финансирования Вольф изыскивать не собирался. Преддоговорное соглашение, одобренное Дивано-Думой, позволило кредитовать отправку шести транспортников в его галактику, и два дополнительных – оплатили будущие репликанты.

Да, призыв Посла пал на почву, подготовленную фантастами и личными мечтами стариков. Отбоя от желающих возродиться не было. Около тысячи ячеек Представительство зарезервировало для собственных кандидатов. Бесплатных. В их число попали Кичигин с супругой, конструкторы солнечного зеркала, экипажи крейсера-атомохода, трёх подводных лодок, и лётчики, недавно переведённые в наземные службы.

Единственное ограничение коснулось религиозных деятелей. Вольф открыто предупредил их о недопустимости ползучей экспансии в новую Галактику:

- Не надо спекулировать оскорблением чувств верующих и покушением на их права. Верить веруйте на здоровье, а пропагандировать превосходство одной религии над другой - мы вам не позволим. Достаточно тех религиозных войн, что ваши предшественники развязали на Земле. Ни официальных Церквей, ни сект на новой земле не будет. Личность каждого подавшего заявку на ментографирование будет проверена. Да. Вы ведь непременно попытаетесь подготовить функционера и подсунуть нам. Предупреждаю, если кандидат покажется подозрительным – ячейку мы вернём ему в руки. Пусть хранит как память о несостоявшемся обмане. А деньги – не вернём.

Покушения религиозных фанатиков предотвратили службы безопасности Представительства и Президента Союза, который поделился своими специалистами. Папа, Патриарх, Верховный Муфтий, Лама и десятка три лидеров разнообразных сект дружно не взяли ответственность на себя, почти синхронно переведя стрелки на других.

В таких хлопотах прошло два месяца. И вот Правительство Объединённой Земли подписало первые Межгалактические Договоры, Земной Парламент ратифицировал их, а космические транспорты заняли места для старта. Затаив дыхание, земляне смотрели, как невидимая матрица переметила посылку Земли в иную галактику. Вот они были, серебристые туши грузовиков, а вот их уже нет! Лишь загороженные ими звезды светят сквозь опустевшее место.

**

Город Авалон, галактика Андромеды, экзопланета оранжевого карлика

Спустя миг межгалактические грузовики, до отказа забитые компакт-заводами и миллионами будущих колонистов, возникли в системе оранжевого карлика галактики Андромеды. И немедленно послали сигнал о прибытии. Орбитальный зонд, оставшийся с прошлого рейса, поймал сигнал, расшифровал и переслал городу. Астрофизик увидел распечатку, прочёл, переслал в канцелярию Деспота. Спустя полчаса Совет, Оборонник, Законоблуститель и все

маломальские руководители городских служб теснились в кабинете Вольфа.

- Дождались, - радостно улыбался тот, лично раздавая кое-кому толстенные брошюры.

Принтер лихорадочно распечатывал и брошюровал новые и новые списки. Там числилось долгожданное оборудование, приборы, компакт-заводы и киберы, способные возводить настоящие заводы тяжёлого машиностроения, морские верфи, космические станции, авиазаводы и многое другое. Ирина ждала перечень медицинского назначения. Ей, как и многим женщинам, предстояло рожать первых аборигенов, коренных жителей планеты.

- Мне нужны специалисты! Строителей реплицировать первыми, - закричал Хосе, - иначе зимовать будете под открытым небом. Вповалку под куполом!

- Не голоси, хомбре, - дружелюбно одёрнул его Робин. – Как Деспот скажет, так и будет.

- Вольф, я тебя официально предупреждаю, - ещё громче завопил маленький испанец, - у меня стройка срывается, а метеопрогноз, ты сам знаешь...

- Закончили балаган, - попросил Андрей. – Идите работать. Десять грузовиков, это же хренова куча, не знаю даже сколько миллионов прибыло. Идите, идите! Распечатки раздам по мере готовности, ни минуты не задержу. Понятно, что стойку обеспечим раньше всех, но прежде – установим репликаторы и составим сетевой график. Чтобы не кто попало, а нужные вышли первыми. Идите, сказал же! Мне что, Робина просить, чтобы выгнал?

- Попроси, не переломишься, - довольно гоготнул морпех, могучей ладонью выталкивая из кабинета членов Совета, одного за другим. – Хреновый ты деспот, как я погляжу. Никто тебя не слушается. Кроме меня. Всё-всё-всё! Ухожу, только не бей!

Робин закрыл за собой дверь. Андрей вернулся на стул, раскрыл письмо земного Вольфа, где полномочный представитель галактики кратко, как для себя самого, отметил самое важное:

«Отчет прочтёшь потом, а здесь совет, не больше. Думаю, помещение для репликаторов уже готово. Электростанция для них и киберы-сборщики лежат в первом транспорте. Как приземлятся, начни монтаж с них, и сразу реплицируй техников с медиками. Но для тебя

есть подарок – два готовых репликатора смонтированы на том транспорте. Один будет заряжен ячейкой Зулькарнаева. Когда транспорт сядет – Зуль выйдет. Не благодари, я знаю, что ты рад.

Неплохо бы к нему добавить Кичигина, Демир и Таянова, эти все из команды, которая работала с Договором. Юристы высокого класса. Если дашь нашему Мухортову тех Иванова и Рифеева – уголовники натуральные, нас сюда они отправили – эти парни горы свернут сообща. Не гении, но разумные и удачливые авантюристы, в самом хорошем смысле слова.

Но у меня есть личная просьба: под номером один лежит репликативный набор человека, в чью пользу эти самые Мухортов, Иванов и Рифеев – земные, конечно - уплатили штраф, назначенный вместо принудительных работ. Человек редкого таланта, честности и совестливости. Лучшего Деспота я не представляю. Прочти, что он написал, прощаясь с жизнью. Встретишься с ним – поймёшь, как я прав.»

Андрей прочёл приложенный рукописный листок, подумал, прочёл ещё раз, а затем велел отправить приказ второму репликатору зарядить ячейку номер один. И занялся текущими делами. Это в Дальнем Космосе транспортные корабли смещаются по метрике мгновенно, а в Ближнем Космосе всё происходит медленно. Они ещё далеко от планеты. Ещё летят. Потом покрутятся по орбите, приземлятся в указанном месте. Да, до встречи с академиком Зулькарнаевым и академиком Изяславиным оставались дни, считанные дни.

Но кто-то же должен пока выполнять работу Деспота?

Конец